

84(0)321-6

E23

101079

Э16

МАГАЗИНЪ ПРОСИЛЬ ПОДИАЛЪ

и КОМПАНИИ
и КОМПАНИИ

СПИД

ГОН
Медея
Орест.

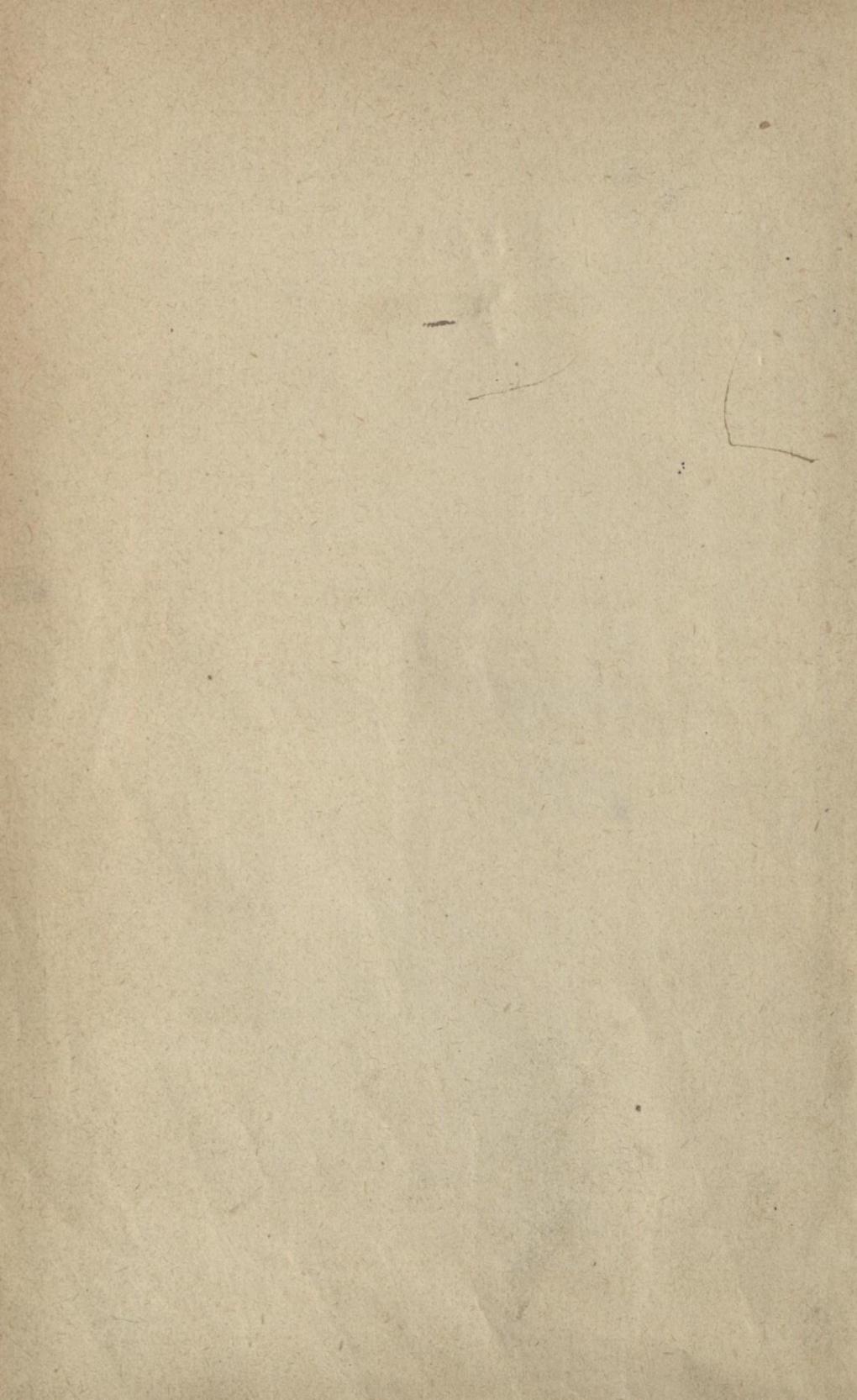
проверка 1923 г.

~~4241~~

23250

mk 101079 7K

Vm

Бережно хранить
K 46

82 Г. И. II, 21.

ВТОРАЯ СЕРИЯ. 1883 г.

БИБЛИОТЕЧНОЕ

№ 13.

84(0)321-6

БИБЛИОТЕКА

E 23.

ЕВРОПЕЙСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ И МЫСЛITЕЛЕЙ.

Издаваемая В. В. ЧУЙКО.

ЭВРИПИДЪ

ЧУЙКО ТРАГЕДИИ:

ИОНЪ, МЕДЕЯ, ОРЕСТЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія газеты «Новости», Мойка, д. № 90.
1883.

1962 г.

ПРОВЕРено

36

1955 г.

ПРОВЕРено 2014

1972 г.

ПРОВЕРено

ПРОВЕРено 2009

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14-го октября 1883 года.

101079

Библиотека-
читальня
им. И.С. Тургенева

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Эврипидъ	1
Іонъ	19
Медея	69
Орестъ	109

ANNUAL 10

P
I
D
Q

annua
ann
ann
ann

д. т. и. № 1. 2. 3. 4.
я также человекину. ~~человекину~~
ЖК. я. никъ г 30

У.

Г

Г. Б. Ч. Т.

ЭВРИПИДЪ.

Современникъ Софокла, Эврипидъ кажется ближе къ намъ, чѣмъ къ своему великому современному. Въ лихорадочно-ки-
лучай жизни Эллады, въ промежутокъ четырнадцати лѣтъ между
рожденіемъ двухъ поэтовъ, все измѣнилось кореннымъ обра-
зомъ. Великая Аѳинская эпоха прошла; герои исчезаютъ,
на ихъ мѣсто являются софисты. Античная религія теряетъ
свои жизненные формы; возникаетъ религіозный мистицизмъ,
такъ рѣзко проявившійся въ Эврипидѣ и въ Аристофанѣ.
Софокль потомокъ благородныхъ борцовъ, видѣвшихъ индій-
скую войну, пѣвшій гимнъ побѣдѣ послѣ Саламинскаго сраже-
нія, затѣмъ жрецъ,—олицетворяетъ собою идеальную и почти
божественную Элладу. Сынъ простой торговки, атлетъ въ
юности, риторъ у Предика, ученикъ Анаксагора и товарищъ
по учению Сократа, Эврипидъ представляетъ новую эпоху
аѳинской культуры. Оба великие поэта принадлежать раз-
нымъ мірамъ, живя въ одномъ и томъ-же городѣ и въ одно
и тоже время.

Эврипидъ родился на островѣ Саламинѣ, по однімъ—въ
486, по другимъ—въ 480 году. Послѣдній годъ,—годъ
пораженія Ксеркса и победы аѳинянъ, греки считали болѣе
вѣрнымъ показателемъ рожденія поэта и даже прибавляли,

Эврипидъ.

Г

что онъ увидѣлъ свѣтъ во время самой битвы, въ которой мужественно сражался Эсхилъ и которой былъ косвенно причастенъ и Софоклъ. Но жизнь Эврипида не была украшена ни величиемъ жизни Эсхила, ни красотой жизни Софокла. Несмотря на мракъ, окружающей его существование, мы видимъ въ его жизни настоящую неблагодарную борьбу и семейные несчастія. Изъ семидесяти-пяти или девяноста-двухъ трагедій, написанныхъ имъ, только пять былиувѣнчаны афинскими судьями. Свое драматическое поприще онъ началъ въ 452 году, но только десять лѣтъ спустя удалось ему одержать первую победу на обычномъ драматическомъ состязаніи. До тѣхъ поръ суды отводили ему только второе или третье мѣсто. Но часто случалось, что публика своимъ кликами отвергала новую пьесу, не досмотрѣвъ ея представлѣнія до конца; тогда пьеса не могла быть представляема вновь безъ значительныхъ передѣлокъ со стороны автора. Ничего подобного никогда не случалось ни съ Эсхиломъ, ни съ Софокломъ. Вся старая афинская партія была очевидно враждебна ему и сатира Аристофана доказываетъ, какъ эта враждебность была велика. Партія этихъ старовѣровъ и консерваторовъ чувствовала въ Эврипида новатора, который вносить новые элементы въ греческую культуру. Эврипида былъ два раза женатъ и оба раза былъ несчастливъ въ бракѣ. Мизогинія (желоненавистничество), въ которомъ его упрекаютъ, была, по всейѣроятности, слѣдствиемъ горечи оскорбленаго сердца. Атеней разсказываетъ, что когда, однажды, кто-то сказалъ Софоклу: — Какъ Эврипида ненавидитъ женщинъ! — Софоклъ отвѣчалъ: «Да, въ своихъ трагедіяхъ, но онъ ихъ обожаетъ въ гинекѣ». — По некоторымъ другимъ преданіямъ, Эврипидомъ овладѣвала по временамъ мрачная меланхолія, заставлявшая его избѣгать людей и ихъ общества. Авла Геллія видѣлъ на островѣ Саламинѣ дикую пещеру, гдѣ, будто-бы, Эврипида писалъ свои трагедіи. Александръ Этольскій написалъ на него эпиграмму, которая удачно характеризуетъ его: «Ученикъ Анаксагора. — говоритъ онъ, — кажется мнѣ неприступно мрачнымъ человѣкомъ; онъ не любить смѣхъ и вино не веселить его; но все, что онъ пишетъ, имѣеть сладость меда и обаятельный голосъ Сиренъ».

На шестьдесят восьмомъ году отъ рожденія, Эврипидъ покинулъ Аѳины и поселился въ Пеллѣ, по приглашенію Архелая, царя Македонскаго. Архелай, достойный предшественникъ Филиппа, привлекалъ къ себѣ греческихъ поэтовъ и философовъ. Нѣсколько позднѣе, Александръ говорилъ о грекахъ, служившихъ въ его фалангахъ: «Они кажутся мнѣ духами среди звѣрей». Архелай окружилъ Эврипida подарками и почестями, но греческое благородство, казалось, покинуло Эврипida, сдѣлавшагося любимцемъ деспота. Аристотель разсказываетъ, что Декаменикъ, одинъ изъ слугъ царя, посмѣялся какъ-то надъ его непрѣятнѣмъ дыханіемъ. Архелай отдалъ слугу въ распоряженіе поэта, который приказалъ натрадить насмѣшника жестокими ударами. Есть возможность предположить, что въ этомъ случаѣ насмѣшникъ поплатился за комическихъ поэтовъ, и въ особенности за Аристофана, жестоко издѣявавшихся надъ нимъ. Но Архелай поплатился въ свою очередь за Эврипida: шесть лѣтъ спустя, Декаменикъ убилъ его на охотѣ. Эврипидъ погибъ раньше: гуляя въ уединенной мѣстности, онъ былъ растерзанъ собаками; но легенда, вдохновляясь, вѣроятно, послѣдними сценами «Вакханокъ», разсказываетъ, будто македонянки, негодуя на оскорблѣнія, нанесенные Эврипидомъ, въ его трагедіяхъ, женщинамъ вообщѣ, собственными руками растерзали его на части, какъ Вакханки растерзали Орфея. Эврипидъ былъ похороненъ въ Пеллѣ; громъ, говорятъ, три разъ грянулъ на его могилѣ. Вѣсть о смерти Эврипida произвела сильное впечатлѣніе въ Аѳинахъ; Софоклъ, никогда не питавшій ненависти къ своему сопернику, потребовалъ, чтобы въ день представлѣнія Софокловой трагедіи: «Эдипъ въ Колонѣ», актеры вышли на сцену безъ вѣнковъ на головѣ, въ знакъ скорби о погибшемъ поэту.

Разница между трагедіями Софокла и драмами Эврипida также велика, какъ разница между Акрополемъ и Агорой. Идеаль потухаетъ и боги блѣднѣютъ; эти боги, грозные у Эсхила, величественные у Софокла, превращаются въ какія-то неясныя тѣни у Эврипida; они точно плаваютъ въ какихъ-то сумеркахъ, между падающей религіей и нарождающейся философіей. Поэтъ точно потерялъ пониманіе священ-

ныхъ миѳовъ, олицетворяемыхъ богами; онъ, конечно, по-прежнему выводить ихъ на сцену, но не вѣрить имъ. Иногда онъ прибѣгасть къ нимъ, безъ всякой нужды, въ прологѣ и эпилогѣ,—отсюда и выраженіе: *deus ex machina*.—Иногда, онъ рѣзко порицааетъ ихъ, упрекая ихъ въ ихъ легендарныхъ преступленіяхъ, игнорируя символической смыслъ миѳовъ. Онъ, прислуживающій въ храмѣ Аполлона, говоритъ о богѣ, которому онъ служитъ: «И все таки я долженъ осудить Аполлона; зачѣмъ онъ покинулъ дѣвушку, послѣ того, какъ овладѣлъ ею? Зачѣмъ онъ предалъ смерти дитя, которому далъ жизнь? Недостойное поведеніе. Если ты всемогущъ, то будь вѣренъ добродѣтели. Всякаго порочнаго изъ смертныхъ боги наказываютъ. Справедливо ли, что вы, давшіе законы смертнымъ, вы сами нарушаете ихъ? Если вамъ придется (этого не будетъ, но я могу предположить), явиться на судъ людской и подвергнуться наказанію за ваши преступныя связи, то Посейдонъ, Зевсъ, царь неба и ты, Аполлонъ,—вы истощите всѣ сокровища вашихъ храмовъ на уплату цѣни за ваши насилия. Гоняясь за удовольствіями, вмѣсто того чтобы оберегать смертныхъ, вы сами становитесь преступны. Нѣтъ, несправедливо называть людей испорченными, если мы подражаемъ порокамъ боговъ и слѣдуемъ имъ примѣру». Тезей въ «Бѣшенномъ Гераклѣ», какъ современный свободный мыслитель разсуждаетъ о преступленіяхъ Олимпа: «Нѣтъ, я никогда не вѣрилъ и никогда не повѣрю, чтобы боги предавались преступной любви, чтобы они зако-
вывали въ цѣли собственныхъ отцовъ, или чтобы одинъ изъ нихъ порабощалъ другихъ. Зачѣмъ богу,—если онъ дѣйствительно богъ,—другой богъ? Это не болѣе какъ глупыя сказки, придуманные поэтами».—Ликосъ, въ той-же трагедіи, издѣ-
вается надъ Геракломъ: «Что великаго онъ сдѣлалъ, побѣ-
дивъ Лернскую гидру, или Немейскаго льва, котораго онъ поймалъ въ свои сѣти, говоря, что задушилъ его собствен-
ными руками? Герой безъ храбрости, прославившійся тѣмъ,
что боролся съ низкимъ животнымъ!»—Елена (въ трагедіи того-
же имени) сомнѣвается въ легендахъ о Ледѣ: «Молва говоритъ,
что Зевсъ былъ въ объятьяхъ моей матери Леды, подъ ви-
домъ лебедя, соединившагося съ нею,—если однако этотъ

разсказъ справедливъ». — Хоръ въ «Электрѣ», разсказавъ какъ солнце отступило передъ промы Атрея, подсмѣивается за тѣмъ, надъ этимъ чудомъ: «Таково преданіе, но мнѣ трудно вѣрить, чтобы солнце повернуло свой блестящій золотой шаръ и измѣнило свой путь, съ тѣмъ лишь, чтобы наказать братьевъ за ихъ взаимную месть». — Всѣдѣ у Эврипида, среди миѳологического аппарата замѣчается рѣзкій скептицизмъ, находящійся въ противорѣчіи съ рассказываемыми миѳами. Полемика видна даже въ лирическихъ мѣстахъ.

Скептически относясь къ богамъ, Эврипидъ въ то же время искаиваетъ преданія политизма. Онъ усложняетъ ихъ романтическими приключеніями и навязываетъ имъ произвольные развязки. Нѣкоторыя его трагедіи похожи на лживый палimpseстъ, гдѣ еще видны отрывки священнаго текста подъ слоемъ апокрифной сказки. Такъ, въ «Электрѣ» Гѣистъ заставляетъ (съ цѣлью унизить) дочь Агамемнона выйти замужъ за крестьянина изъ предметства Микенъ. Бракъ составляется въ «Орестѣ» развязку драмы. По мнѣнію Эврипида, Менелай привезъ изъ Трои одинъ лишь воздушный призракъ, который самъ собою испарился, когда въ Египтѣ онъ нашелъ настоящую Елену. Овидій черезъ пять столѣтій также сиѣло будетъ обращаться съ первобытными миѳами.

«Я изображалъ людей такими, какими они должны быть, — говорилъ Софоклъ, — Эврипидъ — такими, какими они суть въ дѣйствительности». Это правда. Встрѣчая на сценѣ тѣхъ же людей, которыхъ выводилъ Эсхилъ и Софоклъ, кажется, что теперь, въ трагедіи Эврипида, они гораздо ниже. Все понизилось въ нихъ: гордость, благородство, добродѣтель, даже самое зло. У Эврипида эпическіе герои дѣлаются похожи на дѣйствительныхъ тогдашнихъ грековъ: величие, которыми они драпируются, кажется, зависитъ отъ надѣваемыхъ ими котурновъ. Они развязно носятъ свои царскія тоги. Ихъ мелкія страсти недостойны героической эпохи: кажется, что полу-боги превратились въ простыхъ мѣщанъ. Они съ энергией не борются уже противъ рока; они подчиняются ему съ безсильнымъ бѣшенствомъ, какъ рабы, подъ палкой грознаго тирана. Подобно обвишенному въ римскихъ

трибуналахъ, которые, желая разчувствовать судей, рвали свои туники и раскрывали свои язвы,—герои Эврипида носятся съ своими страданіями и показываютъ лохмотья своей нищеты. Но, кромѣ того, эти герои напоминаютъ еще и ораторовъ. Эврипицъ, точно, воспитывалъ ихъ сначала въ школѣ софистовъ, и потомъ уже только выводилъ ихъ на сцену. Находятся ли они въ Аргосѣ или въ Оивахъ, среди сраженія, или на укрѣпленіяхъ осажденного города, они всегда готовы говорить рѣчь. Шекспировская Порція, защищая Бассано противъ Шейлока, не можетъ сравняться въ адвокатской ловкости съ «Геракломъ» Эврипида. По временамъ, въ самыхъ драматическихъ мѣстахъ, эти риторы прибѣгаютъ къ глубокомысленнымъ разсужденіямъ и развиваются тезисы. Ипполитъ, негодуя на сознаніе Федры, откладываетъ на послѣдней гневъ, и сатирически изображаетъ ученыхъ женщинъ. Ликосъ, готовый умертвить дѣтей Геракла, вступаетъ въ споръ съ Амфитріономъ на счетъ того, что достойнѣе воина: мечъ или лукъ и стрѣлы.—По временамъ Эврипицъ влагаетъ въ уста своихъ героевъ литературную критику, и его собственные сцены составляютъ пародію, соотвѣтственныхъ сценъ его предшественниковъ. Такъ, его Электра издѣвается надъ признаками, съ помощью которыхъ она узнаетъ, у Эсхила, прибытие Ореста.—Эврипицъ не обладаетъ ни гордой прямотой Эсхила, ни справедливостью Софокла. Его совѣсть, въ сущности высокая, точно путается софизмами. Въ немъ всегда виденъ ловкий адвокатъ, готовый доказывать pro и contra. Въ «Беллерофонѣ», герой, восхваляя богатство и превознося его надъ всѣми семейными радостями, говоритъ, что еслибы «Золотая Афродита», какъ ее называетъ Гомеръ, дѣйствительно блестѣла какъ золото, то она была бы достойна поклоненій смертныхъ. При этихъ словахъ, изъ телы слушателей были брошены камни въ актера. Чтобы успокоить негодующую толпу, самъ авторъ долженъ быть появиться на сцену и сказать: «Подождите, подождите! Онъ будетъ наказанъ за это!—Другой разъ, Орестъ говоритъ Тиндару, съ цѣлью оправдать убийство Клитемнестры: «Мой отецъ зачаль меня и твоя дочь родила меня, какъ земля, воспринимающая сѣмя, довѣренное ей другими, но безъ отца никогда не бываетъ дѣ-
✓

Xтей! — «А безъ матери, подлый Эврипидъ? — воскликнулъ какой-то голосъ въ толпѣ. У Эврипида встрѣчаются афоризмы, которыми съ удобствомъ могутъ прикрываться всякия несправедливости. Цезарь любилъ повторять одинъ его стихъ: «Для достиженія имперіи можно дѣлать несправедливость, но затѣмъ, нужно быть справедливымъ». Въ другомъ извѣстѣ онъ говоритъ: «Когда уста поклялись, то это еще не значитъ чтобы душа обязалась».

Поэтическое бессилье Эврипидовой трагедіи обнаруживается еще въ хорѣ. Хоръ Эсхила и Софокла связанъ съ трагедіей какъ барельефъ съ храмомъ. У нихъ, хоръ — это живая совѣсть трагедіи, идеальный свидѣтель борьбы и страсти; онъ вмѣшиваются въ борьбу, съ цѣлью умѣрить ее; онъ выражаетъ съ религиознымъ безстрастiemъ высшія идеи, которымъ противники должны повиноваться. Въ хорѣ Эврипида — нѣть ничего подобнаго: онъ выслушиваетъ преступные проекты, присутствуетъ при сознаніи преступленія, обязуется не измѣнить. Изъ совѣтника онъ превращается въ соучастника. Это не болѣе какъ толпа наемныхъ виртуозовъ, исполняющая блестящія варьаціи на тему дома Кадма или Троянской войны. Кажется, что хоръ паникается главнымъ героемъ, чтобы заполнить пробѣлы трагедіи. Такимъ образомъ, хоръ переходитъ отъ пьесы къ пьесѣ съ своимъ музыкальнымъ репертуаромъ. Медея его удерживаетъ, финикиянки въ свою очередь требуютъ его, Гераклъ только его и ожидаетъ, чтобы умертвить своихъ дѣтей. Понятно, поэтому, что Аристофанъ, человѣкъ прошлаго, приверженецъ національныхъ преданій, такъ сильно ненавидѣлъ Эврипида. Съ Ѣдкимъ остроумiemъ онъ издѣвается надъ нимъ въ «Лягушкахъ». Ничего не забыто въ этой рѣзкой критикѣ: ни лохмотья его царей-нищихъ, ни его безконечные монологи, ни его «философскія бредни», ни его декламаторство, ни его употребленіе «въ языке прямыхъ линій и угловъ», ни его искусство «обманывать, хитрить, подозрѣвать зло». Но Аристофанъ несправедливъ: онъ видитъ только слабыя стороны Эврипида и не хочетъ видѣть его удивительныхъ красотъ. Этотъ удивительный гений полонъ самыхъ странныхъ противорѣчій. Если Эврипидъ и не принадлежитъ къ породѣ Эсхила и Софокла, то онъ слѣдуетъ за

ними непосредственно. Онь похожъ на Педазоса, третьяго коня въ колесницѣ Ахилла; это былъ конь не божественнаго происхождѣнія, подобно двумъ другимъ, но, какъ сказаль Гомеръ «онъ всюду слѣдовалъ за безсмертными конями».

«Эврипидъ,—говорить Коршъ въ своей «Исторіи греческой литературы»,—внесъ новую струю въ греческую трагедію. Струя эта была, правда, разрушительного свойства, но трагедія не могла держаться долѣ на той героической высотѣ, на какую вознесли ее Эсхилъ и Софокль. Критический духъ времени дѣлалъ свое дѣло. Большой талантъ, смѣнившій ихъ на аѳинской сценѣ, не могъ не искать новыхъ путей, на которые наводили его передовыя стремленія современности. За привлекательной оболочкой героического величія, Эврипидъ яснѣе своихъ предшественниковъ разглядѣлъ причину всѣхъ причинъ,—человѣческое сердце, его борьбу съ внушеніями трезвой мысли и разума. Эсхилъ и Софокль гениально изображали героизмъ человѣческой природы въ увеличенныхъ размѣрахъ. Эврипидъ былъ не менѣе гениальнымъ поэтомъ ея неодолимыхъ страстей, ея сильныхъ, но реальныхъ слабостей, если можно такъ выразиться. Полу-боги, лишенные того фантастического величія, которое отдѣлило ихъ отъ смертныхъ, смѣшились у него съ толпою... Вслѣдствіе этого Эврипида можно считать предшественникомъ, чутъ не творцомъ, такъ называемой, новой комедіи грековъ, которая замѣнила сатиру на лица сатирой на нравы и которой представители относились восторженно къ памяти и произведеніямъ Эврипида, какъ своего учителя. Его вліяніе замѣтно перешло потомъ, черезъ новую комедію грековъ и римлянъ, на новыя литературы. Нравственный идеи Эврипида, отразившіяся въ его драмахъ, обличаютъ такое глубокое пониманіе человѣческой природы и общества, такія сильныя философскія и религіозныя убѣжденія, что многіе въ древности считали его мудрымъ изъ мудрыхъ, а христіанскіе писатели первыхъ вѣковъ нашей эры даже находили въ его сочиненіяхъ смутное предчувствіе новой вѣры... Эврипида упрекаютъ въ нарушеніи, ради эффекта, того гармонического единства, той художественной цѣльности, совершившійшимъ представителемъ которой признается Софокль. Но мы не думаемъ, чтобы можно было смотрѣть на драматическая

произведенія съ одной только стороны ихъ художественной объективности. Эвріпидъ дѣйствительно любилъ эффекти, неожиданности, болѣе или менѣе излишніе эпизоды; боги, появляющіеся въ его піесахъ, иногда помогали ему разрубать драматические узлы, которые было-бы очень трудно распутать. Но онъ былъ новаторъ на греческомъ театрѣ; его слабыя стороны были только оборотными сторонами новыхъ приемовъ, внѣсенныхъ имъ въ драму, которая по духу времени, по народившимся задачамъ сознанія и искусства, не могла оставаться вѣчно на одномъ и томъ-же уровнѣ художественной объективности и гармоніи. Если его хоры, какъ утверждаетъ критика, уже не такъ тѣсно связаны со всѣмъ драматическимъ дѣйствіемъ, какъ у Софокла; если они играютъ въ его піесахъ болѣе формальную, чѣмъ существенную роль, то значитъ эта форма драматического творчества стала терять свое прежнее значение. Драматическое творчество, какъ и эпосъ, имѣло въ Греції свою пору цѣльного героико-трагического міровоззрѣнія, которую стала смыть, въ лицѣ Эвріпіда, пора критики и разложенія. Отсюда свободное обращеніе Эвріпіда съ мнѣческимъ материаломъ, гораздо болѣе свободное, чѣмъ у его предшественниковъ. Онъ менѣе ихъ вѣрилъ, менѣе уважалъ древніе мнѣнія, онъ видѣлъ въ нихъ только поэтическій материалъ для выраженія своихъ мыслей и представлений. Его понятія о божествѣ существенно расходились съ господствующими вѣрованіями. Въ его глазахъ божество могло быть только единымъ, всемогущимъ духомъ, неимѣющимъ ничего общаго съ ходячими представлениями о богахъ. Идея неумолимой судьбы занимаетъ сравнительно ничтожное мѣсто въ его образѣ мыслей и драматическихъ произведеніяхъ. Ее замѣняетъ идея страсти, и странно было-бы не видѣть тутъ огромнаго успѣха въ исторіи драмы, вся цѣль, весь смыслъ, весь интересъ которой заключается въ борбѣ страстей и характеровъ. Эвріпидъ великъ, именно, какъ поэтъ страсти. Никто до него не изображалъ на сценѣ, въ болѣе живыхъ и трогательныхъ образахъ, увлеченій любви, упоительного счастія, смыняющагося сожалѣніемъ и отчаяніемъ, и потрясенія горемъ разсудка. Онъ первый показалъ зрителю не героя, а человѣка, показалъ въ мастерскихъ, правдивыхъ и патетическихъ картинахъ, съ по-

мощью имъ самимъ созданныхъ, ему только свойственныхъ приемовъ драматического творчества. И если онъ уступаетъ Эсхилу въ непосредственности энтузиазма, если у него иѣтъ того яснаго величія, печать котораго лежитъ на лучшихъ трагедіяхъ Софокла, то его произведенія будятъ мыслъ, волнуютъ душу, захватываютъ дыханіе зрителей. Аристотель не даромъ называлъ Эвріпіда самымъ трагическимъ изъ поэтовъ. Драматическое творчество Эвріпіда представляетъ еще одну сторону, ярко обрисовывающую его талантъ. До него, особенно при Эсхилѣ и его предшественникахъ, языкъ поэзіи рѣзко отличался отъ языка прозы. Поэзія имѣла свои особые способы выраженія, выработанные и освященные эпосомъ и лирикой. Языкъ Софокла былъ проще и ближе къ обыкновенной живой рѣчи; но стиль діалоговъ Эвріпіда уже ничѣмъ не отличается отъ прозы, кроме тонкаго подбора и красиваго расположения словъ и ихъ метрическаго сочетанія. Языкъ Эвріпіда изященъ, ясенъ, гармониченъ, гибокъ. Почти не употребляя тѣхъ условныхъ выражений, которыхъ обычай присвоивалъ исключительно поэзіи, онъ умѣлъ такъ искусно пользоваться обыкновенною разговорною рѣчью, что она преобразилась у него въ поэтическую. Оттого его драмы не представляютъ въ членіи тѣхъ многочисленныхъ темныхъ мѣстъ, которыхъ такъ затрудняютъ чтеніе Эсхила и Софокла; его хоры почти также ясны, какъ и діалоги».

Примѣръ лучше всего объяснить значение Эвріпіда въ исторіи греческой культуры и его роль въ исторіи драмы. Извѣстно, что всѣ три греческихъ трагика,—Эсхилъ, Софокль и Эвріпідъ,—трактовали въ своихъ трагедіяхъ одинъ и тотъ же сюжетъ,—судьбу Атридовъ. Этотъ сюжетъ Эсхилъ разработалъ въ трилогіи «Орестія» («Агамемнонъ», «Хоэфоры» и «Эвмениды») *), Софокль далъ намъ «Электру», а Эвріпідъ—

*) Вильгельмъ Шлегель (См. „Курсъ драматической литературы“) считалъ эту трилогію „величайшей поэмой“, когда-либо созданной человѣческимъ воображеніемъ,—и вѣроятно лучшимъ, наиболѣе совершеннымъ плодомъ генія Эсхила“.

«Ореста». Судьба дома Атридовъ, правда, была разрабатываема этими трагиками и въ другихъ трагедіяхъ, но для нашей параллели мы выбираемъ только сюжетъ Ореста, имѣющаго значительную аналогію съ «Гамлетомъ» Шекспира. Агамемнонъ, мужъ Клитемнестры, возвращается изъ Трои. Клитемнестра, сойдясь съ Эгистомъ, убиваетъ его. Орестъ, сынъ Агамемнона и Клитемнестры, сдѣлавшись взрослымъ человѣкомъ, мстить за отца и въ свою очередь убиваетъ Клитемнестру. Аналогія съ Гамлетомъ очевидна. Посмотримъ теперь, какъ каждый изъ греческихъ трагиковъ отнесся къ своей задачѣ.

Прежде всего, необходимо замѣтить, что Орестъ Эсхила и Софокла принадлежитъ къ одной категоріи, а Орестъ Эврипида къ другой, напоминая уже терзанія совѣсти и сомнѣнія Гамлета. Это превращеніе греческаго героя въ рукахъ Эврипида такъ значительно, что безъ преувеличенія можно сказать, что между Орестомъ его предшественниковъ и Орестомъ Эврипида замѣчается гораздо болѣе различій, чѣмъ между этимъ послѣднимъ и Шекспировскимъ Гамлетомъ.—Характеръ греческихъ героевъ трагедій до Эврипида можно опредѣлить словомъ статуя. Какъ статуи, они точно высѣчены изъ одного камня; какъ у статуй, ихъ лицъ неподвижно; какъ у статуй, ихъ красота имѣеть идеальный характеръ, безъ индивидуальныхъ оттенковъ. Эта родственность греческой трагедіи первой эпохи съ скульптурой невольно заставляетъ прибѣгать къ слову: пластический, когда говорить о герояхъ Эсхила и Софокла. Отличительная черта героевъ этой трагедіи заключается въ томъ, что какъ-бы велики ни были ихъ преступленія,—совѣсть ихъ совершенно спокойна: никакихъ иученій и сомнѣній они не испытываютъ. Они убѣждены, что правы; они имѣютъ сознаніе своей правоты, какъ убийцы Варѳоломеевской ночи. Это потому, что страсть управляющая ими, никогда не является у нихъ чувствомъ низкихъ и личныхъ; она всегда отожествляется съ высокимъ долгомъ. Единственно отданные служенію тому богу, который ихъ вдохновляетъ, герои трагедій, если можно такъ выразиться, относятся атеистически ко всемъ другимъ богамъ, такъ что узкость ихъ умственного горизонта является ихъ силой. Ихъ воля также энергична, какъ ихъ умъ ограниченъ. Электра,

дочь Агамемнона, не хотеть, чтобы ея сестра напомнила ей, что она—также дочь Клитемнестры. Трагический элемент заключается въ томъ, что герои поставлены между двумя обязанностями противорѣчивыми, но одинаково священными; характеристическая черта героеvъ Эсхила и Софокла заключается въ томъ, что они никогда не колеблются между этими двумя обязанностями и какъ только они выбрали одну изъ нихъ, они всецѣло отдаются ей, безъ сожалѣній и колебаній. Такъ Орестъ будетъ преслѣдуемъ фуріями его отца, если не отомстить за него; но онъ будетъ преслѣдуемъ фуріями матери, если убить ее: положеніе ужасное, страшно трагическое которое было выражено Эврипилемъ слѣдующимъ образомъ: «Если-бы я оправдалъ мою месть, то зачѣмъ мнѣ было бы ожидать божественныхъ защитниковъ отца моего? Его ненависть не набросила-ли-бы на меня Фурій? Если ужасный богини приготовляютъ мщеніе моей матери, то неужели онъ не отомстить за того, который былъ гораздо болѣе оскорблѣнъ, чѣмъ она?» Поставленный между этими двумя альтернативами, Орестъ Эсхила не колеблется. Онъ выбираетъ вторую: онъ убить свою мать и тѣмъ отомстить за отца. Принявъ разъ рѣшеніе, онъ совершенно спокойно приступаетъ къ выполненію его, такъ что контрастъ между нимъ и Гамлетомъ—полный. Такъ, духъ стараго Гамлета принужденъ вторично появиться сыну и сказать ему: «Не забывай!» и такимъ образомъ возбуждаетъ его падающую энергию, между тѣмъ, какъ Орестъ самъ вызываетъ тѣнь отца своего: «Позволь, о земля! чтобы отецъ мой былъ свидѣтелемъ борьбы!.. Помни, отецъ, какъ ты былъ умерщвленъ!.. Проснись, отецъ, при воспоминаніи объ этомъ оскорблѣніи... Услышь этотъ послѣдній крикъ, съ которымъ я къ тебѣ обращаюсь. Посмотри на своихъ дѣтей, стоящихъ у твоей могилы». Электра, присоединя свой голосъ къ голосу брата, прибавляетъ: «Подыми твою благородную голову. Пошли справедливость бороться въ рядахъ твоихъ дѣтей». Замѣчательно также, что у Шекспира Гамлетъ убиваетъ отца только тогда, когда самъ смертельно раненъ. Не говоря уже о томъ, какъ долго заставлялъ себя ждать этотъ ударъ, можно сказать, что нѣть ничего противоположнѣе религіозному характеру поступка Ореста, какъ это внезапное,

случайное гамлетовское убийство, теряющее, благодаря этому обстоятельству, характеръ священнаго долга и превращающееся въ простую, личную месть.

Софокль — не такъ серъезенъ, но гораздо болѣе художникъ; его Орестъ болѣе пластиченъ; онъ твердъ и холоденъ, какъ мраморъ. Онъ даже возмущаетъ нашу человѣческую натуру, когда говоритъ своей сестрѣ Электрѣ, столь-же безчеловѣчной, какъ и онъ: «Берегись, чтобы мать не догадалась о нашемъ намѣреніи, видя радость твоего лица, когда мы войдемъ во дворецъ; сдѣлай видъ, что ты оплакиваешь мою преждевременную смерть; а послѣ успѣшнаго выполненія дѣла намъ можно будетъ свободно смѣяться и отдаваться радости». Эти молодые люди, радующіеся при мысли объ убийствѣ ихъ матери и способные смѣяться послѣ убийства, кажутся намъ не человѣчно жестокими, фальшивыми; мы не можемъ не согласиться съ Корнелемъ, который писалъ по этому поводу въ «Discours de la Tragedie»: «Я согласенъ, что Клитемнѣстра должна умереть отъ руки ея сына Ореста; но я не могу примириться съ мыслью, чтобы этотъ сынъ закололъ ее хладнокровно, въ то время какъ она — на колѣняхъ передъ нимъ, умоляя его оставить ей жизнь. Я даже не могу простить Электрѣ, которая въ трагедіи считается добродѣльной несчастной, то, что она съ такимъ безчеловѣчемъ совѣтуетъ своему брату это убийство. Правда, что она мстить за своего отца, но мститъ она, вѣдь, своей матери».

У Эврипида все измѣняется. Переворотъ, который, благодаря ему, совершился тогда въ искусствѣ и міровоззрѣніи, тѣль болѣе замѣчательенъ, что его нельзя приписать исключительно гению третьяго изъ греческихъ трагиковъ. Какъ мыслитель, Эврипидъ значительно ниже Эсхила; онъ ниже Софокла, какъ художникъ, но новые идеи носились, такъ сказать, въ воздухѣ. Въ пятомъ вѣкѣ до Р. Х. въ Аѳинахъ совершилась такая сложная и могучая работа мысли, какой мы въ послѣдствіи не встрѣчаемъ нигдѣ и Эврипидъ былъ только популяризаторомъ идей Анааксагора и Сократа. Прогрессъ нравственныхъ понятій, паденіе религіозныхъ вѣрованій, — вотъ въ двухъ словахъ характеръ реформы, осуществившейся подъ вліяніемъ философіи въ области умственныхъ понятій.

Орестъ у Эврипида превращается въ современного намъ героя, столь же мало имѣющаго общаго съ античными нравами Греціи, какъ и Ифигенія Гете и Расима. Онъ сомнѣвается въ справедливости своего дѣла, потому что будучи озаренъ философскою мыслью, не заключенной въ предѣлы прежнихъ понятій, дѣлавшихъ людей спъльными, онъ уже замѣчаетъ то, что есть справедливаго и въ его противникѣ. Въ противоположность убийству отца Гамлета Клавдіеиъ, убийство Агамемнона Клитемнестрой было справедливо: это была месть за принесеніе въ жертву Ифигеніи. Когда Гамлетъ не рѣшается убить Клавдія, то причина этого колебанія лежитъ по преимуществу въ его характерѣ. Колебаніе Эврипида Ореста имѣть гораздо болѣе серьезныя причины; онъ долженъ убить свою мать, и, къ тому-же, мать, которая, въ сущности исполняла свой долгъ. Тѣмъ не менѣе, онъ ее убиваетъ, но лишь только убийство совершилось, онъ уже раскаивается и проклинаетъ бога, который заставилъ его сдѣлать это убийство. Одинъ и тотъ-же фактъ Эсхилъ оправдываетъ во имя античной религіи, въ то время какъ Эврипида порицаетъ во имя нравственности. Гамлетъ, правда, и безъ пролитія крови страдаетъ угрызеніями совѣсти: предрасположеніе сердца, даже тогда, когда руки, еще незапятнаны достаточно, чтобы сдѣлать человѣка преступнымъ. Въ трагедіи Эврипида совѣсть просыпается у Ореста только послѣ совершеннія преступленія но она, во всякомъ случаѣ, просыпается. У Эсхила нѣтъ ничего подобнаго. Наказаніе, которому Эвмениды хотятъ его подвергнуть, есть наказаніе чисто, материальное: онъ намѣренъ «буквально» растравить все его тѣло язвами и высосать кровь изъ его вены, подобно вампирахъ. Также материально и очищеніе, помощью котораго Орестъ Эсхила испрашивается себѣ прощеніе адскихъ боговъ,— оно заключается просто въ принесеніи въ жертву поросенка: «Могучая Аѳина, мнѣ печено больше искушать и моя рука, прикасаясь къ твоей статуѣ, не замарала ее,— я могу доказать тебѣ это. Всякое убийство, говорить законъ, должно оставаться молчаливымъ до тѣхъ поръ, пока оно не будетъ искуплено кровью молодой жертвы: уже давно, какъ въ другихъ храмахъ, кровь жертвъ и священная вода смыли мой

поступокъ». Орестъ Эврипида быль-бы счастливъ, еслибъ иогъ искупить свое преступленіе такъ легко. Но мысль уже слишкомъ ярко его освѣтила, онъ не настолько язычникъ, чтобы вѣрить, что кровь жертвы и священная вода могутъ смыть его преступленіе. Его совѣсть, какъ онъ говоритъ Менделаю, глубокое сознаніе ужаса мучаютъ его, овладѣваютъ имъ до такой степени, что умъ его мѣшается.

Кромѣ этой общей аналогіи Эврипида Ореста съ Гамлетомъ Шекспира,—между двумя драмами можно замѣтить и другія детальныя сходства. Такъ, напримѣръ, Гамлетъ спрашиваетъ себя, дѣйствительно-ли тѣнь, которую онъ сначала назвалъ «честнымъ призракомъ» не дьяволъ; онъ подозрѣваетъ въ ночномъ видѣніи, отравившемъ его существованіе, участіе ада. Точно также и Орестъ не можетъ вѣрить, чтобы богъ иогъ потребовать отъ него убийства его матери и онъ обвиняетъ оракула въ томъ, что это не болѣе какъ ловушки, поставленная его счастію и его невинности злымъ геніемъ. Тѣнь отца Гамлета запрещаетъ сыну что-либо предпринимать противъ его матери: Орестъ Эврипида, проклявъ Аполлона и его «несчастивые» приказы, прибавляетъ: «Я думаю, что мой отецъ, еслибы я могъ его спросить, долженъ-ли я убивать мать,—заклиналъ бы меня, съ руками простертыми ко мнѣ, не погружать ножъ въ грудь той, которая произвела меня на свѣтъ». Орестъ Эсхила говоритъ какъ разъ противоположное: «Я не раскаиваюсь... я не боюсь. Отецъ мой изъ глубины своей могилы будетъ моимъ защитникомъ».—Въ другомъ мѣстѣ Эврипида говоритъ: «Желаніе жить является у насъ оттого, что мы знаемъ, что такое жизнь, но страхъ покинуть міръ зависитъ отъ того, что мы не знаемъ, что такое смерть». Въ этихъ двухъ строчкахъ заключена уже вся теорія Гамлета, выразившаяся въ знаменитомъ монологѣ: «Быть или не быть? вотъ въ чёмъ вопросъ! Что благороднѣе: сносить-ли громъ и стрѣлы враждующей судьбы, или возстать на море бѣдъ и кончить ихъ борьбою? Окончить жизнь—уснуть, не болѣе! И знать, что этотъ сонъ окончить грусть и тысячи ударовъ —удѣль живыхъ. Такой конецъ достоинъ желаній жаркихъ. Умереть? Уснуть? Но если сонъ видѣнія посѣтятъ? Что за мечты на смертный сонъ слетять, когда стражнемъ мы

суету земную? Вотъ что дальниѣйшій заграждаетъ путь! Вотъ отчего бѣда такъ долговѣчна! Кто снесъ бы бичъ и посмѣяніе вѣка, безсилье права, тирановъ притѣженіе, обиды гордаго, забытую любовь, презрѣнныхъ душъ презрѣніе къ заслугамъ, когда-бѣ могъ насть подарить покоемъ одинъ ударъ? Кто несъ-бы бремя жизни, кто гнулся-бы подъ тяжестью трудовъ? Да, только страхъ чего-то послѣ смерти—страна безвѣстная, откуда путникъ не возвращался къ намъ, смущаетъ волю—и мы скорѣй снесемъ земное горе, чѣмъ убѣжимъ къ безвѣстности за гробомъ. Такъ всѣхъ насть совѣсть обращаетъ въ трусовъ, такъ блекнетъ въ насть румянецъ сильной воли, когда начнемъ мы размышлять: слабѣеть живой полетъ отважныхъ предпріятій и робкій путь склоняетъ прочь отъ цѣли!»

Эти аналогіи, приведенные нами, достаточны, надѣемся, чтобы указать на замѣчательное мѣсто, занимаемое Эвріпидомъ между его греческими предшественниками и великимъ англійскимъ поэтомъ. Не болѣе полу-столѣтія отдѣляетъ его отъ Эсхила, двадцать вѣковъ отдѣляютъ его отъ Шекспира, а между тѣмъ, онъ ближе къ Шекспиру, чѣмъ къ Эсхилу. Эвріпидъ совершилъ величайшій переворотъ, когда-либо бывшій въ драматическомъ искусствѣ, когда на мѣсто вицѣнаго конфликта боговъ, въ чёмъ заключалась сущность до него драмы, онъ перенесъ сцену трагической борьбы въ душу героеvъ. Дѣйствительные актеры «Орестія» Эсхила, это—Эвмениды и Аполлонъ. Дѣйствительные актеры Софокловы «Антигоны» это—боги Олимпа, покровители государства и боги ада, покровители семьи. Античный Орестъ вѣрить только Аполлону; Креонъ, точно также, исключительно полагается на Зевса и издѣвается надъ божествомъ Гадеса, которому Антигона, въ свою очередь, исключительно поклоняется. Хоръ представляетъ гармонію, въ человѣческомъ сознаніи, боговъ, борющихся на сценѣ,—такова въ двухъ словахъ вся драматическая система Эсхила и Софокла. Но подъ первомъ Эвріпидомъ, все это зданіе сразу рушится: человѣкъ въ богатствѣ и сложности своей натуры, во внутреннихъ конфликтахъ души становится центромъ драматического интереса. И съ тѣхъ поръ, драма остается тѣмъ, чѣмъ сдѣлалъ ее Эвріпидъ. За исключеніемъ Расиновой «Аталіи», въ которой величие борьбы между Іеговою и

Вааломъ указываетъ на все ничтожество человѣчества, всѣ трагедіи, послѣ Эвріпіда, носятъ на себѣ печать послѣдняго греческаго трагика и его латинскаго подражателя, Сенеки. Поэты новѣйшей комедіи, изучающіе человѣческое сердце, воспроизводящіе дѣйствительность, принадлежатъ къ непосредственнымъ его наслѣдникамъ. Шекспиръ точно также принадлежитъ къ нимъ, но собственно романтическія страсти занимаютъ въ его трагедіяхъ совершенно незначительное мѣсто въ сравненіи съ произведеніями современныхъ намъ драматическихъ писателей, и нѣкоторые изъ его героевъ также цѣльны, какъ герой Эсхила и Софокла.

До насъ дошло всего восемнадцать полныхъ трагедій Эвріпіда, кромѣ многочисленныхъ, иногда довольно крупныхъ отрывковъ, и одна сатирическая драма. Всѣ они написаны въ періодъ времени съ 438 по 408 годъ и носятъ слѣдующія заглавія: «Гебука», «Орестъ», «Финикіянки», «Медея», «Вѣнчанный Ипполитъ», «Аллеста», «Андромаха», «Молящіе о защите», «Гераклиды», «Троянки», «Елена», «Іонъ», «Бѣшеный Геракль», «Электра», «Ифигенія въ Тавридѣ», «Ифигенія въ Августѣ», «Вакханки», «Резъ» и «Циклопъ». Трагедіи Эвріпіда могутъ быть раздѣлены по своему характеру на три разряда. Въ однихъ, напр. въ «Ифигеніяхъ», онъ является продолжателемъ своихъ предшественниковъ; въ другихъ—въ «Ипполите», въ «Медеѣ»,—онъ отдѣляется отъ нихъ необыкновенно увлекательнымъ воспроизведеніемъ жгучей сердечной страсти; въ третьихъ, напр. въ «Іонѣ», Эвріпідъ создаетъ родъ драмы, который можно назвать романтическимъ. Желая характеризовать гений Эвріпіда наиболѣе своеобразными его произведеніями, мы выбрали для настоящаго выпуска: «Медею», какъ изображеніе сердечной страсти, «Іона»,—какъ романтическую драму, и «Ореста», въ которомъ уже совершенно ясно виденъ переходъ античной драмы къ новѣйшей концепції. Текстъ «Ореста», къ тому же иллюстрируетъ параллель, сдѣланную нами выше между Эсхиломъ, Софокломъ, Эріпидомъ и Шекспиромъ.

Въ скоромъ времени мы приступимъ къ изданію отдѣльными выпусками всѣхъ другихъ трагедій Эвріпіда такъ чтобы составить на русскомъ языкѣ, еще не осуществленное изданіе всего Эвріпіда.

Г. Б. Ч. Т.

ІОНЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Гермесъ.

Ксусфій.

Іонъ.

Старикъ.

Хорь рабынь Креузы.

Слуга Креузы.

Креуза.

Пиоія.

Аенна.

Дѣйствие происходит у дверей Дельфійского храма.

Гермесъ.—Атласъ, который на своихъ бронзовыхъ плечахъ поддерживаетъ небо, древнее обиталище боговъ, сдѣлалъ одну богиню¹⁾ матерью и получилъ отъ нея Майию, давшую жизнь мнъ, Гермесу, служителю Зевса, повелителя Олимпа. Я только что прибылъ въ Дельфи, центръ земли, мѣстопребываніе Феба, гдѣ онъ, своимъ пророческимъ голосомъ, раскрываетъ смертнымъ настоящее и будущее. Въ Греціи существуетъ знаменитый городъ, получившій свое имя отъ Паллады, богини съ золотымъ лукомъ въ рукахъ: тамъ-то, однажды, Фебъ засталъ Креузу, дочь Эрехтея, и овладѣль ею у подошвы холма,

¹⁾ Плеіону, дочь Океана и Теїи.

посвященного Палладѣ, въ той части Аѳинской земли, гдѣ находятся утесы, обращенные къ сѣверу и названные жителями Аттики утесами Макра. Во все время беременности отецъ ея ничего не зналъ (ибо такова была воля бога); когда пришло время, она родила сына, котораго сейчасъ-же отнесла въ тотъ самый гротъ, въ которомъ соединилась съ богомъ; будто обрекая малютку на смерть, она положила его въ камышевую корзину съ округленными боками, сообразуясь съ обычаемъ, которому слѣдовали для ея предка Эрихтонія,¹⁾ сына земли. Дочь Зевса, поручая своего сына присмотру дочерей Аглауры,²⁾ помѣстила для его защиты двухъ змѣй. Оттого-то у потомковъ Эрехтея вошло въ обыкновеніе окружать золотыми змѣями колыбель новорожденныхъ. Затѣмъ, молодая мать привязала на шею своему сыну всѣ свои драгоцѣнности и оставила ихъ ему, точно онъ долженъ быль умереть. Послѣ этого Аполлонъ обратился ко мнѣ съ слѣдующей просьбой: «О, братъ мой, отправься къ народу знаменитыхъ Аѳинъ (ты, конечно, знаешь городъ Аѳинны); въ углублениі одного утеса найдешь ты новорожденного ребенка: возьми его вмѣстѣ съ корзинкой, въ которой онъ лежить съ пеленками, въ которая запернуть, инеси въ Дельфы, въ храмъ, гдѣ я возвѣщаю оракулы, и положи его у самаго порога моего святилища. Что касается до всего остального (такъ какъ надо тебѣ знать, что это дитя—мой сынъ), то я объ этомъ самъ позабочусь». Желая угодить Аполлону, моему брату, я унесъ камышевую корзину и положилъ ее съ ребенкомъ на ступени этого храма, пріоткрывъ крышку, чтобы дитя было видно. Пророчица, войдя въ храмъ въ тотъ часъ, когда солнечная колесница начинаетъ свой кругъ, уронила свой взоръ на ребенка и остановилась въ недоумѣніи при мысли, что одна изъ Дельфійскихъ дѣвушекъ осмѣлилась подбросить въ жилище боговъ

¹⁾ Сына Аѳинны и Гефайста.

²⁾ Жены Эрехтея. Ея три дочери назывались: Аглаура, Герсей и Пандрова.

плодъ своей преступной любви. Она хотѣла-было его выбросить за священную ограду, но въ сердцѣ ея жестокость уступила мѣсто состраданію и богъ, заботившійся о своемъ сынѣ, помѣшалъ ей закрыть ему двери этого убѣжища. Она его взяла, воспитала и до сихъ поръ не знаетъ, что Аполлонъ его отецъ; не знаетъ она и его матери, и ребенокъ также не имѣетъ понятія о своихъ родителяхъ. Въ первые годы онъ игралъ и бѣгаль тамъ и сямъ, питаясь дарами, приносимыми на жертвеники; когда-же онъ возмужалъ, то Дельфійцы сдѣлали его хранителемъ сокровищъ бога, его вѣрнымъ слугой и до сего дня онъ вель въ храмѣ почетную жизнь. Мать-же его, Креуза, вышла замужъ за Ксуфія при слѣдующихъ обстоятельствахъ: Пламя войны вспыхнуло между Аѳинянами и Халкодонидами,¹⁾ жителями Эвбей. Ксуфій, принявшій въ ней участіе и своимъ оружиемъ содѣйствовавшій побѣдѣ Аѳинъ, получилъ въ награду руку Креузы, хотя онъ былъ и чужестранецъ, потомокъ Эола, сына Зевса, и Ахеянинъ по происхожденію. Бракъ ихъ, хотя и длится уже много лѣтъ, но до сихъ поръ оставался безплоднымъ и желаніе имѣть потомство привело ихъ теперь къ оракулу Аполлона. Самъ богъ руководилъ всѣми этими событиями и, повидимому, не ошибся. Когда Ксуфій войдетъ въ этотъ храмъ, Аполлонъ отдастъ ему своего сына и скажетъ, что онъ родился отъ него: такимъ образомъ дитя снова вернется на лоно матери, признается Креузой, будеть имѣть жизнь обеспеченную и для всѣхъ останется тайнымъ то, что Аполлонъ его отецъ. Богъ сдѣлаетъ такъ, что въ Элладѣ его назовутъ Іономъ, основателемъ азіатскихъ колоній. Но я укроюсь въ эти лавровыя кущи, чтобы узнать, какъ рѣшился участъ этого ребенка. Ибо я вижу сына Аполлона, выходящаго изъ храма, чтобы поднести его порогъ лавровыми вѣтвями. Я первый изъ боговъ даю ему это имя Іона, которое онъ долженъ носить.

¹⁾ Жители Эвбей получили это имя отъ Халкодона, одного изъ царей, побѣжденаго Аментріономъ и Оївійцами.

ъ.— Свою колесницею Гелюсъ уже засіяль надъ землею; отъ лучей его небесныя свѣтила бѣгутъ на лоно священной ночи и недоступныя вершины Парнаса, внезапно освященные, первыя вкушаютъ свѣть, чарующій всѣхъ смертныхъ. Между тѣмъ, дымъ мирры возносится къ сводамъ храма, и жрица, сидящая на священномъ треножникѣ, скоро начнетъ вѣщать эллинамъ пророческія пѣсни, внушенныя ей Аполлономъ. Вы, Дельфійскіе граждане, служители бога, спѣшите къ Косталискому серебристому источнику и, обмывшись въ его чистыхъ водахъ, войдите въ святилище. Да воздержатся уста ваши отъ всякихъ злыхъ рѣчей; пусть они откроются лишь для произнесенія благопріятныхъ предсказаний всѣмъ желающимъ вопросить бога. Я же займусь тѣмъ, что поручено мнѣ съ дѣтства. Очищать лавровыми вѣтками порогъ этой священной обители, украшать ее вѣнками, окроплять его свѣжей водой, стрѣлами прогонять стаи птицъ, оскверняющихъ святость жертвоприношеній,—вотъ моя обязанность; сирота по отцѣ и по матери, я смиренно служу храму, меня вскормившему. Приди же, новая краса земли, прелестный лавръ, приди мнѣ помочь смести всю грязь съ этой священной земли. О вѣтви, сорванныя у храма, въ садахъ бога, въ томъ мѣстѣ, гдѣ неизсякаемый источникъ, питаемый небесной росой, орошаетъ священную листву мirtы,—вами я каждый день обметаю это преддверіе Аполлона при первомъ взмахѣ быстраго крыла Гелюса, спѣша исполнить мое обычное дѣло. О Пеанъ, Пеанъ, будь благословенъ, благословленъ ты, сынъ Латоны! Какое благородное дѣло, о Фебъ, оберегать твою дверь, чтить твои прорицанія! Какою гордостью наполняютъ меня эти услуги, которыя руки мои воздаютъ не людямъ, а богамъ, безсмертнымъ богамъ! Да, подобный трудъ составляетъ мою славу, никогда онъ не утомитъ меня. Фебъ, не сынъ ли я твой? Не обязанъ ли я тебѣ жизнью, которую ты поддерживаешь? Послѣ столькихъ благодѣяній мнѣ возможно назвать отцомъ бога, которому поклоняются въ этомъ храмѣ. О Пеанъ, Пеанъ, да будешь ты благословенъ, ты сынъ Латоны!

Но довольно мести этой лавровой листвой. Пора мнѣ вставшему чистымъ съ своего ложа, разлить омовенія изъ этихъ золотыхъ сосудовъ, наполненныхъ у Касталискаго источника. О! еслибы вся жизнь моя могла пройти здѣсь, на службѣ Аполлона! И если мнѣ и придется покинуть его, то только-бы при счастливыхъ предзнаменованіяхъ! А! А! Птицы Парнasa уже начинаютъ слетаться и покидать свои убѣжища! Я вамъ запрещаю, птицы, приближаться къ священному своду и проникать въ это святилище, блещущее золотомъ. Мои стрѣлы настругнуть тебя, вѣстникъ Зевса, летающій съ загнутыми когтями. А ты, лебедь, точно на веслахъ подпливающій къ святилищу, направь твои нурпурныя лапы въ другое мѣсто; твоя лира, соперничающая съ лирой Аполлона, не спасеть тебя отъ моихъ стрѣлъ. Направляй далѣе свой полетъ, достигай болотъ Делоса, или-же кровь твоя зальетъ твое гармоничное пѣнье. А эта другая птица, сюда приближающаяся, чего хотеть она? Прикрѣпить къ крылѣ соломенное ложе для своей юной семьи? Мой лукъ, свистя, прогонить тебя. Или не слышишь? Отправляйся на берега Алфея, или въ рощу Коринея, высиживай своихъ малютокъ и не оскверняй приношеній и обители Феба. Мнѣ совѣтно убивать васъ, передающихъ намъ рѣчи и волю боговъ; но я долженъ исполнять возложенную на меня обязанность служенія Фебу и не перестану угождать богу, который меня кормить.

Полу-хоръ.—Оказывается, что не въ одномъ только священномъ городѣ Аѳинахъ жилища боговъ украшаются прекрасными колоннами и почитается поклоненіе Агіея: ¹⁾ двойной фасадъ храма Локсіа, сына Латоны, тоже блещеть лучезарнымъ свѣтомъ.

Полу-хоръ.—Посмотри, взгляни на эту Лернескую гидру, которую сынъ Зевса срѣзаетъ своей лучезарной косой; останови, другъ мой, свой взоръ на этомъ изображеніи.

¹⁾ Прозвище Аполлона покровителя улицъ (*ἀγυιὰς*).

Полу-хоръ.—Вижу; а подлѣ него другой воинъ съ пылающимъ факеломъ. Кто онъ? Не тотъ-ли, о которомъ мы говоримъ за тканьемъ холста, не оруженосецъ-ли онъ Йола, дѣлившій тяжелые труды сына Зевса.

Полу-хоръ.—Взгляни, также, на этого героя ¹⁾ на крылатой лошади: онъ убиваетъ чудовище о трехъ туловищахъ, изрыгающее пламя ^{2).}

Полу-хоръ.—Я обращаю свои взоры во всѣ стороны.

Полу-хоръ.—Видишь на этихъ каменныхъ стѣнахъ битву гигантовъ?

Полу-хоръ.—Мы смотримъ въ эту сторону, друзья.

Полу-хоръ.—Значить, ты видишь богиню, которая грозитъ Энкеладу своей страшной эгидой?

Полу-хоръ.—Я вижу Палладу, мою богиню-покровительницу.

Полу-хоръ.—Видишь ты еще въ рукахъ Зевса эти блестящіе, страшные бубны, бьющіе издалека?

Полу-хоръ.—Я вижу бога, превращающаго въ пепель строптиваго Мима, а Діонизъ, вооруженный своимъ мирнымъ жезломъ, убиваетъ другаго изъ сыновъ земли.

Полу-хоръ.—Скажи намъ ты, стоящій у входа въ храмъ, позволено-ли переступать за порогъ его и проникать въ святилище?

Іонъ.—Не позволено, чужестранки.

Хоръ.—А будешь-ли ты отвѣтить на наши вопросы?

Іонъ.—Что ты желаешь знать?

Хоръ.—Въ самомъ-ли дѣлѣ храмъ Феба занимаетъ центръ земли?

Іонъ.—Да, конечно; и онъ украшенъ вѣнками и окружены Гргонами.

Хоръ.—Такъ и говорить о немъ молва.

Іонъ.—Если вы приносили жертву у дверей храма и желаете问问 вопросить Феба, то доступъ къ жертвеникамъ вамъ допускается; но если овца еще вами не заколота, то не можете проникнуть въ святилище.

¹⁾ Беллерофонъ.

²⁾ Химера.

Хоръ.—Понимаю. Мы не нарушимъ божественного служенія, но только смотримъ на наружныя стѣны храма.

Іонъ.—Смотрите, сколько угодно. Вы имѣете на это полное право.

Хоръ.—Наши господа позволили намъ любоваться этимъ портикомъ.

Іонъ.—Какое имя семьи, которой вы служите?

Хоръ.—Наши господа живуть въ городѣ, избранномъ Палладой для своего мѣстожительства. Вотъ передъ тобою та, о которой ты спрашиваешь.

Іонъ.—Ты благороднаго званія и кто-бы ты ни была, женщина, по лицу твоему можно угадать твои чувства. По виѣшнему виду человѣка чаще всего узнается великолѣдное ли у него сердце. Но что я вижу? Я виѣ себѧ отъ удивленія, что ты, смотря на священный оракулъ Феба, закрываешь глаза и брошаешь свои благородныя ланиты слезами. Отчего ты такъ печальна, женщина? Въ то время, какъ всѣ смертные радуются при видѣ этого храма, ты одна проливаешь слезы?

Креуза.—Чужестранецъ, я понимаю, какъ мои слезы должны были удивить тебя. Но видѣ этого жилища Аполлона воскресиль во мнѣ отдаленное воспоминаніе; сама будучи здѣсь, я мыслю перенеслась на мою родину. О несчастныя женщины! о проступки боговъ! Къ какимъ судьямъ намъ прибѣгнуть, когда мы дѣлаемся жертвами своихъ верховныхъ владыкъ?

Іонъ.—Что за причина, женщина, этого таинственного отчаянія?

Креуза.—Ничего; я не стану продолжать далѣе; я умолчу объ остальномъ; а ты не старайся болѣе разузнавать.

Іонъ.—Кто ты? изъ какой страны? какая родина дала тебѣ жизнь и какъ я долженъ называть тебя?

Креуза.—Имя мое Креуза, я дочь Эрехтея и моя родина Аѳины.

Іонъ.—О, какъ не почитать тебя, женщина, тебѧ, живущую въ столь славномъ городѣ, тебѧ, дочь столь благороднаго отца?

Креуза.—Этимъ ограничивается мое счастье, чужестранецъ; не иди далѣе.

Іонъ.—Именемъ боговъ, правда-ли, какъ говорять смертные...

Креуза.—О чёмъ ты у меня спрашиваешь, чужестранецъ? я хочу знать.

Іонъ.—Правда-ли, что прадѣдъ твоего отца родился отъ земли?

Креуза.—Да, это былъ Эрихтоній. Но къ чему мнѣ служить славное происхожденіе?

Іонъ.—Не Аеина-ли приняла также ребенка при его рожденіи?

Креуза.—Она приняла его въ свои дѣвственныя руки, хотя не она дала ему жизнь.

Іонъ.—И передала его другимъ, какъ это обыкновенно изображаетъ живопись.

Креуза.—Дочери Кекропса должны были его стеречь, не видя его.

Іонъ.—Я слыхалъ, будто онъ открыли корзинку богини.

Креуза.—За что, умирая, окрасили утесь своею кровью.

Іонъ.—Хорошо. Но еще, правда или ложь, что рассказываютъ?

Креуза.—Что ты хочешь знать? Говори; эта бесѣда мнѣ не въ тягость.

Іонъ.—Эрехтей, отецъ твой, принесъ въ жертву твоихъ сестеръ?

Креуза.—Онъ осмѣлился ихъ заколоть, чтобы спасти родину.

Іонъ.—Но какъ-же ты спаслась отъ участіи твоихъ сестеръ?

Креуза.—Какъ новорожденное дитя, я была на рукахъ матери.

Іонъ.—Правда-ли, что земля разверзлась и поглотила твоего отца?

Креуза.—Онъ погибъ подъ ударами трезубца Посейдона.

Іонъ.—И это мѣсто назвали Макра?

Креуза.—Что ты у меня спрашиваешь? Ты воскресиль во мнѣ страшное воспоминаніе.

Ionъ.—Аполлонъ, съ блестящимъ лукомъ, почитаетъ это мѣсто.

Креуза.—То, что онъ почитаетъ, не заслуживаетъ почтенія. О! еслибы мнѣ никогда не видать его.

Ionъ.—Какъ! ты ненавидишь то, что богъ такъ почитаетъ?

Креуза.—Нѣтъ; но я знаю одинъ постыдный поступокъ, совершенный въ этой пещерѣ.

Ionъ.—Какой аѳинянинъ взялъ тебя въ жены?

Креуза.—Не гражданинъ, но чужестранецъ.

Ionъ.—Его имя? онъ, конечно, изъ славнаго рода?

Креуза.—Это Ксуфій, сынъ Эола, потомокъ Зевса.

Ionъ.—Но какъ-же чужестранецъ сдѣлался мужемъ Аѳинянки?

Креуза.—Эвбей—страна, сосѣдняя съ Аѳинами...

Ionъ.—Отъ которыхъ она отдалена, какъ говорять, рукавомъ моря.

Креуза.—Онъ покорилъ ее вмѣстѣ съ Аѳинами, къ которымъ присоединилъ свое оружіе.

Ionъ.—И за союзъ съ ними, получилъ тебя въ жены?

Креуза.—Я служила приданымъ войнѣ и сдѣлалась наградою за побѣду.

Ionъ.—Пріѣхала ты въ Дельфы одна или съ своимъ супругомъ?

Креуза.—Мой супругъ сопровождаетъ меня. Онъ остался у пещеры Трафонія.

Ionъ.—Чтобы навѣстить его или чтобы вопросить оракула?

Креуза.—Онъ хочетъ вопросить того и другаго оракула обѣ одной и той-же вещи.

Ionъ.—Касательно ли плодовъ земныхъ, или желаете вы говорить съ нимъ о вашихъ дѣтяхъ?

Креуза.—У насъ нѣть потомства, хотя нашъ союзъ уже давнишній.

Ionъ.—Какъ! ты никогда не была матерью и у тебя нѣть дѣтей?

Креуза.—Фебу извѣстно, безплодна-ли я.

Іонъ.—О! несчастная! Хотя и всѣмъ надѣленная, ты все-таки несчастна!

Креуза.—Но кто-же ты? Я завидую счастью той, которая дала тебѣ жизнь.

Іонъ.—Меня зовутъ, женщина, служителемъ бога.

Креуза.—Отдалъ ли тебя ему городъ, или ты проданъ, какъ рабъ?

Іонъ.—Я знаю только одно, что принадлежу Фебу.

Креуза.—Въ свою очередь я жалѣю тебя, незнакомецъ.

Іонъ.—Да, такъ какъ я не знаю ни матери, меня родившой, ни отца, отъ которого произошелъ.

Креуза.—И ты живешь въ этомъ храмѣ, или имѣешь другое жилище?

Іонъ.—Мой домъ—домъ бога, гдѣ-бы ни засталъ меня сонъ.

Креуза.—Ребенкомъ или подросткомъ пришелъ ты въ этотъ храмъ?

Іонъ.—Говорять, вскорѣ послѣ моего рожденія.

Креуза.—Какая изъ дельфийскихъ женщинъ кормила тебя своимъ молокомъ?

Іонъ.—Ни одна женщина не давала мнѣ своей груди, но воспитала меня...

Креуза.—Кто она такая, несчастный? Какъ сходна ея судьба съ моей!

Іонъ.—Жрица Феба замѣняетъ мнѣ мать.

Креуза.—Гдѣ ты нашелъ пропитаніе, чтобы дожить до зрѣлаго возраста?

Іонъ.—Эти жертвеники кормили меня, точно также, какъ и чужестранцы, сюда стекающіеся.

Креуза.—О, какъ несчастна родившая тебя!

Іонъ.—Ей, быть можетъ, приходилось стыдиться моего рожденія!

Креуза.—Но ты живешь въ довольствѣ. Твоя одежда обличаетъ достатокъ.

Іонъ.—Я обязанъ ею богу, которому служу.

Креуза.—Старался ты найти своихъ родителей?

Іонъ.—У меня нѣтъ никакихъ путей къ этому.

Креуза.—О, горе! я знаю женщину, участь которой похожа на участь твоей матери.

Іонъ.—Кто она? Какъ-бы я былъ счастливъ, еслибы она соединила свое несчастіе съ моимъ.

Креуза.—Для нея-то я пришла сюда и опередила своего супруга.

Іонъ.—Съ какою цѣлью? вѣдь, я могу помочь тебѣ.

Креуза.—Чтобы получить отъ Феба тайный отвѣтъ.

Іонъ.—Говори! Я тебѣ во всемъ помогу.

Креуза.—Слушай-же меня... Но мнѣ стыдно говорить.

Іонъ.—Значить, ты ничего не добѣешься, такъ какъ стыдъ—богиня недѣйствующая.

Креуза.—Одна изъ моихъ подругъ была въ объятіяхъ Феба.

Іонъ.—Феба, смертная? Не говори этого, странница!

Креуза.—И она имѣла отъ бога сына, тайкомъ отъ своего отца.

Іонъ.—Это невозможно. Это преступленіе человѣка, а не бога.

Креуза.—Нѣть, она говорить правду. Много пришлось страдать ей.

Іонъ.—Несчастная! какъ? супруга бога?

Креуза.—Она подкинула родившагося у ней ребенка...

Іонъ.—Гдѣ-же это подкинутое дитя? видѣть оно свѣтъ?

Креуза.—Это никому неизвѣстно: вотъ это-то я и пришла спросить оракула.

Іонъ.—А если онъ уже умеръ, то что могло быть причиной его смерти?

Креуза.—Она думаетъ, что несчастный сдѣлался добычей хищныхъ звѣрей.

Іонъ.—На какихъ признакахъ основываетъ она это предположеніе?

Креуза.—Придя на мѣсто, гдѣ его оставила, она уже тамъ не нашла его.

Іонъ.—Тамъ были слѣды крови?

Креуза.—Нѣть; а между тѣмъ она обошла все мѣсто во всѣхъ направленіяхъ.

Г. Б. Ч. Г.

Ионъ.—Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ ребенокъ пропалъ?

Креуза.—Если онъ живъ, то долженъ быть тебѣ ровесникъ.

Ионъ.—Богъ былъ несправедливъ къ ней и я жалѣю бѣдную мать.

Креуза.—Съ тѣхъ поръ у нея не было другихъ дѣтей.

Ионъ.—Что же такое, если Фебъ подобралъ его и тайно воспитываетъ его.

Креуза.—Онъ несправедливъ, одинъ наслаждаясь тѣмъ, что принадлежитъ обоимъ.

Ионъ.—Увы! какъ эта судьба сходна съ моимъ несчастьемъ!

Креуза.—Я полагаю, что и ты, чужестранецъ, жалѣешь свою бѣдную мать.

Ионъ.—О, не пробуждай въ моемъ сердцѣ горя, забытаго мною.

Креуза.—Я молчу; отвѣчай-же до конца на предложенные мною вопросы.

Ионъ.—Знаешь, что въ твоемъ разсказѣ есть одно печальное обстоятельство?

Креуза.—Есть-ли хоть одно бѣдствіе, котораго бы не доставало этой несчастной женщинѣ?

Ионъ.—Какъ-же богу отвѣтить на то, что онъ хочетъ держать въ тайнѣ?

Креуза.—Треножникъ, на которомъ онъ сидить, не одинъ-ли для всей Эллады?

Ионъ.—Онъ стыдится своего проступка; не спрашивай его.

Креуза.—А жертва оплакиваетъ свою судьбу.

Ионъ.—Нѣть, никто не можетъ отвѣтить на твои вопросы. Фебъ, узнавъ о преступленіи, совершенномъ въ храмѣ, пошлетъ справедливую кару на того, на кого указаетъ оракулъ вмѣсто него. Удались, женщина! Не надо требовать у боговъ предсказаній, которыя имъ непріятны. Было-бы верхомъ глупости полагать, что можно заставить боговъ говорить противъ ихъ воли, закланіемъ-ли овецъ на ихъ жертвеникахъ, или наблюденіемъ за по-

летомъ птицъ. Дары, вырываемые нами у боговъ силою, никуда не годны; пригождаются намъ только тѣ, которые они даютъ добровольно.

Хоръ.—Много горя поражаетъ смертныхъ и несчастіе облекается въ различныя формы; нѣтъ человѣка на землѣ, который бы пользовался постояннымъ счастьемъ.

Креуза.—О Фебъ! сегодня, ты несправедливъ къ отсутствующей, говорящей моими устами. Ты не спась сына, хотя бы долженъ быть спасти его; и твой пророческій голосъ не дойдетъ до матери, желающей, если онъ пересталъ жить, воздать ему погребальныя почести, а если еще живъ, то насладиться, наконецъ, счастьемъ видѣть его. Но оставимъ это, такъ какъ богъ мѣшаетъ намъ узнать то, что мы хотимъ знать. Что-же касается до тебя, чужестранецъ (вотъ я вижу моего благороднаго супруга Ксуфія; онъ вышелъ изъ Трафонійской пещеры), ничего ему не говори о нашемъ разговорѣ: я боюсь, чтобы разоблаченіе этой тайны не пало позоромъ на меня и чтобы не придали моимъ словамъ смысла, котораго я имъ не давала. Женщины находятся въ тяжеломъ положеніи относительно мужчинъ: хорошия смѣшиваются съ дурными и подвергаются ихъ ненависти. О! мы очень несчастны.

Ксуфій.—Богу первому воздаю дань своего почтенія, и тебѣ, женщина, привѣтъ. Не заставилъ-ли я тебя немнога беспокоиться, что такъ запоздалъ?

Креуза.—Нѣтъ, ты пришелъ въ ту самую минуту, какъ я начинала тревожиться. Но скажи, какой отвѣтъ получилъ ты изъ Трафонійской пещеры и будуть-ли у насъ дѣти?

Ксуфій.—Оракулъ не пожелалъ говорить, пока богъ не выскажетъ; онъ только сказалъ, что мы не вернемся на родину безъ дѣтей.

Креуза.—Святѣйшая мать Феба, мы прибыли сюда въ счастливый часъ! Пусть связь, соединившая насъ когда-то съ твоимъ сыномъ, приведетъ къ болѣе счастливымъ послѣдствіямъ.

Ксуфій.—Твое желаніе будетъ исполнено. Но кто про рокъ бога?

Іонъ.—Я; внѣшность храма меня касается, внутренность его поручена другимъ, засѣдающимъ у священаго треножника: о чужестранецъ! жребій паль на самыхъ именитыхъ гражданъ Дельфъ.

Нсуфій.—Прекрасно. Теперь я знаю все, что хотѣль знать. Войдемъ; ибо, насколько я слышу, именно сегодня позволено безъ различія вопрошать оракула передъ храмомъ. А ты, жена, преклонись передъ этими жертвениками; возьми лавровыя вѣтви въ руки и проси боговъ, чтобы я принесъ изъ святилища Аполлона оракулъ, обѣщающій мнѣ потомство.

Креуза.—Будетъ все исполнено по твоему желанію. Если Аполлону угодно, хотя сегодня, исправить свои прежнія ошибки, то онъ, быть можетъ, будетъ не вполнѣ моимъ другомъ: но какъ-бы мало онъ ни хотѣль для меня сдѣлать (такъ какъ онъ богъ), я приму и это.

Іонъ.—Что означаютъ эти оскорбительные намеки, которые эта женщина обращаетъ къ богу? Это, быть можетъ, изъ привязанности къ особѣ, для которой она спрашиваетъ оракула? или скрываетъ она одно изъ приключений, о которыхъ надо молчать? Но что мнѣ тревожиться за дочь Эрехтея, если она ничто для меня? Пойду лучше съ этими золочеными кувшинами лить воду въ лейки. А все-таки я долженъ осудить Аполлона: зачѣмъ онъ покинулъ дѣвушку послѣ того, какъ силою овладѣлъ ею? Зачѣмъ онъ предалъ смерти дитя, которому далъ жизни? Недостойное поведеніе! Если ты всемогущъ, то будь вѣренъ добродѣтели. Всякаго порочнаго изъ смертныхъ боги наказываютъ. Справедливо-ли, что вы, давши законы смертнымъ, вы сами нарушаете ихъ? Если вамъ придется (этого не будеть, но я могу предположить) явиться на судъ людской и подвергнуться наказанію за ваши преступныя связи, то Посейдонъ, Зевсъ, царь неба, и ты, Аполлонъ, вы истощите всѣ сокровища своихъ храмовъ на уплату пени за ваши насилия. Гоняясь за удовольствіями, вместо того, чтобы оберегать смертныхъ, вы сами становитесь преступны. Нѣть, несправедливо называть людей испорчен-

ными, если мы подражаемъ порокамъ боговъ и слѣдуемъ ихъ примѣру.

Хоръ.—О ты, никогда не знавшая страданій дѣтства, Аеина, моя богиня, умоляю тебя, ты, которую Титанъ Прометей вынулъ изъ головы Зевса, величественная Побѣда¹⁾), покинь золоченные дворцы Олимпа и направь свой полетъ къ храму Дельфъ, въ жилище Феба, центръ земли, и возвѣсти его оракулы у священнаго треножника, окруженнаго хорами священнослужителей. Призываю васъ, тебя и дочь Латоны, васъ, двухъ богинь, двухъ дѣвъ, святыхъ сестеръ Феба: попросите этого бога, о непорочныя божества, пожаловать черезъ понятные оракулы семейству Эрехтея потомство, ожидающее имъ столько времени. Полнымъ и прочнымъ счастьемъ пользуются всѣ видящие у семейнаго очага подростающее юношество, которое приметъ отцовское наслѣдство, чтобы, въ свою очередь, передать его своимъ дѣтямъ. Это оплотъ въ несчастіи, радость въ благоденствіи, а въ случаѣ войны,—сила, залагъ для отечества. Богатство и родство съ царями, въ моихъ глазахъ, ничто въ сравненіи съ счастьемъ воспитывать добродѣтельныхъ дѣтей. Безъ дѣтей, жизнь мнѣ кажется ненавистной и я осуждаю всякаго, думающаго иначе; о, если-бы я могла жить самымъ скромнымъ образомъ, но окруженнная прекраснымъ потомствомъ! О мѣсто-пребываніе Пана, гротъ сосѣдній съ утесами Макра, гдѣ три дочери Аграулы подъ тактъ бѣгаютъ по лугамъ, раскинувшимся передъ храмомъ Паллады, между тѣмъ, какъ въ пещерахъ, твоемъ жилищѣ, Панъ, ты добываешь изъ свирѣли различные звуки! Тамъ-то, одна молода дѣвушка, — о несчастная! — обольщенная Фебомъ, произвела на свѣтъ постыдный плодъ роковой связи и подбросила свое дитя, чтобы оно сдѣлалось добычей птицъ или кровавой пищей хищныхъ звѣрей. Ни въ рисункахъ на полотнѣ, ни въ разсказахъ молвы я не слыхалъ, чтобы были счастливы дѣти, родившіяся отъ союза боговъ со смертными.

¹⁾ У Аеины былъ въ Аеинахъ храмъ этого имени.

Іонъ.—Жены, стоящія на порогѣ этого священаго храма и ожидающія вашего господина, скажите мнѣ, покинулъ ли Ксуфій треножникъ оракула, или онъ все еще совѣтуетсѧ въ этомъ святилищѣ бога о бесплодности своего Гименея?

Хоръ.—Онъ еще въ храмѣ, чужестранецъ: онъ не переступалъ еще его порога... Но, точно, передъ его выходомъ, я слышу стукъ дверями; вотъ мой господинъ, онъ передъ моими глазами.

Ксуфій.—О сынъ мой, будь счастливъ! ибо я имѣю право начинать съ этихъ словъ.

Іонъ.—Я счастливъ, ты же сохраний свой разсудокъ, и все пойдетъ отлично для насъ обоихъ.

Ксуфій.—Позволь мнѣ поцѣловать твою руку, сжать тебя въ моихъ объятіяхъ.

Іонъ.—Въ умѣ-ли ты, чужестранецъ? или богъ поразилъ тебя безумьемъ?

Ксуфій.—Я въ полномъ разумѣ, желая при встречѣ обнять того, кто всего дороже моему сердцу.

Іонъ.—Остановись! берегись! трогая меня, ты можешь сломать рукою перевязки бога.

Ксуфій.—Я доберусь до тебя: я употребляю не насилие, а нахожу дорогое существо.

Іонъ.—Отойди, или моя стрѣла пронзитъ тебѣ сердце.

Ксуфій.—Къ чему бѣгать отъ меня, когда ты призналъ того, кто тебѣ всего дороже?

Іонъ.— Я не люблю обращать къ здравому уму глупыхъ и бредящихъ чужеземцевъ.

Ксуфій.—Убей меня, сожги меня, поражая меня,—ты сдѣлаешься убийцей своего отца.

Іонъ.—Ты, мой отецъ? Какимъ образомъ? Какъ-бы мнѣ послушать тебя безъ смѣха!

Ксуфій.—Не смѣйся. Позволь мнѣ продолжать и я объясню тебѣ эту тайну.

Іонъ.—Что-же ты мнѣ скажешь?

Ксуфій.—Что я твой отецъ, а ты мой сынъ.

Іонъ.—Кто это говорить?

Ксуфій.—Фебъ, воспитавшій тебя, мое дитя.

Іонъ.—У тебя нѣтъ другаго свидѣтеля, кромѣ самого себя?

Ксуфій.—Оракулъ бога открылъ мнѣ всю истину.

Іонъ.—Тебя обманулъ его темный отвѣтъ.

Ксуфій.—Развѣ я не хорошо разслышалъ?

Іонъ.—Каковы были слова Феба?

Ксуфій.—Что первый, кто представится моимъ взорамъ...

Іонъ.—При какихъ обстоятельствахъ?

Ксуфій.—Когда я выйду изъ обители бога.

Іонъ.—Что съ нимъ будетъ?

Ксуфій.—Будетъ моимъ сыномъ.

Іонъ.—Сынъ, отъ тебя родившійся, или приемный?

Ксуфій.—Сынъ приемный, хотя и отъ меня родившійся.

Іонъ.—Меня-то первого ты и встрѣтилъ?

Ксуфій.—Тебя самого, сынъ мой.

Іонъ.—О странный ударъ рока!

Ксуфій.—Я раздѣляю твое удивленіе.

Іонъ.—Кто-же мать, которой я обязанъ жизнью?

Ксуфій.—Я этого не знаю.

Іонъ.—Фебъ развѣ не назвалъ ее?

Ксуфій.—Въ радости, я и не спросилъ его.

Іонъ.—Значить, земля была моей матерью?

Ксуфій.—Дѣти не рождаются изъ земли.

Іонъ.—На какомъ основаніи я могу принадлежать е?

Ксуфій.—Не знаю; это дѣло бога.

Іонъ.—Хорошо, перейдемъ къ другимъ разсужденіямъ.

Ксуфій.—Такъ будетъ лучше, дитя мое.

Іонъ.—Не заключалъ-ли ты незаконнаго союза?

Ксуфій.—Да, среди увлеченій юности.

Іонъ.—До обрученія съ дочерью Эрхтея?

Ксуфій.—Да, съ тѣхъ-же поръ никогда.

Іонъ.—Значить, тогда ты породилъ меня?

Ксуфій.—Время сходится съ твоимъ возрастомъ.

Іонъ.—И затѣмъ, какъ я попалъ сюда?

Ксуфій.—Не знаю.

Іонъ.—Дорога, вѣдь, длинна.

Ксупфій.—Вотъ это-то меня и затрудняетъ.

Іонъ.—Былъ ты на Дельфійскомъ утесѣ?

Ксупфій.—Да, я приходилъ туда на праздники Діониза.

Іонъ.—У какого проксена ты остановливался?

Ксупфій.—Онъ-то и проводилъ меня къ молодымъ Дельфійкамъ.

Іонъ.—Для священныхъ хоровъ? это ты хочешь сказать?

Ксупфій.—И къ Менадамъ Діониза.

Іонъ.—Былъ-ли ты въполномъ разумѣ или пьянъ?

Ксупфій.—Опьяненіе не разлучно съ удовольствіями Діониза.

Іонъ.—Такъ вотъ при какихъ обстоятельствахъ я зародился!

Ксупфій.—Сама судьба создала ихъ, дитя мое.

Іонъ.—Но какъ я попалъ въ этотъ храмъ?

Ксупфій.—Быть можетъ, ты былъ подброшенъ сюда дѣвшукой?

Іонъ.—Это меня избавило отъ рабства.

Ксупфій.—Признай же теперь отца своего, сынъ мой.

Іонъ.—Слѣдуетъ повиноваться богу.

Ксупфій.—Прекрасно сказано.

Іонъ.—Могу я развѣ желать другого...

Ксупфій.—Теперь ты разсуждаешь какъ слѣдуетъ.

Іонъ.—Какъ быть сыномъ сына Зевса.

Ксупфій.—Это-то именно съ тобою и случилось.

Іонъ.—Я могу, значитъ, обнять того, кому обязанъ жизнью?

Ксупфій. Благодари за это бога.

Іонъ.—Привѣтъ тебѣ, отецъ мой!

Ксупфій.—Пріятная рѣчъ, и я съ радостью принимаю ее.

Іонъ.—День, меня озаряющій...

Ксупфій.—Очень осчастливила меня.

Іонъ.—О, моя дорогая мать! когда-же мнѣ дано будетъ лицезрѣть твои черты? Кто-бы ты ни была теперь, болѣе чѣмъ когда-либо я хочу тебя видѣть. Но, быть можетъ, ты умерла и мы никогда не свидимся?

Хоръ.—Конечно, я присоединяюсь къ счастью тѣхъ,

кому служу. Во всякомъ случаѣ, я желала-бы, чтобы моя госпожа и семья Эрхтсэ не остались безъ потомства.

Ксуфій.—О сынъ мой, признай мудрость бога, допустившаго меня узнать тебя; онъ приблизилъ тебя ко мнѣ, а ты, ты нашелъ дорогого отца, котораго совсѣмъ не зналъ. Что-же касается до твоего совсѣмъ естествен-наго желанія, то и я его раздѣляю; если тебѣ хочется найти свою мать, то и мнѣ хочется узнать мать моего сына. Предоставимъ все времени и, быть можетъ, мы разъяснимъ эту тайну. Но покинь этотъ храмъ и свою теперешнюю жалкую жизнь и, послушный родительской волѣ, приди въ Аеины, гдѣ тебя ожидаютъ славный скипетръ твоего отца и великія богатства; тамъ, хотя ты и плохо надѣленъ съ материнской стороны, тебя не станутъ упрекать ни за твое низкое происхожденіе, ни за бѣдность; напротивъ того, ты будешь знатенъ и богатъ. Но ты молчишь? Къ чemu держать глаза прикованными къ землѣ? Къ чemu огорчать отца этимъ озабоченнымъ видомъ и переходить такимъ образомъ отъ радости къ печали?

Іонъ.—Вещи, видимыя издали, кажутся совсѣмъ другими когда ихъ видишь вблизи. Конечно, я воздаю благодарность счастливой судьбѣ, помогшей мнѣ найти отца; но мнѣ приходять и тревожныя мысли, которыя я долженъ передать тебѣ. Говорятъ, что мать знаменитыхъ Аеинъ—сама земля и что своимъ происхожденіемъ они не обязаны никакому другому народу. А я, я явлюсь туда съ двойнымъ пятномъ: чужестраннымъ отцемъ и незаконнымъ рожденіемъ. Если съ подобнымъ позоромъ я буду смиренno удаляться отъ власти, то меня сочтутъ ничтожнымъ человѣкомъ; если-же, напротивъ, я буду на виду, если заявлю притязаніе на власть, то возбужу не-нависть ничтожныхъ людей, не терпящихъ всякаго под-нимающагося надъ ними. А мудрые, не имѣя возможно-сти выскажаться, предпочитая молчаніе и уклоняясь отъ дѣлъ, станутъ издѣваться надо мною и обвинять меня въ безумії за то, что я не держу себя вдали отъ сумятицы общественныхъ дѣлъ. Если я добуду значеніе и зай-му мѣсто среди людей, управляющихъ царствомъ, то

дѣлаюсь добычей еще большей злобы. Такъ всегда бываетъ, отецъ мой. Всѣ, имѣющіе должности и почети, весьма недружелюбно смотрять на своихъ соперниковъ. Войду въ чужой домъ, къ женщинѣ, лишенной дѣтей, которая, дѣля съ тобою несчастіе, не можетъ принимать участія въ твоемъ счастьѣ и будетъ тайкомъ оплакивать свое горе? Какъ избѣжать мнѣ ея ненависти, когда она увидить меня сидящимъ у ногъ твоихъ и съ горечью будетъ смотрѣть на твоего сына, когда у самой нѣтъ дѣтей? Ты или пожертвуешь мною изъ привязанности къ своей супругѣ, или, отдавъ предпочтеніе мнѣ, произведешь раздоръ въ домѣ. Сколько разъ жены желѣзомъ или ядомъ ускоряли смерть своихъ супруговъ! Къ тому же, мнѣ жаль твою подругу, отецъ мой, старѣющу въ бесплодії; дочь столь благородныхъ родителей, она заслуживаетъ лучшей доли. Что касается до короны, то напрасно такъ ее восхваляютъ: внѣшность ея соблазнительна, но сущность печальна. Развѣ счастье жить въ чномъ страхѣ и подозрѣніяхъ? Я предиочитаю престолу частную жизнь, съ счастьемъ на придачу, если все удовольствіе царя заключается въ томъ, чтобы имѣть злыхъ своими друзьями и ненавидѣть добрыхъ изъ страха смерти. Ты скажешь, конечно, что золото выше всѣхъ этихъ непріятностей и что богатство пріятно. Но я не желальбы, для спасенія моего золота, неусыпно прислушиваться къ каждому звуку и сгорать отъ тревоги. Пусть я буду жить скромно, но безъ заботъ! Узнай, отецъ, какими благами я здѣсь пользуюсь: у меня здѣсь сладкій досугъ, столь дорогой людямъ, и мало заботъ. Никогда ни одинъ злодѣй не заграждаетъ мнѣ дороги, никогда я не доходилъ до отвратительной необходимости уступать дорогу тому, кто менѣе достоинъ, чѣмъ я. Время свое я посвящаю служенію богамъ и обществу удовлетворенныхъ смертныхъ. Одни уходятъ, другія приходятъ, такъ что я новъ для нихъ, какъ и они для меня. Законъ, за одно съ природой, заставлялъ меня быть добродѣтельнымъ передъ божествомъ, и такимъ образомъ я достигаю, чего люди должны желать, хотя за частую желаютъ противнаго.

Размышляя объ этомъ, я нахожу свою участь счастливѣе здѣсь, чѣмъ тамъ. Позволь мнѣ жить для самого себя: счастіе и въ величіи, и въ скромной долѣ—все-же счастіе.

Хоръ.—Ты хорошо говорилъ, если только твоя рѣчь должна составить счастье той, которую я люблю¹⁾.

Ксуфій.—Перестань такъ говорить и умѣй быть счастливымъ. Такъ какъ я нашелъ тебя, сынъ мой, то хочу устроить съ тобою пиръ для всѣхъ и отпраздновать твоё рожденіе жертвами, которыхъ я до сегодня не приносилъ. Теперь я сведу тебя въ свой домъ и угощу, какъ гостя; ты пойдешь въ Аѳину, чтобы, такъ сказать, осмотрѣть страну, а не какъ мой сынъ. Потому что я не хочу огорчить Креузу, не имѣющую дѣтей, выставкою моего счастья. Время доставитъ мнѣ случай убѣдить ее безъ сожалѣнія смотрѣть на передачу тебѣ моего скипетра. Называю тебя Іономъ, именемъ, подходящимъ къ случаю, такъ какъ ты первый представился моимъ взорамъ, когда я выходилъ изъ храма бога. Но собери твоихъ друзей на веселый пиръ, который послѣдуетъ за жертвою, и простишь съ ними, ибо ты покинешь городъ Дельфы. А вамъ, женщины, приказываю молчать: смерть ожидаетъ васъ, если вы откроете правду Креузѣ!

Іонъ.—Я уѣзжаю, но одного не хватаетъ для моего счастья. Если я не найду той, которая произвела меня на свѣтъ, то жизнь моя, отецъ, будетъ невыносима. О! если мнѣ позволено имѣть желаніе, то я-бы желалъ, чтобы мать моя была изъ Аѳинъ, чтобы отъ нея получить право говорить тамъ свободно. Если чужестранецъ попадетъ въ городъ, гдѣ населеніе не смѣшано, то будь онъ гражданинъ по имени, рѣчь его останется рабской и онъ не будетъ чувствовать себя свободнымъ.

Хоръ.—Предвижу, что госпожа моя начнетъ плакать, терзаться, испускать стенанія, когда узнаетъ, что супругъ ея счастливый отецъ, между тѣмъ, какъ она сама

¹⁾ Подъ такимъ темнымъ выраженіемъ хоръ подразумѣваетъ Креузу.

бездѣлна и безплодна. О, пророческій сынъ Латоны, какой возвѣстилъ ты оракулъ? Откуда происходитъ это дитя воспитанное и выросшее въ твоемъ храмѣ? Какой матери обязано оно жизнью? Боюсь, чтобы подъ этимъ оракуломъ не скрывалось какой хитрости; трепещу, чтобы онъ не вызвалъ катастрофы. Ибо, если отвѣтъ бога означаетъ хорошее предзнаменование, то онъ весьма страненъ. Это дитя обязано своимъ счастьемъ лжи, другая кровь народила его. Кто съ нами относительно этого не согласится? Друзья, откроемъ-ли мы правду своей госпожѣ? разскажемъ-ли мы ей на ухо о поведеніи ея супруга, который былъ для нея всѣмъ, и въ которомъ она, несчастная, покола всѣ свои надежды! Онъ благодействуетъ, тогда какъ она состарится и окончить дни свои въ горѣ. Любящіе нась возненавидятъ этого несчастнаго супруга, допущеннаго, хотя онъ и чужестранецъ, въ нашъ домъ и не съумѣвшаго сохранить пышнаго счастья, среди кото-раго жилья. Погибай, погибай ты, измѣнившій моей госпожѣ! Пусть боги отвергнутъ жертву, которую онъ предастъ пламени на жертвенныхъ... ¹⁾ Уже сынъ и его новый отецъ готовятся къ новому пиру, гдѣ возвышается вершина Парнасса съ его утесами, доходящими до неба: тамъ то Діонизъ въ сопровожденіи Вакханокъ бѣгаetъ и потрясаетъ ночью зажженными факелами. О! еслибы это дитя никогда не приходило на мою родину! Лучше-бы оно умерло въ своей юности! Аѳины справедливо будутъ оплакивать вторженіе этихъ чужестранцевъ. Намъ довольно нашего старого монарха, царя Эрехтея.

Креуза. — О, старецъ, когда-то оберегавший дѣтство отца моего Эрехтея, постараися добрести до оракула Феба, чтобы тебѣ вмѣстѣ со мною порадоваться, если богъ мнѣ предскажетъ потомство. Въ самомъ дѣлѣ, очень пріятно окружать себя друзьями въ счастьи, а если, чего избави богъ, приходится переносить превратности, то пріятно обращать взоры на смертнаго, вамъ сочувствующаго. Я,

¹⁾ Здесь пропускъ въ текстѣ.

хотя и госпожа твоя, но почитаю тебя какъ отца, какъ ты почиталъ прежде Эрехтея.

Педагогъ.—Дочь моя, ты выказываешь чувства, достойныя твоихъ благородныхъ предковъ, и не позоришь первобытныхъ героевъ, творцовъ твоего рода. Доведи меня до жилища бога и будь моимъ вождемъ, ибо престолъ оракула крутъ: поддерживая меня, ты придешь на помощь моей старости.

Креуза.—Слѣдуй-же за мною и смотри хорошенько куда ставить ногу.

Педагогъ.—Посмотри! Шагъ мой медленъ, а сердце быстро.

Креуза.—Опирайся на палку при извилинахъ этой тропинки.

Педагогъ.—Палка моя слѣпа настолько, насколько зрѣніе коротко.

Креуза.—Ты правъ, но не поддавайся усталости.

Педагогъ.—Да ужь это противъ моей воли, я не могу распоряжаться тѣмъ, чего у меня нѣтъ.

Креуза.—Вѣрныя служанки, прялка которыхъ готовить мой холстъ, скажите какой отвѣтъ получилъ супругъ мой въ этомъ храмѣ, къ которому мы пришли просить у бога потомства. Если вы мнѣ объявите хорошее извѣстіе, то обяжете не неблагодарную госпожу.

Хоръ.—О рокъ!

Педагогъ.—Вотъ начало, предвѣщающее недобroe.

Хоръ.—О несчастная!

Педагогъ.—Долженъ-ли я печалиться объ оракулѣ, сказанномъ моему господину?

Хоръ.—Что намъ дѣлать въ случаѣ, когда намъ можетъ угрожать смерть?

Креуза.—Что это за рѣчи и откуда взялись твои опасенія?

Хоръ.—Должны-ли мы говорить или молчать? На чѣтьшисься?

Креуза.—Говори: тебѣ, вѣрно, приходится объявить мнѣ о какомъ-нибудь несчастіи.

Хоръ.—Да, я скажу, хотя-бы пришлось дважды умѣ-

реть. Тебѣ запрещено, дорогая госпожа, держать когда-либо дѣтей въ своихъ объятіяхъ и прижимать ихъ къ своей груди.

Креуза.—О! хоть-бы мнѣ умереть!

Педагогъ.—Дочь моя!

Креуза.—О, я несчастная! Я предаюсь, друзья, несчастію, на меня обрушившемуся, горю, мною испытываемому.

Педагогъ.—Мы пропали, дочь моя.

Креуза.—Увы! увы! я чувствую, какъ этотъ ударъ насѣвъзъ пронзилъ мое сердце.

Педагогъ.—Пріостанови свои стенанія...

Креуза.—У меня есть основаніе стонать.

Педагогъ.—Пока мы не узнаемъ...

Креуза.—Что еще могу я узнать?

Педагогъ.—Обреченъ-ли супругъ твой на ту-же участъ и раздѣляетъ-ли твое несчастье, или тебя одну надо жалѣть?

Хоръ.—Аполлонъ далъ Ксуфію сына, стариkъ; онъ пользуется счастьемъ, въ которомъ не участвуетъ Креуза.

Креуза.—Слова твои доводятъ мои мученія до крайности и удвоиваютъ мое отчаяніе.

Педагогъ.—А дитя, о которомъ ты говоришь, возвѣстиль-ли оракуль, отъ какой женщины должно было родиться, или оно уже родилось?

Хоръ.—Сынъ, данный Аполлономъ Ксуфію родиться не долженъ. Это молодой человѣкъ во цвѣтѣ лѣтъ: я его видѣлъ.

Креуза.—Что ты говоришь: то, что ты рассказываешь, мнѣ кажется неслыханнымъ, невѣроятнымъ.

Педагогъ.—И мнѣ также. Но объясни яснѣе какимъ образомъ осуществился оракуль и что это за дитя?

Хоръ.—Богъ далъ Ксуфію въ сыновья того, кого онъ первого встрѣтить, выходя изъ храма.

Креуза.—О небо! И такъ, я осуждена оставаться безплодной и жить въ уединеніи и пустотѣ!

Педагогъ.—Но кого-же это указалъ оракуль? Какой

смертный встрѣтилъ супруга несчастной Креузы? Какъ гдѣ явился онъ его взорамъ?

Хоръ.—Ты знаешь, дорогая госпожа, молодаго человѣка, подметавшаго храмъ? вотъ сынъ Ксуфія.

Креуза.—Отчего не могу я улетѣть по сырому воздуху, далеко отъ почвы Эллады, до свѣтиль заката—такъ велико обрушившееся на меня несчастіе.

Педагогъ.—Какое имя даль ему отецъ его? Знаешь ли ты его, или оно держится въ тайнѣ?

Хоръ.—Онъ называется Іономъ, потому что его онъ первого встрѣтилъ.

Педагогъ.—Кто его мать?

Хоръ.—Не знаю. И чтобы ты, старецъ, зналъ все, что я имѣю сказать, прибавлю, что Ксуфій отправился принести жертвы гостепріимства и рожденія: въ священныхъ палаткахъ, по секрету отъ царицы, сядетъ онъ за нихъ съ своимъ сыномъ.

Педагогъ.—Госпожа, намъ измѣнили (ибо я присоединяюсь къ твоему горю), намъ измѣнилъ твой супругъ; насъ умышленно оскорбляютъ, насъ изгоняютъ изъ дворца Эрехтея. Я говорю такъ не изъ ненависти къ твоему мужу, но потому что тебя люблю болѣе его. Онъ женился на тебѣ, хотя былъ пришельцемъ, занялъ мѣсто на твоей родинѣ и въ твоемъ домѣ, завладѣлъ всѣмъ твоимъ наслѣдствомъ и вотъ онъ уличенъ въ томъ, что имѣлъ дѣтей отъ другой женщины! Я объясню тебѣ эту тайну. Убѣдясь, что ты бесплодна, онъ вмѣсто того, чтобы раздѣлить твое горе, завязалъ тайныя сношенія съ рабыней; дитя, отъ нея родившееся было разлучено съ матерью и поручено заботамъ какого-нибудь дельфійца, и, желая скрыть его происхожденіе, его воспитали въ храмѣ бога. Когда Ксуфій узналъ, что сынъ его сдѣлался юношой, онъ убѣдилъ тебя прийти въ Дельфы, чтобы посовѣтоваться съ оракуломъ насчетъ твоего бесплодія. Не боясь обманулъ тебя, а твой супругъ, уже давно воспитывавшій это дитя и замышлявшій этотъ гнусный заговоръ: если обманъ откроется, то, сказалъ онъ себѣ, мой сынъ будетъ посвященъ богу; если онъ останется скрытымъ,

онъ самъ постараётся загладить потерянное время, отдавъ ему царство. Іонъ—новое имя, придуманное на досугѣ, точно будто молодой человѣкъ нечаянно попался ему на встрѣчу. О! я всегда ненавидѣлъ этихъ испорченныхъ людей, прячущихъ подъ удобной личиной свои несправедливые планы. Я предпочитаю дружбу человѣка наивнаго, но честнаго, дружбѣ злого, будь онъ гораздо умнѣе. Изъ всѣхъ этихъ золъ, самое тяжелое для тебя будетъ ввести въ свой домъ и имѣть господиномъ человѣка, у котораго нѣтъ матери, существо презрѣнное, сына рабыни. Ты была-бы только несчастна, еслибы супругъ твой, съ твоего согласія и подъ предлогомъ, что ты ему не дала дѣтей, ввелъ въ твой домъ сына жѣнщины благороднаго раба, а еслибы ты не могла на это рѣшиться, то долгъ заставилъ-бы его выбрать супругу изъ семьи Эола. Послѣ подобныхъ оскорблений слѣдуетъ принять рѣшеніе, достойное твоего пола, схватить мечъ и избавиться хитростью или ядомъ отъ твоего супруга и его сына прежде, чѣмъ они сами умертвятъ тебя. Если ты примиришься съ судбою, которую они тебѣ устроили, то потеряешь жизнь; когда два врага живутъ подъ одной и той-же кровлей, то одинъ изъ двухъ долженъ погибнуть. Что касается меня, то я готовъ помочь твоему мишенію и пособлю тебѣ уничтожить этого юношу, проникнувъ въ домъ, въ которомъ приготовляется пиръ; я хочу отблагодарить моихъ господъ за то, что кормили меня, умирая за нихъ, или вмѣстѣ съ ними пользоваться дневнымъ свѣтомъ. Въ рабствѣ постыдно только само его название; къ тому-же, рабъ нисколько не ниже человѣка свободнаго, если сердце его благородно.

Хоръ.—И я также, дорогая госпожа, присоединяюсь къ твоей судьбѣ и хочу умереть для тебя или жить по чести.

Креуза.—О душа моя, умолчу-ли я? или, превозмогая свой стыдъ, открою тайную любовь? Да и къ чему мнѣ теперь себя сдерживать? Съ кѣмъ должна я соперничать въ добродѣтели? Мой супругъ не измѣнилъ-ли мнѣ? У меня нѣтъ ни дома, ни дѣтей; онъ исчезли, эти надежды,

которая я тщетно старалась осуществить, сохраняя въ тайнѣ роковой союзъ, прискорбное рожденіе. Нѣть, клянусь звѣднымъ трономъ Зевса, богиней ¹⁾ возсѣдающей на утесахъ моей родины, и священнымъ болотомъ Тритона. Не буду болѣе скрывать своего проступка—это облегчитъ мое сердце. Глаза мои льютъ слезы, душа раздирается, когда я вижу себя жертвою подлыхъ нападокъ людей и боговъ, которые измѣняютъ и потомъ забываютъ предметъ своей любви, какъ я то докажу. О ты, пріобѣщающій свой голосъ къ звукамъ семиструнной лиры и распѣвающій гармоничные гимны Музъ, я уличу тебя въ твоемъ преступленіи при свѣтѣ дня, о сынъ Латоны! Ты пришелъ ко мнѣ съ своими блестящими золотистыми волосами, когда я наполняла полы своего платья блестящей жатвой цвѣтовъ, для своего украшенія; ты овладѣлъ моими бѣлыми руками и, въ то время какъ я кричала и звала мою мать, ты увлекъ меня внутрь пещеры, богъ безстыдный, гдѣ ты удовлетворилъ свое любовное пламя. Несчастная, я рождаю сына и, изъ страха своей матери, отношу его въ ту самую пещеру, гдѣ ты соединился печальнымъ гименеемъ съ несчастной смертной. Увы! увы! его уже нѣть, птицы разорвали его; мой несчастный сынъ сдѣлался ихъ добычей; а ты между тѣмъ, ты звучалъ своей лирой, распѣвая гимны! Обращаюсь къ тебѣ, сынъ Латоны, раздающему въ этомъ храмѣ, центрѣ земли, оракулы смертнымъ на твоемъ золотомъ тронѣ; голосъ мой дойдетъ до твоего слуха. О! коварный любовникъ, ты даешь сына моему супругу, не заслужившему подобной милости; а сынъ мой, онъ-же и твой, погибъ, не зная родителей, унесенный совами и лишенный пеленокъ, въ которыя мать завернула его. Ты противенъ Делосу, также какъ и этому лавру, вѣтви котораго, переплетенныя съ изящною листвою пальмы, укрыли Латону, когда она родила тебя, славный потомокъ Зевса.

Хоръ.—Увы! какая пучина золь открывается передо мною! кто можетъ удержать слезы при видѣ всего этого?

¹⁾ Паллада-Аѳина.

Г. Б. Ч. Т.

Педагогъ.—Дочь моя, я не могу достаточно наглядѣться на тебя и умъ мой помрачается, тебя слушая. Едва освободясь отъ золъ, на меня хлынувшихъ, я чувствую, что рѣчи твои вызываютъ приближеніе новой бури. Что это за новый путь, въ который ты пускаешься, на которомъ другія горести присоединятся къ настоящему горю? Что ты хочешь сказать? Въ какомъ преступлѣніи обвиняешь ты Аполлона? Что это за дитя, котораго ты была матерью? Въ какое мѣсто ты его подбросила? И какъ могло оно быть растерзано хищными звѣрями? Повтори, пожалуйста, свой разсказъ.

Креуза.—Я стану говорить, старецъ, не смотря на весь позоръ.

Педагогъ.—Я умѣю сочувствовать горю тѣхъ, кого люблю.

Креуза.—Слушай-же: знаешь ты въ утесѣ Кекропса пещеру, обращенную на сѣверъ, которую мы называемъ пещерою Макра?

Педагогъ.—Знаю: подлѣ нея есть святилище и алтарь Пана.

Креуза.—Ну, такъ я тамъ была жертвою жестокаго покушенія.

Педагогъ.—Какъ! слова твои вызываютъ слезы на моихъ глазахъ.

Креуза.—Я противъ воли заключила съ Фебомъ роковой союзъ.

Педагогъ.—О, дочь моя, неужели это то, что я подозреваю?

Креуза.—Не знаю, но если скажешь правду, то я не буду скрытничать.

Педагогъ.—Тогда, когда ты тайкомъ стонала, мучимая тайнымъ недугомъ...

Креуза.—Это былъ недугъ, въ которомъ я сегодня созналась.

Педагогъ.—Но как же ты скрыла свой союзъ съ Аполлономъ?

Креуза.—Я сдѣлалась матерью. Выслушай меня терпѣливо, старикъ.

Педагогъ.—Гдѣ и кто помогъ тебѣ въ чась рожденія? Мучилась ты одна и безъ помощи?

Креуза.—Я была одна и въ той пещерѣ, гдѣ богъ изнасиловалъ меня.

Педагогъ.—Гдѣ-же это дитя? Не оставаться-же тебѣ безъ семьи?

Креуза.—Оно погибло, старикъ, брошенное на жертву зубамъ хищныхъ звѣрей.

Педагогъ.—Погибло? Аполлонъ, жестокій, развѣ не пришелъ ему на помощь?

Креуза.—Нѣтъ, и онъ воспитался въ царствѣ Гадеса.

Педагогъ.—Кто-же бросилъ его? Надѣюсь, не ты?

Креуза.—Я сама во мракѣ ночи завернула его въ пеленки.

Педагогъ.—И кромѣ тебя никто не зналъ о томъ, что ребенокъ былъ брошенъ?

Креуза.—Моими свидѣтелями были только мое несчастье и тайна.

Педагогъ.—Но какъ могла ты оставить твоего сына въ пещерѣ?

Креуза.—Послѣ многихъ мучительныхъ стоновъ.

Педагогъ.—Увы! преступная мать и еще болѣе преступный богъ!

Креуза.—Если-бы ты видѣлъ, какъ ребенокъ протягивалъ ко мнѣ рученки!

Педагогъ.—Искаль онъ твою грудь или хотѣлъ идти тебѣ на руки?

Креуза.—Онъ искалъ того мѣста, гдѣ ему надо-бы оставаться, но я оттолкнула его.

Педагогъ.—Но какая надежда заставила тебя подбросить малютку?

Креуза.—Я льстила себя надеждой, что богъ спасеть свое дитя.

Педагогъ.—Увы! какъ ужасно родъ Эрехтея потрясается грозой!

Креуза.—Отчего, старецъ, проливаешь ты слезы, закрывая голову?

Педагогъ.—Оттого, что вижу тебя и отца твоего, подавленными несчастьемъ.

Креуза.—Это участь смертныхъ; здѣсь, на землѣ, нѣть ничего постояннаго.

Педагогъ.—Перестанемъ, дочь моя, предаваться горю.

Креуза.—Что я должна дѣлать? Горе такъ нерѣшительно.

Педагогъ.—Прежде всего отомсти богу, тебя оскорбившему.

Креуза.—Какъ мнѣ, простой смертной, бороться съ его могуществомъ?

Педагогъ.—Зажги святой храмъ Аполлона.

Креуза.—Не смѣю. И безъ того-уже довольно горя подавляетъ меня.

Педагогъ.—Осмѣлься-же сдѣлать то, что въ твоей власти, и убей своего супруга.

Креуза.—Я чту узы, насы связывавшія въ то время, какъ онъ былъ невиненъ.

Педагогъ.—Уничтожь-же, по крайней мѣрѣ, сына, вставшаго противъ тебя.

Креуза.—Но какъ? еслибы было возможно, я сдѣла-ла-бы это охотно.

Педагогъ.—Вложи мечъ въ руки людей твоей свиты.

Креуза.—Я пойду съ ними; но гдѣ его поразить?

Педагогъ.—Въ священныхъ палатахъ, гдѣ онъ даетъ пиръ своимъ друзьямъ.

Креуза.—Убийство возбуждаетъ шумъ, а рабамъ не достаетъ бодрости.

Педагогъ.—Увы! ты смягчаешься. Рѣшился-же сама^в на что-нибудь.

Креуза.—Прекрасно! у меня есть средство вмѣстѣ и вѣрное, и тайное.

Педагогъ.—Я готовъ служить тебѣ какъ хитростью, такъ и силой.

Креуза.—Слушай-же: ты знаешь битву Гигантовъ?

Педагогъ.—Которую Гиганты затѣяли съ богами въ Флегра? знаю.

Креуза.—Тогда-то земля народила страшное чудовище Горгону.

Педагогъ.—Чтобы Горгона помогала ея сыновьямъ противъ боговъ?

Креуза.—Да, и дочь Зевса, богиня Паллада, убила ее.

Педагогъ.—Какой видъ былъ у этого дикаго чудовища?

Креуза.—Доспѣхи ея состояли изъ ехидны, обвитой вокругъ ея брони.

Педагогъ.—Этотъ-ли разскaзъ я когда-то слышалъ?

Креуза.—Паллада покрыла свою грудь кожею чудовища.

Педагогъ.—Это и называютъ эгидой, украшенiemъ Паллады?

Креуза.—Такъ ее назвали, когда богиня приняла участіе въ битвѣ боговъ.

Педагогъ.—Но, дочь моя, какой-же вредъ можетъ она причинить твоимъ врагамъ?

Креуза.—Ты, конечно, знаешь Эрихтонія, старику?

Педагогъ.—Перваго представителя вашего рода, вышедшаго изъ лона земли?

Креуза.—Онъ только что родился, какъ Паллада дала ему...

Педагогъ.—Что она ему дала? ты медлиши окончить свою мысль.

Креуза.—Двѣ капли крови Горгоны.

Педагогъ.—Какое ихъ дѣйствіе на людей?

Креуза.—Одна даетъ смерть, другая вылѣчиваетъ болѣзни.

Педагогъ.—Какъ она ихъ прицѣпила къ тѣлу малютки?

Креуза.—Золотыми цѣпями; Эрихтоній ихъ отдалъ моему отцу.

Педагогъ.—А послѣ его смерти, онъ перешли къ тебѣ?

Креуза.—Да; я ихъ ношу при сгибѣ руки и кисти.

Педагогъ.—Какъ-же нужно обращаться съ двойнымъ даромъ богини?

Креуза.—Кровь, капнувшая изъ полой вены...

Эврипидъ.

Педагогъ. — Къ чему она служитъ? какое ея свойство?

Креуза. — Она отвращаетъ болѣзни и поддерживаетъ жизнь.

Педагогъ. — А другая капля, о которой ты говоришь, какое ея дѣйствие?

Креуза. — Она убиваетъ: это ядъ змѣй Горгоны.

Педагогъ. — Носишь ты ихъ смѣшанными или отдельно?

Креуза. — Отдельно. Хорошая не смѣшивается съ дурной.

Педагогъ. — О, моя дорогая дочь, у тебя есть все, что нужно.

Креуза. — Вотъ ядъ, который убить ребенка: ты нальешь его.

Педагогъ. — Гдѣ и какъ? Тебѣ повелѣвать, мнѣ дѣйствовать.

Креуза. — Въ Аѳинахъ, когда онъ войдетъ въ мой домъ.

Педагогъ. — Ты осуждала мой проектъ, а я не хвалю твой.

Креуза. — Какъ? Неужели ты угадываешь мысль, приведшую мнѣ на умъ?

Педагогъ. — Тебя обвинять въ смерти ребенка, если даже не ты убьешь его.

Креуза. — Ты правъ: говорить, что мачихи всегда не навидятъ дѣтей отъ другого ложа.

Педагогъ. — Убей его въ этомъ мѣстѣ, гдѣ ты отречешься отъ преступленія.

Креуза. — О! я заранѣе наслаждаюсь своею местью.

Педагогъ. — И ты обманешь супруга, какъ и онъ старается тебя обмануть.

Креуза. — Знаешь, что надо сдѣлать? Возьми этотъ золотой шарикъ старинную работу Паллады, и отправься туда, гдѣ мой супругъ приносить тайную жертву; когда пиръ будетъ оконченъ и они будутъ готовиться къ возлияниямъ богамъ, вынь ядъ изъ — подъ твоей одежды и влей его въ кубокъ юноши. Этотъ напитокъ назначается не для всѣхъ гостей: дай его только тому, кто долженъ царить въ моемъ домѣ, какъ повелитель. Если онъ его

выпить, то уже не вступить въ славныя Аеины и найти здѣсь свою могилу.

Педагогъ.—Отправляйся теперь въ жилище Проксенона¹⁾, а я пойду исполнить порученное мнѣ дѣю. Ну-же, старикъ, найди для дѣла юношескую бодрость, въ которой отказываются тебѣ годы. Иди, вмѣстѣ съ своей госпожей, противъ ея врага, пусть онъ погибнетъ и избавить отъ себя домъ ея. Въ счастіи прекрасно слѣдоватъ благочестію, но когда желаешь вредить своимъ врагамъ, то нѣтъ закона, которымъ-бы слѣдовало стѣсняться.

Хоръ.—Богиня перекрестковъ²⁾, дочь Деметры, управляющей ночными и дневными похожденіями, направь стопы того, кого моя высокая госпожа посыпаетъ для наполненія кубка, отравленного кровью, вылившейся изъ горла Горгоны, и для поднесенія его тому, кто намѣревается завладѣть домомъ Эрехтея. Если виновный спасется отъ смерти и усилю моей госпожи окажутся тщетными, если она упустить случай привести въ исполненіе свой смѣлый планъ и исчезнеть всякая надежда, то она погрузить въ свое горло острый ножъ, или сожметь свою шею роковымъ шнуркомъ и, положивъ прискорбный конецъ своимъ несчастіямъ, промѣняетъ эту жизнь на другую: никогда, наслѣдница этой благородной семьи живая не вынесетъ въ своею домѣ посторонняго властелина. Я краснѣю за бoga³⁾, котораго мы прославляемъ въ нашихъ поляхъ, если близъ источниковъ Каллихора⁴⁾ его глаза, никогда не смыкаемые сномъ, увидятъ зажженные факелы, освѣщающіе праздникъ Иقادъ⁵⁾ въ то время, когда звѣздный эаиръ Зевса направляетъ хоръ свѣ-

¹⁾ Гостепріимство въ Дельфахъ было дѣломъ общественнымъ. Проксенами называли тѣхъ, на кого оно было возложено; они принимали иностранцевъ, приходившихъ для совѣщанія съ оракуломъ.

²⁾ Геката.

³⁾ Діониза.

⁴⁾ См. у Каллимаха: Гимнъ Деметрѣ, 16.

⁵⁾ Такъ звали двадцатый день и слѣдующіе дни за праздниками Деметры и Діониза.

тиль, когда луна вступает въ плясъ и пятьдесят до-
черей Нереи въ глубинѣ моря и пучинахъ вѣчныхъ рѣкъ
образуютъ хороводы въ честь дѣственницы ¹⁾, въ золо-
томъ вѣнцѣ, и ея почитаемой матери ²⁾: тамъ-то на-
дѣется царствовать и овладѣть богатствами, нажитыми
другими, бродяга, которому покровительствуетъ Аполлонъ.
Вы всѣ, изощряющіе свое злословіе на воспѣваніе нашихъ
измѣнъ и незаконныхъ союзовъ, посмотрите, насколько
мы превосходимъ въ набожности неправедный развратъ
мужчинъ. Пусть ваша муга измѣнитъ свой предметъ и
начнетъ порицать мужскую невоздержанность. Посмотрите
на этого царя, происшедшаго изъ крови Зевса, какъ могъ
онъ забыть полученнаго имъ благодѣянія изъ-за того
только, что бракъ его съ мою госпожей остался безплод-
денъ? а онъ искалъ въ объятіяхъ другой счастія сдѣ-
латься отцомъ и пріобрѣль, такимъ образомъ, незаконнаго
сына.

Служитель.—Женщины, гдѣ мнѣ найти славную dochь
Эрехтея, мою госпожу? Я ее искалъ всюду по городу и
нигдѣ не встрѣтилъ.

Хоръ.—Въ чемъ дѣло, товарищъ нашего рабства? Къ
чему эта торопливая походка и какія новости ты принесъ
намъ?

Служитель.—Насъ преслѣдуютъ; и суды этого города
ищутъ Креузу, чтобы бросить ее съ вершины утеса.

Хоръ.—О, небо! что ты говоришь? Ужъ не открыли-ли
нашего тайного намѣренія погубить молодаго человѣка?

Служитель.—Ты отгадаль; и ты не изъ послѣднихъ
раздѣлишь казнь царицы.

Хоръ.—Но какъ-же открыли нашу тайну?

Служитель.—Боги, не желающіе терпѣть оскорблѣнія,
не допустили несправедливости восторжествовать надъ
справедливостью.

Хоръ.—Что такое? Умоляю тебя, объяснись. Когда мы

¹⁾ Персефоны.

²⁾ Деметры.

узнаемъ истину, свѣтъ намъ покажется пріятнѣе и, если намъ надо умереть, то умремъ охотнѣе.

Служитель.—Супругъ Креузы, оставивъ оракула, отправился съ только что найденнымъ сыномъ приготовлять пиръ и жертвоприношеніе богамъ. Ксюей пошелъ въ то мѣсто, гдѣ огонь пламенѣетъ въ честь Діониза, чтобы кровью жертвъ полить двойную вершину горы и поблагодарить небо за то, что оно указало ему сына: «Ты же, дитя мое, останься здѣсь, сказалъ онъ, да поручи работникамъ построить прочную палатку. Если я запоздаю вернуться послѣ жертвоприношения богамъ, присутствующимъ при рожденіи, задай твоимъ друзьямъ блестящій пиръ». И онъ ушелъ, уводя жертву. Молодой человѣкъ построилъ великолѣпную палатку, входъ въ которую не былъ закрытъ и которую поддерживали высокіе столбы: онъ постарался ее защитить отъ полуденного жара и послѣднихъ лучей заката; она имѣла четырехугольную форму и занимала десять тысячъ футъ, говоря языкомъ знатоковъ, точно будто весь дельфійскій народъ былъ приглашенъ на пиръ. Чтобы прикрыть ее, онъ взялъ изъ священныхъ сокровищъ самыя восхитительныя ткани. Сначала онъ покрылъ крышу добычей амазонокъ, которую сынъ Зевса, Геракль, посвятилъ богу. На этой ткани было изображено небо, собирающее въ эаирный сводъ звѣзды; солнце, воодушевляющее своихъ скакуновъ, при концѣ ихъ пути, и тянущее за собою Геспера, блещущаго яркимъ блескомъ. Ночь, покрытая темнымъ покровомъ, понукала свою возницу, неотягченную никакимъ игомъ, и звѣзды сопровождали богиню. Плеїады подвигались среди эаира съ Оріономъ, опоясаннымъ саблей; наверху, медвѣдица обвивала свой хвостъ вокругъ золоченаго полюса. Еще выше блистала полная луна, раздѣляющая мѣсяцы, а также Гіады, вѣрнѣйший знакъ для мореходцевъ, и Аврора, посланница дня, гонящая передъ собою звѣзды. На стѣнахъ Іонъ разоссталъ другіе ковры съ изображеніями варварскихъ кораблей, сражающихся съ греками, и чудовищъ: полулюдей, полу-звѣрей, и охотниковъ, преслѣдующихъ верхами оленей, и свирѣпыхъ львовъ. Въ дверяхъ палатки вид-

нѣлся Кекропсъ, свернувшійся спиралью ¹⁾), а подлѣ него его дочери: это былъ даръ, поднесенный богу однимъ Аеиняниномъ. Іонъ разставилъ посреди залы золотые кубки и глашатаи, идя на цыпочкахъ, громкимъ голосомъ приглашали всѣхъ Дельфійцевъ, желающихъ принять участіе въ пирѣ. Когда палатка наполнилась, то гости, съ вѣнками на головѣ, занялись хорошими яствами. Ихъ аппетитъ началъ уже утоляться, когда внезапно вошелъ старикъ, дошелъ до середины палатки и возбудилъ веселіе рвніемъ, съ которымъ принялъ имъ прислуживать. Изъ кувшина поливалъ онъ имъ воду для омовенія рукъ, жегъ сокъ мирры, распоряжался раздачею кубковъ, и все это исполнялъ самъ безъ всякой просьбы. Когда дѣло дошло до флейтиковъ и до общаго кубка ²⁾), старикъ проговорилъ: «Надо унести эти маленькие кубки, и принести большие, чтобы ускорить удовольствіе гостей». И его рабы, работающіе на славу, принесли рѣзные сосуды, серебряные и золотые. Онъ-же выбралъ самый лучшій, точно будто для того, чтобы сдѣлать честь своему новому господину, подалъ его ему совсѣмъ полнымъ, примѣшивъ къ вину сильный ядъ, который, будто бы, дала ему наша госпожа, для погибели молодаго человѣка. Никто этого не замѣтилъ; но, когда юноша еще держалъ кубокъ въ рукѣ и готовился сдѣлать съ другими гостями обычное возліяніе, одинъ изъ служителей произнесъ зловѣщее слово. Юноша, воспитанный въ храмѣ, среди искусныхъ волхвовъ, увидѣлъ въ этомъ дурное предзнаменованіе и велѣлъ наполнить новый кубокъ; онъ розлилъ на землю вино, которое подносилъ прежде богу, и пригласилъ гостей послѣдовать его примѣру. Тогда, среди глубокаго молчанія, мы наполняемъ священные кубки чистой влагой, смѣшанной съ библоскимъnectаромъ ³⁾). Пока мы были этимъ заняты, стая крылатыхъ

¹⁾ Кекропсъ, полу-человѣкъ, полу-змѣя, былъ первымъ царемъ въ Аттицѣ. См. Аполлодоръ, III, 13.

²⁾. Онъ обходилъ кругомъ и всѣ изъ него пили.

³⁾ Знаменитое Фракійское вино.

голубей влетѣла въ палатку: ибо эти птицы живутъ въ безопасности въ храмѣ Аполлона. Мучимыя жаждой, онѣ погружаютъ свои кловы въ вино, разлитое гостями, и жидкость входитъ въ ихъ пернатое горло. Для всѣхъ, этотъ напитокъ оказался безвреднымъ, но та, которая остановилась на томъ мѣстѣ, гдѣ совершилъ возліяніе новый сынъ Ксусія, едва успѣла попробовать вино, какъ взмахнула крыльями, забилась и жалобно застонала. Все собраніе смотрѣть на страданіе голубя, и птичка, трепеща умираетъ, вытянувъ свои гурпировыя лапки. Тогда юноша, которому оракулъ Аполлона только что даровалъ отца, раздираетъ свою тунику, бросается нагимъ на столъ и вскрикиваетъ: «Кто хотѣлъ моей смерти? Говори, старикъ: ибо твоя услужливость мнѣ подозрительна, такъ какъ отъ тебя я получилъ кубокъ». Схвативъ старика за руку, онъ осыпаетъ его вопросами, чтобы добиться уликъ. Истина разоблачила и онъ принужденъ былъ объявить не безъ труда о преступленіи Креузы и ея гнусномъ замыслѣ. Сейчасъ-же молодой служитель Аполлона выходитъ съ своими гостями, идетъ къ Пиоійскимъ старѣйшинамъ и говорить: «О священный городъ! чужестранка изъ семьи Эрехтея покушалась отравить нась». Дельфійскіе суды единогласно приговорили нашу госпожу быть сверженной съ вершины утеса за желаніе убить священную особу и за приготовленіе убийства въ храмѣ. Весь городъ ищетъ несчастную, такъ печально завершающую пагубное путешествіе: желаніе имѣть дѣтей привело ее къ храму Аполлона, и она погубила себя и вмѣстѣ надежду имѣть потомство.

Хоръ.—Я не могу, нѣть, не могу я, несчастная! отвратить смерть, мнѣ угрожающую (ибо все теперь открылось) за то, что примѣшала смертельный ядъ быстрой ехидны къ напитку Диониза, предлагаемому для возліянія. Моя жизнь, обреченная на несчастье, моя госпожа, погибающая подъ градомъ камней, вотъ приношенія богамъ преисподней! Куда бѣжать, чтобы избѣжать смерти? Улечу-ли я на небо, или скроюсь въ мрачныхъ нѣдрахъ земли? Должна-ли я сѣсть въ быструю квадригу, или за-

нять мѣсто у кормы корабля? Никто не можетъ оставаться скрытымъ, если только богъ не укроетъ его отъ взоровъ. А ты, моя несчастная госпожа, на какую казнь ты обречена! Зло, которое мы хотѣли причинить другимъ, мы испытали его сами и это справедливо.

Креуза.—Вѣрныя рабыни, меня преслѣдуютъ, чтобы предать казни: приговорь Дельфійцевъ осудилъ меня, и моя казнь рѣшена.

Хоръ.—Мы знаемъ, несчастная, о твоей горькой участіи.

Креуза.—Куда-же бѣжать? Я едва во-время успѣла убѣжать изъ своего жилища, чтобы избѣжать смерти: и я тайкомъ прибѣжала сюда спастись отъ моихъ враговъ.

Хоръ.—Куда-же иначе укрыться какъ не у этого алтаря?

Креуза.—Что я этимъ выиграю?

Хоръ.—Не позволено убивать кающущуюся.

Креуза.—Но законъ обрекаетъ меня на смерть.

Хоръ.—Да, если наложить на тебя руки.

Креуза.—Ну, вотъ! посмотри на этихъ жестокихъ защитниковъ закона, приближающихся сюда, съ обнаженными мечами.

Хоръ.—Прижмись-же къ алтарю. И если ты умрешь на этомъ мѣстѣ, то твои убийцы должны будутъ искупить твою смерть; надо выносить ударъ судьбы.

Іонъ.—О Кефиза, верховная рѣка съ лицомъ быка, что это за ехидна, изъ тебя вышедшая, этотъ драконъ, съ глазами, блещущими смертоноснымъ пламенемъ? Это чудовище, способное на всевозможныя покушенія; ядъ его не менѣе вреденъ яда Горгоны, которымъ она хотѣла меня отравить. Хватайте ее, чтобы длинныя косы ея волосъ вспахали вершину Парнасса, гдѣ она разбѣется, отскакивая по утесамъ. Конечно, мнѣ посчастливилось до прибытія въ Аѳину и до подпаденія подъ власть мачихи, такъ какъ, среди друзей, готовыхъ меня защищать, я могъ судить о твоихъ чувствахъ и видѣть, какой ты для меня бичъ и какъ ты меня ненавидиши. Если-бы я вошелъ въ твой дворецъ, ты-бы меня уничтожила и отправила къ Гадесу. Но ни этотъ алтарь, ни храмъ Аполло-

на не спасутъ тебя отъ смерти. Состраданіе, о которомъ ты меня молишь, необходимо намъ, моей матери и мнѣ: потому что, хотя я и лишенъ вида моей матери, но всегда могу призывать ея имя. Посмотрите на эту злую женщину, замышляющую хитрость на хитрости; посмотрите, какъ она, дрожа, сжимаетъ алтарь бога, будто не должна вынести казнь за свои злодѣянія.

Креуза.—Запрещаю тебѣ убивать меня моимъ собственнымъ именемъ, какъ именемъ бога, къ жертвенному котораго я припадаю.

Іонъ.—Что есть общаго между Аполлономъ и тобою?

Креуза.—Я посвящаю себя богу и отдаюсь въ его распоряженіе.

Іонъ.—И однако, ты хотѣла ядомъ умертвить того, кто принадлежитъ этому богу.

Креуза.—Ты уже принадлежишь не Фебу, а отцу твоему.

Іонъ.—Но я былъ сыномъ Аполлона, потому что онъ любилъ меня, какъ отецъ.

Креуза.—Ты былъ посвященъ ему тогда; я посвящена сегодня, а ты уже нѣть.

Іонъ.—Ты божожница, а я благочестивъ.

Креуза.—Я хотѣла убить въ тебѣ врага моей семьи.

Іонъ.—Я, вѣдь, не пришелъ вооруженный на твою землю.

Креуза.—Ты сдѣлалъ болѣе: ты зажегъ дворецъ Эрехтея.

Іонъ.—Гдѣ-же факелы, гдѣ-же пламя, зажженное мною?

Креуза.—Ты противъ моей воли хотѣла завладѣть моимъ имуществомъ.

Іонъ.—Отецъ даваль мнѣ землю, имъ покоренную.

Креуза.—Какія права можетъ имѣть потомокъ Эола на городъ Паллады?

Іонъ.—Онъ освободилъ его оружиемъ, а не словами.

Креуза.—Изъ-за того, что онъ помогъ странѣ, онъ во все не сдѣлался ея властелиномъ.

Іонъ.—И такъ, ты хотѣла меня убить изъ опасенія, чтобы я не завладѣль твоимъ имуществомъ?

Креуза.—Для того, чтобы не умереть, если-бы ты сдѣлался моимъ господиномъ.

Іонъ.—Ты завидуешь, ты, бездѣтная, тому, что мой отецъ нашелъ меня.

Креуза.—Значить, ты намѣренъ завладѣть наслѣдствомъ тѣхъ, у которыхъ нѣть дѣтей?

Іонъ.—Не получу-ли я, по крайней мѣрѣ, часть отцовскаго добра?

Креуза.—Бери его щитъ и его оружіе: вотъ все, что у него есть.

Іонъ.—Оставь жертвенникъ и это мѣсто, посвященное богу.

Креуза.—Иди за своей матерью, чтобы давать ей съѣты.

Іонъ.—Какъ! ты останешься безнаказанной, ты, хотѣвшая меня убить?

Креуза.—Если ты только не захочешь меня убить внутри храма.

Іонъ.—Какое удовольствіе находишь ты умирать среди гирляндъ бога?

Креуза.—Мы огорчимъ одного изъ тѣхъ, кто насъ огорчилъ.

Іонъ.—О! какъ прискорбно, что боги установили для смертныхъ законы, которые и не справедливы, и не благоразумны; злые—должны быть отгоняемы отъ жертвенника, а не находить подлѣ нихъ себѣ убѣжища. Человѣкъ испорченный не долженъ прикасаться къ богамъ; напротивъ того, человѣкъ праведный долженъ-бы садиться въ священныхъ мѣстахъ; но отчего боги даютъ одно и тоже убѣжище и одинаковыя преимущества какъ невинному, такъ и виновному?

Пиѳія.—Остановись, сынъ мой! я покинула вѣцій треножникъ и переступила за внутренность храма, я, жрица Феба, избранная изъ всѣхъ женщинъ Дельфъ для соблюденія древнихъ обрядовъ священнаго треножника.

Іонъ.—Привѣтъ тебѣ, о моя возлюбленная мать; да, мать, хотя не ты дала мнѣ жизнь.

Пиѳія.—Хорошо! Называй меня такъ; это имя мнѣ нравится.

Іонъ.—Знаешь ли, что эта женщина хотѣла меня убить своимъ коварствомъ?

Пиөія.—Знаю, а ты не правъ, выказывая себя жестокимъ.

Іонъ.—Не слѣдуетъ развѣ убивать того, кто хотѣлъ насъ убить?

Пиөія.—Супруга никогда не бываетъ расположена къ дѣтямъ отъ другой женщины.

Іонъ.—А я къ мачихѣ, замышляющей мою гибель.

Пиөія.—Не стыдно ли тебѣ? оставь этотъ храмъ и отправляйся на твою родину.

Іонъ.—Что долженъ я дѣлать, слѣдя твоимъ совѣтамъ?

Пиөія.—Да примутъ тебя Аеины съ чистыми руками и въ счастливый часъ.

Іонъ.—Всегда чисты руки того, кто убилъ своихъ враговъ.

Пиөія.—Не убивай и внимай моимъ словамъ.

Іонъ.—Говори. Все, что ты скажешь, тебѣ подскажетъ расположение ко мнѣ.

Пиөія.—Видишь ты эту корзину въ моей рукѣ?

Іонъ.—Я вижу старинную корзину, украшенную перевязками.

Пиөія.—Въ этой-то самой корзинѣ когда-то я нашла тебя, только что родившагося ребенка.

Іонъ!—Что ты говоришь? Это совсѣмъ для меня ново.

Пиөія.—Я открываю тебѣ фактъ, который держала въ тайнѣ.

Іонъ.—Зачѣмъ скрывала ты истину съ тѣхъ поръ, какъ пріютила меня?

Пиөія.—Богъ хотѣль, чтобы ты ему служилъ въ его храмѣ.

Іонъ.—Развѣ теперь онъ этого болѣе не хочетъ? Изъ чего могу я узнать еговолю?

Пиөія.—Онъ назвалъ твоего отца и высыпаетъ тебя отсюда.

Іонъ.—По его приказанію, или по какой другой причинѣ ты бережешь эти вещи?

Пиоія.—Аполлонъ заставилъ меня обѣщать...

Іонъ.—Что дѣлать? говори, оканчивай свою мысль.

Пиоія.—Хранить эту корзину до этого часа.

Іонъ.—Что могу я отъ этого выиграть или проиграть?

Пиоія.—Ты найдешь здѣсь пеленки, въ которыхъ ты былъ завернутъ.

Іонъ.—Они будутъ мнѣ служить примѣтами той, отъ которой я получиль жизнь.

Пиоія.—Богъ вручаетъ ихъ тебѣ сегодня; прежде онъ этого не допускалъ.

Іонъ.—О! сколько счастливыхъ открытій далъ мнѣ сегодняшній день!

Пиоія.—Возьми же эти вещи и справься о той, которой ты обязанъ жизнью. Обойди всю Европу и земли Азіатскія, и самъ постараися найти ее. Я воспитала тебя по велѣнію бога, дитя мое, и ради него отдаю тебѣ это сокровище, которое по его волѣ я свободно приняла и хранила; отчего онъ этого хотѣлъ? Я не знаю. Никто изъ смертныхъ не зналъ, что эти вещи были у меня; и гдѣ онѣ были спрятаны. Прощай-же, такъ какъ я люблю тебя, какъ сына. Принимайся-же за дѣло; разузнай, сначала, не одна-ли изъ молодыхъ дѣвушекъ Дельфъ твоя мать, которая, по твоемъ рожденіи, подбросила тебя въ этотъ храмъ; ищи, затѣмъ, между женщинами Эллады. Вотъ, что мнѣ надо было тебѣ сказать отъ моего имени и отъ имени Феба, замѣшаннаго во всѣ эти событія.

Іонъ.—Увы! увы! глаза мои лютъ слезы, когда мысль моя переносится къ тому дню, когда моя мать украдкой покинула плодъ тайной связи и отказалася мнѣ въ своей груди; неизвѣстное дитя, я исправлялъ въ этомъ храмѣ обязанность слуги. Аполлонъ былъ добръ ко мнѣ, но судьба преслѣдовала меня, ибо въ то время, когда въ материнскихъ объятіяхъ я долженъ былъ бы получать ласки, придающія прелесть жизни, я былъ лишенъ заботъ нѣжной матери. И ее я жалѣю, такъ какъ она, подобнымъ поступкомъ, лишила себя материнскихъ радостей. И теперь я хочу предложить богу эту корзину,

мнѣ возвращенную, опасаясь печального открытия. Такъ какъ, если я узнаю, что я сынъ рабыни, то буду несчастнѣе, узнавъ свою мать, чѣмъ если я брошу всякие розыски. О Фебѣ! я жертвуя эту колыбель въ твой храмъ. Но что я дѣлаю? Я противлюсь волѣ бога, сохранившаго мнѣ это сокровище, чтобы помочь отыскать мою мать. Надо выказать бодрость и открыть эту корзину; я не могу избѣжать своей участіи. Зачѣмъ вы такъ долго были отъ меня скрыты, святые перевязки, дорогія узы, защищавшія мое тѣло? Какъ божественное чудо хорошо сохранило эту кругло-бокую корзину! этотъ камышъ нисколько не заплѣснѣлъ, а между тѣмъ много годовъ пронеслось надъ этимъ сокровищемъ.

Креуза.—Какое неожиданное зрелище поражаетъ мой взоръ!

Іонъ.—Молчи: ты уже съумѣла умолчать о весьма многомъ.

Креуза.—Какъ мнѣ молчать, когда это до меня касается: перестань давать мнѣ совѣты. Эта корзина—такая самая, въ которой я положила тебя, о сынъ мой, въ часъ твоего рожденія въ пещерѣ Кекронса и утесахъ Макра. Пусть я умру, но отойду отъ жертвенника.

Іонъ.—Схватите ее: богъ поразилъ ее безуміемъ и, въ одинъ прыжокъ, она отскочила отъ жертвенника; наѣхните цѣпи ей на руки.

Креуза.—Перестанете-ли вы меня мучить? Я не выпущу этой корзины, ни тебя самого, ни того, что тамъ спрятано.

Іонъ.—О верхъ дерзости! она хочетъ завладѣть мною своимъ коварствомъ.

Креуза.—Нѣть, но я люблю тебя и нахожу въ тебѣ любимое существо.

Іонъ.—Я любимъ тобою! а между тѣмъ ты хотѣла меня подло убить.

Креуза.—Ты—сынъ мой, то, что для родителей всего дороже.

Іонъ.—Брось хитрость; я съумѣю тебя убѣдить.

Креуза.—Какъ рада была бы я этому: вѣдь, это цѣль, которую я преслѣду, дитя мое.

Іонъ.—Скажи: пуста эта корзина, или въ ней что-нибудь находится?

Креуза.—Одежда, въ которой я когда-то тебя подбросила.

Іонъ.—Назовешь ли ты ее, не взглянувъ въ нее?

Креуза.—Если я ее не опишу, то охотно соглашаюсь умереть.

Іонъ.—Говори, твоя увѣренность поражаетъ меня.

Креуза.—Разсмотрѣши эту ткань, сотканую мною, когда я была еще совсѣмъ молода,

Іонъ.—Въ какомъ родѣ? Молодыя дѣвушки ткуть много разныхъ тканей.

Креуза.—Она неокончена: челнокъ только приступилъ къ работѣ.

Іонъ.—Что на ней изображено? я не хочу, чтобы меня обманывали.

Креуза.—Посерединѣ ткани виднѣется Горгона.

Іонъ.—О Зевсъ! какой рокъ насъ преслѣдуетъ?

Креуза.—Края окружены змѣями, какъ эгидой Паллады.

Іонъ.—Возьми: вся ткань и перевязки такія, какъ я ихъ напечь.

Креуза.—О старинная работа моихъ дѣвическихъ рукъ!

Іонъ.—Есть еще что-нибудь? или ты вѣрно отгадала только это?

Креуза.—Двѣ змѣи, которыхъ челюсти изъ массивнаго золота блестятъ яркимъ блескомъ.

Іонъ.—Подарокъ Паллады, желающей, чтобы эти драгоценности клались въ дѣтскія лольки.

Креуза.—Изъ подражанія древнему Эрихтонію.

Іонъ.—Съ какой цѣлью? Скажи мнѣ, къ чему служить это золстое украшеніе?

Креуза.—Новорожденное дитя его носить на своей шеѣ, сынъ мой.

Іонъ.—Оно тутъ; а третья вещь? я хочу ее знать.

Креуза.—Я положила на твою голову сливковый вѣ-

иокъ, сдѣланный изъ листьевъ дерева, посаженного Палладой на утесъ Кекропса. Если онъ еще здѣсь, то сохранилъ свою свѣжесть и еще зеленъ, такъ какъ оливковое дерево, стъ котораго онъ былъ взято, бессмертно.

Іонъ.—О моя дорогая мать! съ какою радостью я нахожу тебя и цѣлую лицо, пылающее отъ радости!

Креуза.—О дитя мое! О моя жизнь! ты, который мнѣ дороже свѣта Геліоса (прошу прощенія у этого бога)! Я скимаю въ своихъ объятіяхъ сына, найденнаго мною такъ неожиданно противъ всякой надежды, и котораго я уже считала живущимъ подъ землею съ Манами и Персефоной.

Іонъ.—Да, мать дорогая, руки твои обнимаютъ этого сына мертваго и вмѣстѣ живаго.

Креуза.—О обширныя пространства блестящаго эаира! Какія рѣчи должна я произнесть, какіе крики испустить? Откуда ко мнѣ явились это неожиданное счастье, эта чрезмѣрная радость?

Іонъ.—Я прежде думалъ, что со мною скорѣе случится все, но только не то, что я буду признанъ твоимъ сыномъ.

Креуза.—Я еще трепещу отъ страха.

Іонъ.—Не имѣть меня, когда ты уже имѣешь?

Креуза.—Я далеко отбросила всякую надежду. Скажи мнѣ, женщина, скажи, кто вручилъ тебѣ дитя мое и кто принесъ его въ храмъ Феба?

Іонъ.—Это дѣло бога. Будемъ теперь наслаждаться счастьемъ, посылаемымъ намъ судьбою: до сихъ поръ она намъ не благопріятствовала.

Креуза.—Сынъ мой, ты мнѣ стоилъ горькихъ слезъ при, рожденіи, и не безъ стенаній твоя мать разсталась съ тобою; теперь я вздыхаю свободно, прижавъ къ тебѣ наслаждаюсь самимъ сладкимъ счастьемъ.

Іонъ.—Чувства, тобою высказываемыя — мое сердце также испытываетъ.

Креуза.—Я уже болѣе не бесплодна и не лишена потомства; сынъ мой нашелъ поддержку, моя родина — властелина, я вижу воскрешающаго Эрехтея, племя дѣтей

земли уже не погребено въ темноту могилы; оно видить
свѣтъ солнца,

Іонъ.—Пусть отецъ мой, своимъ присутствiемъ, при-
соединится къ радости, которую я вамъ доставилъ, моя
мать.

Креуза.—Что ты говоришь, сынъ мой? Къ какому при-
знанiю вижу я себя вынужденной?

Іонъ.—Какъ?

Креуза.—Другой, другой былъ твоимъ отцемъ.

Іонъ.—Небо! мое рожденье незаконно.

Креуза.—Ни факелы, ни пляски не сопровождали ги-
менея, которому ты обязанъ жизнью.

Іонъ.—О! рожденье мое низко! но кому я имъ обязанъ?

Креуза.—Беру въ свидѣтельницы ту, которая убила
Горгону.

Іонъ.—Что ты хочешь сказать?

Креуза.—И которая находится среди утесовъ моего
роднаго города, на холмѣ, изобилующемъ оливами...

Іонъ.—Ты мнѣ говоришь рѣчи темныя и непонятныя.

Креуза.—Подлѣ утеса, посѣщаемаго соловьями, Фебъ...

Іонъ.—Къ чему называть Феба?

Креуза.—Соединился тайкомъ со мною.

Іонъ.—Кончай; то, что ты скажешь, составляетъ славу
и мое счастье.

Креуза.—И когда насталъ десятый мѣсяцъ, я въ тай-
ни дала Фебу сына.

Іонъ.—О рѣчи, пріятныя моему сердцу, если ты го-
воришь правду!

Креуза.—Твоя мать обернула твое тѣло тканями,
дѣланными ея руками, когда она была дѣвочкой. Она
не смѣла ни накормить тебя своей грудью, ни обмыть;
и вместо того, чтобы накормить тебя, прижавъ къ груди
своей, она тебя подкинула въ пустынной пещерѣ, пре-
давъ на жертву Гадесу, чтобы тебя разорвали и рас-
терзали птицы.

Іонъ.—О мать моя, какую ты выказала жестокость!

Креуза.—Жертвуя твоей жизнью, я уступила страху,

меня охватившему, и я тебя убила противно желанию своего сердца.

Ионъ.—Я тоже выказалъ богохульство, требуя твоей смерти.

Креуза.—О! судьба наша была прежде очень жестока и не менѣе ужасна была она сегодня; мы переходимъ отъ несчастья къ счастью; вѣтры измѣнчивы. Пусть они, наконецъ, успокоятся! довольно нашихъ прошедшихъ мукъ; послѣ бури слѣдуетъ благопріятное дуновеніе, сынъ мой.

Хоръ.—Пусть никто, видя, что сегодня произошло, не отчаявается въ будущемъ.

Ионъ.—О Фортуна, сто разъ мѣнявшая судьбу смертныхъ, погружая ихъ въ несчастье, чтобы потомъ вернуть благополучію,—до какихъ крайностей ты довела насъ! Я чуть не убилъ мать и самъ едва не погибъ позаслуженно! Увы! Солнце, совершая свой поворотъ, не дѣлаетъ ли насъ ежедневно свидѣтелями подобныхъ событій? Я нашелъ тебя, мать моя! Счастливая находка! О, я не могу жаловаться на свое происхожденіе. Но есть другие вопросы, которые-бы я желалъ сдѣлать лишь одной тебѣ. Приближься, потому что я хочу сказать это тебѣ на ухо и бросить покровъ на эти факты. Страшись, мать, упавъ, какъ это случается съ молодыми дѣвушками, поддавшись тайной любви, сваливать вину на бога; страшись, во избѣженіе стыда, передо мною называть Феба отцомъ, что совсѣмъ невозможно для бога.

Креуза.—Нѣть, клянусь побѣдительницей Палладой, боровшейся на своей колеснице подлѣ Зевса съ Горгонами: твой отецъ, сынъ мой, не смертный; твой отецъ Аполлонъ, тебя воспитавшій.

Ионъ.—Какъ-же онъ отдалъ своего сына другому и говорить, что я родился отъ Ксуеія!

Креуза.—Онъ не говоритъ, что ты родился отъ Ксуеія, онъ располагаетъ тобою, своимъ сыномъ, въ пользу Ксуеія. Другъ можетъ отдать своего сына другу, чтобы сдѣлать его наслѣдникомъ его имущества.

Ионъ.—Говорить-ли богъ правду или вѣщаетъ ложь.
Эврипидъ.

ные оракулы, онъ производить въ моемъ умѣ понятное смятеніе.

Креуза.—Слушай, что теперь мнѣ пришло въ голову. Аполлонъ, желающій тебѣ добра, вводить тебя въ хороший домъ; еслибы онъ назвалъ тебя своимъ сыномъ, то ты не получилъ бы ни наслѣдства отъ семьи, единственнымъ наслѣдникомъ которой ты являешься, ни имени твоего отца. Было-ли-бы это возможно? вѣдь, я сама скрывала свою связь и тайно хотѣла убить тебя?

Ionъ.—Я не могу успокоиться столь слабымъ доказательствомъ. Я пойду въ храмъ Феба и постараюсь узнать, сынъ-ли я смертнаго или этого бога. Но какое божество, явясь надъ божественнымъ святилищемъ, открываетъ свой ликъ, блещущій подобно солнцу? Убѣжимъ, мать; остережемся лицезрѣть боговъ, когда намъ не позволено на нихъ смотрѣть.

Аеина.—Не бѣгите: я вамъ не врагъ; здѣсь, какъ и въ Аеинахъ, я желаю вамъ добра. Я покинула страну, носящую мое имя, и прилетѣла сюда отъ имени Аполлона: онъ не хотѣлъ самъ явиться къ вамъ, боясь публичныхъ упрековъ за прошлое; онъ посыаетъ меня сказать вамъ отъ его имени, что ты сынъ Креузы и Аполлона, и что, давая тебя Ксуею, онъ не отдалъ тебя твоему отцу, но желалъ ввести тебя въ самую благородную семью. Но когда истина открылась, боясь, чтобы ухищренія матери не погубили сына и чтобы мать не пала подъ ударами сына, онъ спасъ тебѣ жизнь своими искусствами совѣтами. Богъ рѣшилъ умолчать о своемъ намѣреніи и открыть васъ другъ другу, только когда будете въ Аеинахъ. Но дайте мнѣ окончить дѣло и выслушайте предсказанія, за которыми вы пришли въ храмъ этого бога. Возьми своего сына, Креуза, и отправляйся съ нимъ въ землю Кекропса и посади его на царскій тронъ: рожденный отъ крови Эрехтея, онъ по всей справедливости долженъ царствовать надъ страною, которую я такъ люблю. Онъ прославится въ цѣлой Элладѣ. Четыре сына, отъ него рожденные, и происшедшіе отъ одного корня, дадутъ свои имена племенамъ, образующимъ народы, населяющіе мои.

утесы. Телеонъ будеть первымъ; Гаплеты, Аргоды и Эгикоры, чье имя напоминаеть мою эгиду, составять три другихъ племени. Во время, назначенное рокомъ, ихъ потомки населять города Цикладъ и сосѣдніе берега, составляющіе силу моего народа; они будуть жить на двухъ противуположныхъ материкахъ Европы и Азіи и прославятся подъ именемъ Іонійцевъ, именемъ заимствованнымъ ими отъ Иона. Отъ твоего брака съ Ксуюемъ родятся два сына: Дорій, которому обязана будеть своей славой Дорида, а на землѣ Пелопса,—Ахей, который будетъ царствовать на берегу, сосѣднемъ съ Ріосомъ,¹⁾ гдѣ прославится народъ, получающій отъ него свое имя. Аполлонъ мудро направляль это: сначала онъ помогъ тебѣ родить безъ боли, чтобы твоя мать ничего не знала, и, когда ты произвела на свѣтъ дитя и завернула его въ пеленки, онъ приказалъ Гермесу взять его и принести сюда; здѣсь онъ удовлетворяль его нуждамъ и охраняль его жизнь. Теперь не говори, что это твой сынъ. Оставь Ксуюю его пріятное заблужденіе и уѣзжай со своимъ сокровищемъ. Прощайте: ваши страданія кончены и я вамъ обѣщаю счастливую жизнь.

Іонъ.—О, богиня Паллада! дочь великаго Зевса! мы принимаемъ слова твои не съ недовѣріемъ: я убѣженъ, что я сынъ Аполлона и Креузы; даже и прежде, это не казалось мнѣ невозможнымъ.

Креуза.—Выслушай меня теперь: я восхваляю Феба, котораго прежде не хвалила, такъ какъ онъ сегодня возвращаетъ мнѣ сына, имъ прежде покинутаго. Врата храма, предсказанія бога, казавшіяся мнѣ прежде отвратительными, кажутся мнѣ теперь прекрасными, съ радостью цѣпляюсь я теперь руками за эти мольбы и преклоняюсь передъ этими вратами.

Аєна.—Я одобряю перемѣну въ твоихъ чувствахъ и твое прославленіе Аполлона. Боги дѣйствуютъ иногда медленно, но подъ конецъ все-таки обнаруживаютъ свое могущество.

¹⁾ Ахейскій мысъ.

Креуза.—О сынъ мой, отправимся на нашу родину.

Аеина.—Отправляйтесь, я за вами послѣду.

Іонъ.—Вотъ славный для насъ путеводитель.

Креуза.—И любящій нашъ городъ.

Аеина.—Садись на тронъ твоихъ отцовъ.

Креуза.—Это наслѣдство, имѣющее цѣну въ моихъ глазахъ.

Хоръ.—Аполлонъ, сынъ Зевса и Латоны, привѣтъ тебѣ! Всякій, видящій свой домъ подавленнымъ несчастьемъ, долженъ быть бодръ, если онъ чтитъ боговъ, ибо добрые всегда получать награду за свои добродѣтели; но злые никогда не будутъ долго благоденствовать,—они не родились для счастья.

Г. Б. Ч. Т

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Кормилица Медеи.

Воспитатель дѣтей Медеи.

Медея

Хоръ женщинъ.

Креонъ

ЯЗОНЪ

Згей.

ВѢСТНИКЪ

Двое детей Медеи.

Кормилица.—О, еслибы небо никогда не допускало корабль Арго летѣть къ землѣ Колхидской черезъ Симблегады; ¹⁾ если-бы сосна не падала подъ ударами топора въ лѣсахъ Пеліона и не вооружала веслами руку героеvъ, отправившихся завоевывать для Пеліа золотое руно! Тогда госпожа моя, Медея, не поѣхала-бы къ Йолхоскимъ башнямъ, съ сердцемъ, уязвленнымъ любовью къ Язону; убѣдивъ дочерей Пеліа зарѣзать ихъ отца, она не переселилась-бы на жительство сюда, въ землю Корипесскую, съ своимъ супругомъ и своими дѣтьми. Сперва она понравилась жителямъ страны, въ которой искала себѣ

¹⁾ Симблегады, какъ полагали, закрывали Понть Эвзинскій.

убѣжища, и жила въ полномъ согласіи съ Язономъ; а вѣдь самыи лучшіи стражъ супружества,—это согласіе между супругами. Но теперь она нажила себѣ враговъ и видитъ себя покинутою самимъ дорогимъ предметомъ своей нѣжности. Это отъ того, что Язонъ, измѣнивъ и своимъ дѣтямъ, и моей госпожѣ, вступаетъ на царское ложе и женился на дочерѣ Креона, царствующаго въ этой странѣ. Несчастная Медея, имъ оскорблennая, взываетъ о нарушеніи клятвы, напоминаетъ соединеніе рукъ, священный залогъ вѣрности, и призываетъ боговъ въ свидѣтели тому, какъ отплатилъ ей Язонъ за ея любовь. Она отказывается отъ пищи, предаваясь горю и проливая слезы съ тѣхъ поръ, какъ узнала о коварствѣ своего супруга; опустивъ голову, она не сводить глазъ съ земли; точно скала или морская волна, слушаетъ она утѣшенія друзей; иногда склонивъ свою шею, бѣлую, какъ снѣгъ, она про себя оплакиваетъ своего возлюбленного отца, свою родину и свой домъ, которые она оставила, чтобы следовать за человѣкомъ, ее теперь презирающимъ. Несчастная въ школѣ злополучія узнала, какъ важно не покидать родную землю. Она ненавидитъ своихъ дѣтей и видѣть ихъ болѣе не радуетъ ея сердце. Боюсь, чтобы она не придумала чего-нибудь необыкновенного: характера она пылкаго, не способнаго выносить оскорблениe: я ее знаю и трепещу, чтобы безмолвно войдя въ комнату, гдѣ стоитъ ея ложе, она не воткнула острое желѣзо въ свою собственную грудь, или не убила бы дочери царя и своего супруга и тѣмъ не навлекла-бы на себя еще большихъ несчастій: она вспыльчива, и всякий, навлекшій на себя ея ненависть, не легко можетъ торжествовать побѣду.—Но вотъ ея дѣти возвращаются съ гимнастического бѣга; они не думаютъ о несчастіи своей матери; въ такие ранніе годы сердце не знаетъ горя.

Воспитатель.—Старая рабыня дома моей госпожи, что дѣлаешь ты тутъ, одиноко стоя у этой двери и размыслия о своемъ горѣ? Какъ Медея согласилась остаться безъ тебя?

Кормилица.—О старикъ, охранитель дѣтей Язона,

скорби, поражающей господъ, составляютъ также несчастье добрыхъ слугъ и разрываютъ имъ сердце. И вотъ, печаль моя дошла до того, что мнѣ захотѣлось прийти сюда разскажать землѣ и небу о злополучіи моей госпожи.

Воспитатель.—И такъ, несчастная еще не перестала стонать?

Кормилица.—Счастливецъ! Она только-что начала, и половину не выстрадала она того, что ей предстоитъ еще выстрадать.

Воспитатель.—Безумная! развѣ позволено такъ говорить о своихъ господахъ; она не знаетъ, какія новыя несчастія ей угрожаютъ.

Кормилица.—Что такое, старикъ? не откажись сказать мнѣ.

Воспитатель.—Ничего: жалѣю о томъ, что сейчасъ сказала.

Кормилица.—О! умоляю тебя твоей бородой: ничего не скрывай отъ твоей подруги по неволѣ; въ случаѣ нужды, я съумѣю сохранить твою тайну.

Воспитатель.—Я подошелъ къ мѣсту, гдѣ играютъ въ кости и гдѣ обыкновенно собираются старцы къ священному фонтану Пирена; тамъ, не подавая вида, что слушаю, я слышалъ, какъ кто-то говорилъ, что Креонъ, владыка этой страны, изгонитъ изъ Коринея этихъ двухъ малютокъ съ ихъ матерью... Не знаю, справедливили этотъ слухъ; я желалъ-бы, чтобы ничего этого не было.

Кормилица.—Неужели Язонъ потерпить, чтобы поступили такъ съ его дѣтьми, хотя онъ и въссорѣ съ ихъ матерью?

Воспитатель.—Люди охотно жертвуютъ старыми связями для новыхъ, а Креонъ не желаетъ добра этой семьѣ.

Кормилица.—Пропали мы, если къ прежнему горю прибавится еще новое, прежде, чѣмъ мы справимся съ первымъ.

Воспитатель.—Ты же знай, что еще не время извѣшать госпожу. Оставайся спокойной и сохрани мою тайну.

Кормилица.—Милыя дѣти, слышите, какъ отецъ съ вами обращается? Не желаю ему смерти, потому что онъ мой господинъ; но онъ золь къ тѣмъ, кого-бы долженъ былъ любить.

Воспитатель.—Не то-ли же бываетъ у всѣхъ смертныхъ? Развѣ ты не знаешьъ, что всякий человѣкъ себя любить болѣе, чѣмъ ближняго (эгоизмъ—законный у однихъ, своеокрыстный у другихъ), и неужели этому научилъ тебя только этотъ отецъ, бросившій своихъ дѣтей изъ угожденія къ женѣ?

Кормилица.—Идите домой, дѣти, все пойдетъ хорошо. Ты, старики, старайся ихъ держать въ сторонѣ и не пускай ихъ къ разсерженной матери: я уже замѣтила, какие яростные взоры она на нихъ бросала, точно будто замышляя что-то недобре; я увѣрена, что гибель ея не утишится, прежде, чѣмъ не найдетъ себѣ жертвы. Но падеть онъ на ея враговъ, но не на друзей!

Медея.—(*Ее слышно за сценой*). Увы! какое несчастіе! Какія страданія! О, почему не могу я умереть!

Кормилица.—Я вамъ говорила, милыя дѣти! ваша мать встревожена, гибель клокочетъ въ ея груди. Входите скорѣе, берегитесь попасться ей на глаза и подходить къ ней; страшитесь ея грознаго нрава и страшныхъ припадковъ этого неукротимаго сердца. Идите-же скорѣе. Это поднимающееся облако воцѣлѣй разразится скоро, какъ я предвижу, съ еще большою яростью. До какихъ крайностей дойдетъ эта душа страстная, неумолимая, растерзанная горемъ?

Медея (Во дворцу).—Увы! увы! злосчастная! сколько надо слезъ, чтобы оплакать выстраданное мною горе! Умирайте, проклятыя дѣти отвратительной матери, умирайте съ отцомъ своимъ и пусть весь домъ нашъ погибнетъ!

Кормилица.—О, я несчастная! Какъ же дѣти могутъ быть виновны за проступокъ отца своего? Точно ты ихъ ненавидишь! Бѣдныя дѣти, я боюсь, чтобъ съ вами не

случилось несчастья. Страшны страсти царей: мало повинуясь, много повелевая, имъ трудно совладать съ своимъ гнѣвомъ. Гораздо лучше привыкнуть жить среди равенства. Для себя я предпочту провести свою старость не среди величия, а въ безопасности. О, посредственность! твое имя, впервыхъ, самое лучшее изъ всѣхъ именъ; а въ жизни, ты для смертныхъ самое дорогое благо. Слишкомъ большое богатство ни на что людямъ не пригодится; а когда боги гнѣваются, оно навлекаетъ на людей самыя большія несчастія.

Хоръ.—Я слышала голосъ, я слышала крики несчастной Колхидской царицы, она еще не укротилась. Кормилица, скажи мнѣ, что случилось; изъ преддверія я слышала, какъ она вопила внутри дворца. Я же далеко не радуюсь несчастью этого дома: онъ мнѣ сдѣлался дорогимъ.

Кормилица.—Этого дома уже нѣть, онъ уничтоженъ. Гименей соединяетъ Язона съ царской кровью, а моя госпожа чахнетъ въ своихъ комнатахъ, и никакія рѣчи ея друзей не могутъ ее утѣшить.

Медея (во дворцѣ).—Увы! увы! Да падетъ на мою голову небесный огонь! Зачѣмъ мнѣ жить? О! пусть смерть придетъ освободить меня отъ гнуснаго существованія!

Хоръ.—О Зевсъ! о земля! о Свѣты! слышала-ли ты печальные вопли несчастной супруги? Зачѣмъ желаешь ты, безумная, этого зла, къ которому никто не дерзаетъ приблизиться? Смерть придетъ и такъ слишкомъ скоро: берегись призывать ее сама. Если супругъ твой связаль себя новыми узами, то не надо на него сѣтовать; предоставь Зевсу отомстить за тебя; не изнывай въ слезахъ о супругѣ.

Медея (во дворцѣ).—О могущественная Фемида! о преподобная Артемида! вы видите, какъ онъ со мною поступаетъ, этотъ гнусный супругъ, котораго я связала съ собою самыми великими клятвами. О еслибы мнѣ удалось видѣть его и его новую супругу разорванными на части вмѣстѣ съ дворцомъ, за оскорблѣніе, которое они первые осмѣлились нанести мнѣ. О мой отецъ, о моя родина,

мною постыдно покинутые послѣ того, какъ я зарѣзала брата!

Кормилица.—Вы слышите, что она говоритъ и какъ призываетъ Фемиду, хранительницу желаній, и Зевса, на котораго люди смотрятъ, какъ на блестителя клятвъ. Не возможно, чтобы легкая месть укротила сердце моей госпожи.

Хоръ.—Я бы желала, чтобы она вышла сюда и обмѣнялась со мною рѣчами! Быть можетъ, мнѣ удастся смягчить ея гнѣвъ, успокоить порывы ея сердца. По крайней мѣрѣ, тѣ кого я люблю, никогда не будутъ имѣть недостатка въ моемъ участіи. Иди-же, кормилица, заставь ее выдти изъ дворца и скажи ей, что она найдетъ здѣсь друзей. Поторопись призвать ее сюда, прежде, чѣмъ она оскорбить гостей этого дворца: ибо она предается сильному отчаянію.

Кормилица.—Я такъ и сдѣлаю; но сомнѣваюсь, убѣжду-ли госпожу; я, однако, возьму на себя этотъ трудъ ради тебя. Какъ пойманная львица, бросаетъ она свирѣпые взгляды на своихъ слугъ, когда одинъ изъ нихъ подходитъ къ ней. Смертные, жившіе до насъ, были глупы и недогадливы,—это можно сказать безошибочно; они выдумали эти гимны, эти мелодичные звуки, чарующіе ухо среди праздниковъ, пировъ и торжествъ; но никто не нашелъ средства музыкою и созвучіями лиры разсѣвать черную тоску смертныхъ, порождающую убийства и страшныя несчастія, разоряющія семью. Было-бы, однако, очень хорошо лѣчить пѣніемъ подобныя муки; зачѣмъ возвывать голосъ среди пышнаго пира? Удовольствія хорошихъ яствъ сами по себѣ имѣютъ много привлекательнаго для смертныхъ.

Хоръ.—Я слышала ея жалобы и ея вопли. Она пронзительно и печально стонетъ, жалуясь на дурнаго супруга, измѣнника супружеской клятвѣ. Жертва несправедливой измѣны, она призываетъ дочь Зевса, Фемиду, хранительницу клятвъ, увлекшую ее въ Элладу на противоположную сторону ея родины и приведенную черезъ мрач-

ное море къ преградамъ, закрывающимъ входъ въ Понть Эвксинскій.

Медея.— Коринескія женщины, я вышла изъ дворца, чтобы избѣжать вашихъ упрековъ: я знаю, что многие смертные, одни, какъ-то я сама видѣла, другіе, среди чужестранцевъ, замыкались въ горделивое недовѣріе и своимъ нежеланіемъ показываться передъ людьми, навлекли дурное о себѣ мнѣніе и прославили спѣсивыми. Но у людей мало справедливости и они, еще не хорошо узнавъ характеръ своихъ близкихъ, начинаютъ ихъ ненавидѣть съ первого взгляда, еще не видя отъ нихъ ни одного оскорблѣнія. Необходимо также чужестранцу сообразоваться съ нравами города, въ которомъ онъ живеть; но я не одобряю и туземца, который своимъ надменнымъ видомъ дѣлается, самъ того не подозрѣвая, противенъ своимъ согражданамъ. Что касается меня, то неожиданный ударъ, меня поразившій, растерзаль мою душу; все пропало, жизнь не имѣть для меня никакой прелести; я хочу смерти, друзья мои. Тотъ, кто былъ мнѣ всего дороже, онъ это слишкомъ хорошо знаетъ, супругъ мой сдѣлался самымъ злымъ изъ людей. Изъ всѣхъ существъ, дышащихъ и чувствующихъ, мы, женщины, самые несчастныя. Во-первыхъ, намъ приходится покупать супруга золотою цѣною и отдавать себя въ руки властелина,—вотъ что самое худшее изъ золь; какъ велика опасность, если онъ дурной? ибо недостойно женщины искать развода, и ей невозможно прогнать мужа. Всѣ тѣ, которымъ приходится, подобнымъ образомъ, измѣнить свою жизнь и подвергаться новымъ условіямъ, должны-бы владѣть даромъ прорицанія, такъ какъ ихъ ума недостаточно для того, чтобы угадать, что за человѣкъ, съ которымъ онѣ связываютъ свою судьбу. Если судьба намъ благопріятствуетъ и вѣрный супругъ безъ нетерпѣнія переносить иго гименея, то наша участь достойна зависти; въ противномъ случаѣ приходится умирать. Мужчина, не любящій свой семейный очагъ, воленъ выходить изъ дома и развлекаться отъ скуки въ обществѣ друзей или людей его возраста; но мы, необходимость заставляетъ насъ не ви-

дѣть никого, кромѣ нашего супруга. Они говорять, что мы живемъ въ нашихъ домахъ укрытыми отъ вредной опасности, между тѣмъ какъ они сражаются съ копьемъ въ рукѣ. Вздоръ! Я предпочитаю драться въ трехъ битвахъ, чѣмъ родить одного ребенка. Но то, что я говорю о себѣ, не примѣнимо къ вамъ: родина, родительскій домъ, хорошая жизнь, общество друзей, у васъ все это есть, тогда какъ я, покинутая, изгнанная, я оскорблена человѣкомъ, похитившимъ меня въ чужой землѣ и у меня нѣтъ ни матери, ни брата, подлѣ которыхъ я могла бы найти убѣжище противъ бури. Я прошу у васъ одной только милости: если я найду средство отомстить супругу, причинившему мнѣ столько горя, наказать человѣка, отдавшаго ему свою дочь и его новую супругу, оставайтесь безмолвны. Женщина обыкновенно застѣнчива, мало гордится для борьбы и неспособна выносить видъ желѣза, но если только она оскорблена въ своихъ правахъ супруги, то нѣтъ души, болѣе жаждущей крови.

Хоръ.—Я исполню твою просьбу, Медея, сознавая, что ты права, когда хочешь отомстить своему супругу; и я не удивляюсь, что ты оплакиваешь свои несчастія. Но я вижу Креона, царя этой страны: онъ направляется къ намъ и хочетъ намъ объявить о новыхъ рѣшеніяхъ.

Креонъ.—Я имѣю дѣло до тебя, Медея, до тебя, ворочающей свирѣпыми глазами и гнѣвающейся на супруга: приказываю тебѣ покинуть эту землю съ твоими обѣими дѣтьми и не медля ни минуты; я самъ буду наблюдать за исполненiemъ этого приказанія и не вернусь въ свой дворецъ, пока не изгоню тебя за предѣлы этой страны.

Медея.—Увы! я несчастная! погибель моя полная. Мои враги налетаютъ на меня на всѣхъ парусахъ и я нигдѣ не нахожу убѣжища противъ бури. Однако, какъ я ни притѣснена, но спрошу тебя, Креонъ, за что ты меня изгоняешь изъ этой страны?

Креонъ.—Я боюсь (къ чему скрывать свою мысль?), чтобы ты не произвела надъ моей дочерью какого-нибудь непоправимаго насилия, и у меня не мало причинъ для опасенія: ты искусна, обладаешь опасными знаніями и

оплакиваешь потерю супруга. Я слышалъ,—мнѣ, по крайней мѣрѣ, такъ передавали,—что ты угрожаешь отомстить тому, кто отдалъ свою дочь, и супругу, и супругѣ. Я хочу принять мѣры и предупредить тебя. Предпочитаю навлечь на себя твою ненависть, женщина, чѣмъ выказать мягкость, въ которой потомъ буду жестоко каяться.

Медея.—Увы! увы! не только теперь, но и несколько разъ и прежде, Креонъ, моя репутація мнѣ вредила и навлекала на меня большія напасти. Разсудительный человѣкъ не долженъ много заниматься обученiemъ своихъ дѣтей; потому что, кромѣ бездѣйствія, въ которомъ ихъ упрекаютъ, они навлекутъ на себя зависть и ненависть своихъ согражданъ. Сообщи невѣждамъ объ ученыхъ открытияхъ, и прослышишь не ученымъ, а человѣкомъ ни на что не годнымъ; и если тебя поставятъ выше людей признанныхъ всѣми ловкими, ты сдѣлаешься подозрителенъ своимъ согражданамъ. Я сама испытываю подобную участъ: мои знанія дѣлаютъ меня противной однимъ и предметомъ негодованія для другихъ, а, между тѣмъ, я вовсе не такъ учена. И ты меня боишься, опасаешься, что я что-нибудь тебѣ сдѣлаю? Ничего не бойся, Креонъ: мое положеніе не таково, чтобы я могла бороться съ царями. Да, наконецъ, что ты мнѣ сдѣлалъ? Ты отдалъ дочь тому, кто ее принялъ; но моего супруга я ненавижу; ты-же, я полагаю, поступилъ мудро: я совсѣмъ не завидую твоему благополучію. Женитесь, будьте счастливы, но позвольте мнѣ жить на этой землѣ. Я уступаю сильнѣйшему и молча выношу несправедливость.

Креонъ.—Рѣчи твои сладки; но я боюсь, не замышляешь-ли ты въ своемъ сердцѣ что-нибудь недоброе противъ меня; онѣ заставляютъ питать къ тебѣ еще менѣе довѣрія, чѣмъ прежде: вѣдь гораздо легче принять мѣры противъ женщины вспыльчивой (тоже самое скажу и объ мужчинахъ), чѣмъ противъ той, которая сохраняетъ расчетливое молчаніе. Уѣзжай-же скорѣе и прекрати свои пустыя рѣчи. Это—дѣло рѣшеное, тебѣ не удастся остаться здѣсь, ибо ты мой врагъ.

Медея.—О! умоляю тебя твоими колѣнами, мною обнимаемыми, твою дочерью,—молодой супругой!

Креонъ.—Безполезные слова! не надѣйся склонить меня.

Медея.—И такъ, ты меня изгонишь и не обратишь вниманія на мои мольбы?

Креонъ.—Я люблю тебя менѣе, чѣмъ свою семью.

Медея.—О, моя родина! какъ въ эту минуту мое сердце полно воспоминаніемъ о тебѣ!

Креонъ.—Послѣ дѣтей моихъ, моя родина мнѣ всего дороже на свѣтѣ.

Медея.—Увы! любовь великий богъ для смертныхъ.

Креонъ.—Это я думаю, зависитъ отъ обстоятельствъ.

Медея.—О, Зевсъ! не допусти виновника этихъ мукъ ускользнуть отъ твоихъ взоровъ!

Креонъ.—Убирайся, безумная, и избавь меня отъ причиняемыхъ мнѣ тобою непріятностей.

Медея.—Непріятности испытываешь не ты, а я, и въ нихъ у меня нѣть недостатка!

Креонъ.—Ты заставишь меня велѣть слугамъ моимъ изгнать тебя силою.

Медея.—Да сохранять тебя отъ этого боги! Но у меня есть до тебя просьба.

Креонъ.—Ты, кажется, хочешь мнѣ причинить большія беспокойства, женщина.

Медея.—Я отправлюсь въ изгнаніе и не прошу тебя измѣнить твой приговоръ.

Креонъ.—Зачѣмъ же мнѣ сопротивляться и не желать оставить эти земли?

Медея.—Позволь мнѣ остаться только на сегодня, чтобы подумать и выбрать мѣсто изгнанія и позаботиться объ участіи моихъ сыновей, такъ какъ отецъ не удостаиваетъ заниматься своими дѣтьми. Сжалься надъ ними: и у тебя, вѣдь, есть дѣти, и сердце твое должно быть доброе! Осужденная на изгнаніе, я думаю не о себѣ, но оплакиваю участіе этихъ несчастныхъ.

Креонъ.—Я не тиранъ по характеру и состраданіе уже не разъ заставляло меня дѣлать ошибки. И сегодня я

снова не правъ; вижу это, женщина, а, между тѣмъ, я исполню твою просьбу. Объявляю тебѣ, если дневное свѣтило завтра, при своемъ восходѣ увидить вась, тебя и твоихъ дѣтей, въ предѣлахъ моего государства, то ты умрешь, и угроза моя не останется пустымъ словомъ. Теперь, если тебѣ надо остаться, оставайся на день; въ эту промежутокъ ты не успѣешь привести въ исполненіе ни одного изъ пагубныхъ намѣреній, меня тревожащихъ.

Хоръ.—О несчастная женщина! увы! какое горе подавляетъ тебя! Куда направиши ты стопы свои? Какое жилище, какую гостепріимную землю найдешь ты, чтобы укрыться отъ несчастія? Боги тебя покинули, Медея, среди безбрежнаго океана золь.

Медея.—Все обрушивается на меня сразу,—этого нельзя отрицать; но не думайте, что все такъ и пойдеть; молодыхъ супруговъ еще ожидаетъ борьба, а тѣхъ, которые ихъ соединили, страшныя испытанія. Ужъ не думаешь-ли ты, что я-бы стала льстить этому человѣку, если-бы мнѣ это было нужно для замышляемой мною цѣли? Нѣть, я-бы и не стала съ нимъ говорить и руки мои не стали-бы обнимать его колѣна. Но онъ такъ безуменъ, что, имѣя возможность разрушить мои планы, изгнавъ меня отсюда, позволилъ мнѣ остатся еще на день, а сегодня-же я убью отца, сына, дочь и моего супруга. Мнѣ представляется много средствъ умертвить ихъ и не знаю, которому дать преимущество, друзья мои: должна-ли я поджечь дворецъ молодыхъ супруговъ или погрузить въ ихъ сердце острый ножъ, тайкомъ пробравшись въ комнату, гдѣ стоить брачное ложе? Но я вижу одно затрудненіе: меня могутъ увидѣть вступающую въ домъ и приготовляющую месть, что сдѣлаетъ меня предметомъ насмѣшекъ моихъ враговъ. Вѣрнѣе всего, безъ изворотовъ слѣдовать по пути, на которомъ мы, женщины, такъ искусны, и погубить ихъ ядомъ. Прекрасно: вотъ они мертвы. К какой городъ тогда приметъ меня? Есть-ли страна, которая-бы согласилась дать мнѣ убѣжище, человѣкъ, который-бы открылъ передо мною свой домъ и принялъ меня? Та-

кихъ нѣть. И такъ, я еще немного подожду и, если мнѣ откроется какое-нибудь вѣрное убѣжище, я хитро и безмолвно совершу убийство; но если я не могу избѣжать рока, меня преслѣдующаго, то вооружусь мечомъ и, хотя бы мнѣ самой пришлось погибнуть, рѣшусь употребить открытую силу и убью ихъ. Нѣть, клянусь моей владычицей, божествомъ, мною наиболѣе чтимымъ и избраннымъ мною въ покровители, клянусь Гекатой, живущей въ моемъ очагѣ,—на одинъ изъ нихъ не разорвалъ моего сердца безнаказанно. Я хочу, чтобы этотъ гименей былъ для нихъ роковымъ и губительнымъ, чтобы это родство было пагубно для Креона, какъ и приговоръ о моемъ изгнаніи. И такъ, Медея, приложи къ дѣлу всѣ твои знанія; готовь твой замыслы; осмѣлься пренебречь опасностью; этотъ день есть испытаніе твоего мужества. Видишь, что съ тобою случилось: не надо, чтобы гименей потомства Сизифа и Язона осудилъ тебя на посмѣшище, тебя, отпрыскъ знаменитаго отца, дочь Гелоса. Нѣть у тебя, развѣ, знаній? да и кромѣ того, мы, женщины, безсильныя для добра, продѣлываемъ зло съ несравненною ловкостью.

Хоръ.—Священные рѣки текутъ къ своимъ истоцамъ, справедливость исчезла, весь ходъ вещей перевернулся. Коварство сдѣлалось достояніемъ людей и нарушена вѣра, въ которой я являлась богамъ. Молва измѣнить свой говоръ и станетъ осыпать похвалами нашъ поль; женщины будутъ въ чести; дурная слава болѣе не будетъ тяготѣть надъ ними. Музы перестанутъ прославлять наше коварство. Еслибы Фебъ, властитель поэзіи, научилъ насъ божественнымъ созвучіямъ лиры, то мы, въ свою очередь стали-бы воспѣвать родъ мужчинъ, ибо ходъ временъ даетъ много кое чего сказать на ихъ счетъ, какъ на нашъ. Ты же, въ увлечениіи страстью, ты бѣжала изъ родительскаго дома и переплыла моря, пройдя двойные утесы Понта Эвскинскаго; ты живешь на чужбинѣ, преданная супругомъ оставляющемъ твое ложе одинокимъ; и ты идешъ въ мрачное изгнаніе, прогоняемая изъ этой страны.

Святость клятвъ исчезла, цѣломудріе покинуло славную почву Эллады и взлѣтѣло къ небу. У тебя же нѣть родительскаго дома, несчастная, чтобы укрыться отъ бури, появилась другая царица, выгнавшая тебя изъ ложа твоего супруга и повелѣвающая въ домѣ.

Язонъ.— Не только сегодня, но даже не разъ видѣлъ я роковыя послѣдствія слѣпой ярости. Ты-бы могла жить въ этомъ дворцѣ и въ этой странѣ, подчиняясь волѣ твоихъ повелителей, и вотъ, твои безумныя рѣчи заставляютъ изгонять тебя! Миѣ все равно, что ты постоянно повторяешь, будто Язонъ самый злой изъ людей; но послѣ того, что ты говорила про царей, ты еще слишкомъ счастлива, что отдалась однимъ изгнаніемъ. Я всегда старался усмирить гнѣвъ раздраженнаго монарха и желалъ, чтобы ты осталась здѣсь, но твое безуміе не проходить и ты продолжаешь оскорблять твоихъ властителей; за это-то ты изгоняешься изъ этой земли. Но все-таки не думай, что я совсѣмъ отказался служить тебѣ, и забота о тебѣ, женщина, привела меня сюда какъ и боязнь, чтобы ты не ушла съ дѣтьми въ нищетѣ и бѣдности. Изгнаніе влечеть за собою много бѣдъ и, хотя ты меня и ненавидишь, но я никогда не рѣшусь желать тебѣ зла.

Медея.— О извергъ! для того, чтобы заклеймить твою подлость, уста мои готовы произносить самое жестокое оскорблѣніе: ты осмѣливаешься являться ко мнѣ, когда ты мнѣ такъ гадокъ! Впрочемъ, нѣть ни смѣлости, ни мужества смотрѣть въ лицо врагамъ, которымъ измѣнили; это только безстыдство, худшая изъ болѣзней человѣческаго сердца. Но ты хорошо сдѣлалъ, что пришелъ; по крайней мѣрѣ, я облегчу свое сердце, осыпавъ тебя упреками. О, ты будешь страдать, слушая ихъ. Но начнемъ съ начала¹⁾. Я спасла тебѣ жизнь, какъ это знаютъ всѣ греки, бывшіе съ тобою на кораблѣ Арго, когда тебя по-

¹⁾ См. Сенека, Медея, сцена Язона и Медеи,—гдѣ перифразированъ этотъ монологъ Медеи.

слали, чтобы подчинить ярму быковъ съ огненнымъ дыханіемъ и засѣять роковое поле; драконъ, покрывавшій золотое руно своими извилистыми складками, стерегъ его, никогда не поддаваясь сну; я убила его и его смертью обеспечила твое благополучіе. Помню, я оставила своего отца и свой домъ, чтобы слѣдовать за тобою въ Голхось, къ подошвѣ Пелона, съ большою поспѣшностью, чѣмъ осторожностію. Я погубила Пеліа самой ужасной смертью, рукою его собственныхъ дочерей, и освободила тебя отъ всякой опасности. Вотъ, что я для тебя сдѣлала, о, самый злой изъ людей! и ты измѣнилъ мнѣ и заключилъ новый гименей, когда у тебя есть дѣти! еслибы ты ихъ не имѣлъ, тебѣ-бы простили новый союзъ. Но вѣрность, въ которой ты клялся, для тебя не существуетъ и теперь ты, можетъ быть, думаешь, что тогдашніе боги теперь уже не царствуютъ, и что теперь въ ходу у людей новые законы, какъ ты сознаешься, что нарушилъ свою клятву въ отношеніи меня. О! сколько разъ сжималъ ты эту правую руку; сколько разъ я позволяла обнимать эти колѣни коварному, обманувшему мои надежды! Но я хочу съ тобою говорить, точно ты еще мнѣ дорогъ и хотя я не жду ничего хорошаго отъ такого человѣка, какъ ты, но, все равно, мои вопросы еще лучше докажутъ твою низость. Куда направлю я сегодня стопы свои? Пойду-ли я къ моему отцу, котораго я покинула также, какъ и мою родину, чтобы слѣдовать сюда за тобою? Отправлюсь-ли я къ несчастнымъ дочерямъ Пеліа? Онѣ меня прекрасно примутъ, меня, убившую ихъ отца! Да, дѣло въ томъ, что я сдѣлала себя отвратительною для моихъ родныхъ, изъ желанія тебѣ нравиться, вооружила противъ себя тѣхъ, кого не имѣла права оскорблять. Конечно, не мало женщинъ въ Элладѣ скажутъ, что ты меня вполнѣ вознаградилъ за эти благодѣянія, и я напала въ тебѣ прекрасного и вѣрного мужа, я, осужденная на изгнаніе, одинокая, безъ друзей, съ моими дѣтьми, столь же одинокими, какъ и мать ихъ! Дѣйствительно, велика слава для этого новаго супруга, что онъ оставилъ бродить своихъ сыновей, выпрашивая хлѣбъ вмѣ-

стѣ съ той, которая спасла ему жизнь! О, Зевсъ! зачѣмъ даль ты смертнымъ вѣрныя примѣты, чтобы узнавать настоящее золото, между тѣмъ, какъ человѣкъ не носить на тѣлѣ ни одно признака, обозначающаго его низость.

Хоръ.—Ужасень гнѣвъ и трудно его успокоить, когда поселяется раздоръ между людьми, созданными для взаимной любви.

Язонъ.—Мнѣ надо, кажется, хорошо умѣть владѣть словомъ и, какъ хороший кормчій, я долженъ сложить мои паруса, чтобы защититься отъ бури, которою уста твои, женщина, разражаются противъ меня. Такъ какъ ты черезъ-чуръ уже восхваляешь свои благодѣянія, то узнай-же, что изъ всѣхъ боговъ и людей, одной лишь Афродитѣ приписываю я успѣхъ моего предпріятія. У тебя, конечно, умъ изворотливый; но отвратительно рассказывать, какъ любовь, своими невидимыми стрѣлами, заставила тебя спасти меня. Поэтому, я не хочу на этомъ настаивать. Что касается услугъ, тобою мнѣ оказанныхъ, то я не жалуюсь. Во всякомъ случаѣ, за мое спасеніе ты получила болѣе, чѣмъ дала, какъ я тебѣ это сейчасъ разскажу. Во-первыхъ, вмѣсто варварской страны, ты живешь въ Элладѣ; ты научилась понимать справедливость и предпочитать дѣйствіе законовъ самовольному употребленію грубой силы. Всѣ Эллины признали твои знанія и ты пріобрѣла славу, между тѣмъ какъ, живи ты на послѣднихъ предѣлахъ міра, никто бы не зналъ о тебѣ. О! я не желалъ-бы владѣть ни сокровищами, ни имѣть голоса мелодичнѣе самого Орфея, если бы счастливая судьба должна была остататься неизвѣстной. Но я довольно сказалъ о своихъ трудахъ: впрочемъ, ты сама заставила меня говорить. Что касается до царскаго союза, въ которомъ ты меня упрекаешь, я тебѣ докажу, что этимъ я выказалъ себя мудрымъ, предусмотрительнымъ и преданнымъ другомъ твоимъ и моихъ дѣтей.— Но будь спокойна.—Покинувъ Голхось, чтобы поселиться здѣсь, влака за собою длинный рядъ невозможныхъ несчастій, могъ-ли я, изгнаникъ, найти большее счастіе,

какъ жениться на царской дочери? И это вовсе не по тому, какъ полагаетъ ревность, что нашъ бракъ тяготить меня, или что я горю желаніемъ имѣть новую супругу или что я изъ честолюбія желаю увеличить свое потомство: мнѣ довольно сыновей, у меня родившихся и у меня нѣть основанія жаловаться; болѣе всего я хотѣлъ, чтобы жизнь наша была счастлива и обеспечена отъ нужды, ибо я знаю, что бѣдность отвращаетъ друзей. Я хотѣлъ воспитать моихъ дѣтей достойно ихъ рода, если бы я далъ братьевъ двѣмъ, отъ тебя родившимся, я бы стала выказывать тѣмъ и другимъ одинаковую нѣжность и свое счастье положилъ бы въ соединеніи обѣихъ расъ. Къ тому же, ты не нуждаешься больше въ дѣяхъ, а моя выгода заставляетъ меня сдѣлать такъ, чтобы имѣвшія родиться дѣти служили поддержкой уже родившимся. Имѣлъ ли я дурная намѣренія? Ты бы не осмѣлилась сказать это, еслибы не была оскорблена моимъ новымъ ги-менѣемъ. Потому что вы, женщины, вы считаете себя совершенно счастливыми, когда ваша домашняя жизнь идетъ хорошо; но едва лишь малѣйшая опасность угрожаетъ супружескому ложу, какъ вамъ дѣлается противныемъ то, что есть самаго лучшаго и прекраснаго въ жизни. Отчего смертнымъ не дано возможности имѣть дѣтей другимъ путемъ и обходиться безъ женщинъ! Люди тогда жили-бы безъ мученій.

Хоръ. Ты прекрасно украсилъ твой языкъ, но я должна замѣтить, хотя бы мнѣ пришлось говорить противъ тебя, что ты поступилъ несправедливо, покинувъ свою супругу.

Медея. Конечно, я совсѣмъ не похожа на многихъ смертныхъ, потому что, по моему мнѣнию, несправедливый человѣкъ, обладающій красоручіемъ, заслуживаетъ самого строгаго наказанія. Онъ осмѣливается дѣлать зло, надѣясь прикрыть его прекрасною рѣчью: но эта фальшивая ловкость не удастся. Перестань же обращать ко мнѣ эти искусныя и благовидныя рѣчи, ибо одно слово все опрокинетъ. Недѣль ты кое-рентъ, ты бы долженъ

быть постараться меня убить до заключения этого союза и не скрывать его отъ твоихъ друзей.

Язонъ.— Воображаю, какъ бы ты пришла мое намѣреніе, еслибы я предупредилъ тебя о свадьбѣ бракѣ короля, еще теперь, не можешь решиться утишить горючую обиду твоего сердца.

Медея.— Не то тебя заботило; ты полагалъ что опозоришь свою старость, оставаясь супругомъ варварской женщины.

Язонъ.— Знай, что, женившись на царевнѣ, какъ это я сдѣлалъ, я не женщину имѣль въ виду; я уже сказалъ тебѣ, что я хотѣль спасти тебя и обезпечить мой домъ, давъ моимъ сыновьямъ въ братья царей.

Медея.— Я не хочу счастья, сопровождаемаго горемъ, и богатствъ, раздирающихъ мое сердце.

Язонъ.— Знаешь ли ты, что ты-бы казалась гораздо болѣе мудрой, если-бы высказывала другія желанія? Желай, чтобы блага никогда не казались тебѣ муками, — и чтобы въ счастливыи ты не считала себя несчастной.

Медея.— Оскорблѣй меня! у тебя вѣдь есть пріютъ, тогда какъ я, одинокая и покинутая, должна бѣжать изъ этой страны.

Язонъ.— Ты сама этого захотѣла, поэтому не обвиняй въ томъ никого.

Медея.— Что я для этого сдѣлала? Взяла я другую жену и нарушила мою клятву тебѣ?

Язонъ.— Ты осыпала царя нечестивыми проклятіями.

Медея.— И я сдѣлалась для твоего дома тоже причиной проклятія.

Язонъ.— Я болѣе не буду съ тобою обѣ этомъ говорить. Но, если ты хочешь, что-бы я далъ изъ своихъ богатствъ чѣмъ облегчить для дѣтей и для тебя сурвость изгнанія, говори! я готовъ это сдѣлать щедрой рукой, точно также какъ и послать символы¹⁾ моимъ го-

¹⁾ Это была маленькая табличка, которую хранить дома отдавали своему гостю при приветствии, и ее вкладывали вонзламъ и каждый изъ нихъ беречь свято и дорожу.

тамъ, которые сдѣлаютъ тебѣ хорошій пріемъ. Если ты откажешься отъ моихъ предложеній, женщина, то этимъ докажешь свое безуміе; но ты только выиграешь, если оставишь свой гнѣвъ.

Медея.—Нѣть, я не воспользуюсь гостепріимствомъ твоихъ друзей и ничего не возьму отъ тебя: дары злого никогда ни къ чему не пригождаются.

Язонъ.—Что касается до меня, то я беру боговъ въ свидѣтели, что готовъ все сдѣлать для тебя и для твоихъ дѣтей; но нечувствительная къ добру, которое тебѣ желають сдѣлать, ты грубо отталкиваешь своихъ друзей: этимъ ты готовишь себѣ новые печали.

Медея.—Иди, ты вѣдь гориши желаніемъ снова увидѣть твою новую супругу и время тебѣ кажется долгимъ виѣ дворца. Бѣги кончать свой гименей. Быть можетъ, если богамъ будетъ угодно, то это супружество будетъ таково, что ты возьмешь назадъ свое слово.

Хоръ.—Когда любовь съ силою овладѣваетъ нами, она лишаетъ насъ и чести, и добродѣтели; но если Афродитѣ угодно употребить свою власть съ умѣренностью, то нѣть божества болѣе пріятнаго. О, могущественная богиня! пусть твой золоченый лукъ никогда не направляетъ въ меня твоихъ неминуемыхъ стрѣль, надѣленныхъ ядомъ желанія! Пусть мнѣ улыбается непорочность, самый лучшій даръ боговъ! Пусть грозная Афродита избавить меня отъ сильныхъ споровъ, неисчерпаемыхъ ссоръ, и не внушиТЬ моему сердцу запрещенной любви; пусть она, почитая мирные союзы, съ умѣніемъ выбираетъ подходящихъ другъ къ другу супруговъ! О моя родина! о мой домъ! да не знать мнѣ изгнанія и не приводить въ нищетѣ труднаго существованія: это самое худшее изъ несчастій. Пусть поразить меня смерть прежде, чѣмъ я увижу день изгнанія! Нѣть, на землѣ нѣть большаго несчастья, какъ быть лишенной родной земли. Мы это видѣли; мы узнали не изъ разсказовъ постороннихъ. Ты не встрѣтила ни города, ни друга, который-бы скжалился надъ твоей судбою. Пусть плачевно погибаетъ всякий, кто не готовъ почтить своихъ друзей и выказать вполнѣ чистаго серд-

ца! Подобный человѣкъ никогда не будетъ моимъ другомъ.

Эгей.—Медея, радуйся: это лучшее вступленіе, когда обращаешься къ друзьямъ.

Медея.—И ты тоже радуйся, Эгей, сынъ мудраго Пандиона. Откуда идешь ты въ эту страну?

Эгей.—Я только—что совѣщался съ древнимъ оракуломъ Феба.

Медея.—Зачѣмъ былъ ты въ этомъ пророческомъ мѣстѣ, находящемся въ центрѣ земли?

Эгей.—Я желалъ узнать средство имѣть дѣтей.

Медея.—Именемъ боговъ, неужели ты жилъ до сегодня безъ потомства?

Эгей.—У меня нѣть дѣтей: такъ угодно было какому-то враждебному божеству.

Медея.—Есть у тебя супруга или ты живешь въ безбрачії?

Эгей.—Гименей подчинилъ меня своимъ законамъ.

Медея.—Какъ отвѣчалъ Фебъ на твою просьбу имѣть дѣтей?

Эгей.—Словами, смыслъ которыхъ выше человѣческаго пониманія.

Медея.—Но вѣдь дозволяется узнать оракулъ бога!

Эгей.—Конечно, онъ требуетъ проницательнаго ума.

Медея.—Повтори мнѣ его, если мнѣ позволено ему внимать.

Эгей.—Онъ не хочетъ, чтобы я развязывалъ ногу, выходящую изъ козыяго мѣха...

Медея.—Что ты долженъ теперь дѣлать? Въ какую страну отправляться?

Эгей. До возвращенія къ своему очагу.

Медея.—И съ какою цѣллю ты причалилъ къ этимъ берегамъ?

Эгей.—Ты знаешь Питоея, царя Трезенскаго?

Медея.—Этого человѣка столь набожнаго, сына Пелопса, какъ говорять?

Эгей.—Я хочу сообщить ему объ оракулѣ бога.

Медея.—Дѣйствительно, онъ мудръ и знатокъ въ этомъ.

Эгей. — И кромъ того, онъ пріятнѣйшій изъ всѣхъ моихъ гостей.

Медея. — Желаю тебѣ удачи и полученія всего, чого ты желаешь!

Эгей. — Но что значать эти взоры, это отчаяніе на твоемъ лицѣ?

Медея. — Эгей, знай, что у меня самый отвратительный изъ всѣхъ мужей.

Эгей. — Что ты говоришь? Расскажи мнѣ твои горести, ничего не скрывая.

Медея. — Язонъ оскорбляетъ меня, хотя я не дала ему никакого повода жаловаться.

Эгей. — Что онъ сдѣлалъ? Объяснись яснѣ.

Медея. — Онъ взялъ другую жену, которая распоряжается въ домѣ, какъ госпожа.

Эгей. — Какъ! онъ осмѣлился совершить столь постыдное дѣло?

Медея. — Да, знай это: и насъ, прежде имъ любимыхъ, онъ теперь презираетъ.

Эгей. — Ненавидитъ онъ тебя, или полюбилъ онъ другую?

Медея. — Да, и очень страшно: онъ не остался вѣренъ своимъ друзьямъ.

Эгей. — Горе ему, если онъ виновенъ, какъ ты говоришь.

Медея. — Ему пришло въ голову соединиться родствомъ съ царскимъ домомъ.

Эгей. — И кто отдаетъ ему свою dochь? кончай...

Медея. — Креонъ, царствующій на землѣ Коринѣской.

Эгей. — Дѣйствительно, ты была права, женщина, оплакивая свою судьбу.

Медея. — Я пропала; и кромъ того, меня изгоняютъ отсюда.

Эгей. — Кто-же? что это за новое несчастіе, которое обрушивается на тебя?

Медея. — Креонъ меня изгоняетъ изъ своей земли.

Эгей. — И Язонъ это терпитъ? Да будетъ ему еще разъ стыдно!

Медея. — Его уста не гонять меня, но его сердце хочетъ, чтобы я уходила. И я умоляю тебя къ этимъ подбородкомъ, къ которому я прикасаюсь твоими колѣнами, мною обнимаемыми, — скалься, скалься надъ несчастной; не оставляй меня въ одиночествѣ и изгнаніи; открой мнѣ свое царство и прими меня подъ ствоею гостепріимной кровлей. За это, да получишь ты отъ боговъ потомство, о которомъ ихъ молишь и умрешь самъ обремененный годами! Знаешь, что ты приобрѣшь если поможешь мнѣ? Благодаря мнѣ, твой гименей перестанетъ быть бесплоднымъ и ты сдѣлаешься отцемъ: я знаю для этого вѣрный напитокъ.

Эгей. — По многимъ причинамъ, женщина, я расположена помочь тебѣ! Я это сдѣлаю, во первыхъ, для боговъ, затѣмъ оттого, что ты обѣщаешь меня сдѣлать отцемъ. А эта мысль уже давно оглощаетъ всего меня. Вотъ я на ней остановлюсь: если ты вступишь въ мое государство, то я постараюсь защищать тебя такъ, какъ я обязанъ это дѣлать; помни однако, слѣдующее: я не хочу уводить тебя отсюда; но если ты сама придешь къ моему дому, ты найдешь вѣрный приютъ, и я никому тебя не выдамъ. Отъ тебя зависить внезапно покинуть Коринскую землю, такъ какъ я не хочу, чтобы мои хозяева могли въ чемъ-нибудь упрекнуть меня.

Медея. — Хорошо; еслибы ты связалъ себя словомъ, то мнѣ нечего было бы болѣе бояться.

Эгей. — Развѣ ты на меня не полагаешься? Да и чего ты боишься?

Медея. Я довѣрю тебѣ, но думаю о семье Пеліа и о Креонѣ. Связанный клятвами, ты не позволишь бы похитить меня изъ убѣжища, предлагаемаго мнѣ тобою въ твоемъ государствѣ; но, если мы обмѣняемся съ тобою одними словами, безъ клятвы, то ты можешь уступить требованіямъ моихъ враговъ. Я вѣдь только слабая женщина, а они могущественны и сидятъ на престолѣ.

Эгей. — Ты выказываешь женщина, рѣдкую предусмотрительность; но если, таково твое желаніе, то я не отка-

зываюсь удовлетворить тебя. Мнѣ это даетъ только лишній поводъ для отказа въ ихъ просьбѣ, а твоя безопасность будетъ болѣе обеспечена. Продиктуй-же мнѣ формулу клятвы.

Медея. — Клянись почвой земли, Геліосомъ, отцомъ моего отца и всѣми богами вмѣстѣ.

Эгей. — Что долженъ я клясться дѣлать или не дѣлать? Говори.

Медея. — Клянись, что ты никогда не изгонишь меня изъ твоего государства и что если одинъ изъ враговъ моихъ захочетъ меня увезти, ты на это не согласишься до конца своихъ дней.

Эгей. — Клянусь землей, блестящимъ свѣтомъ Геліоса, наконецъ всѣми богами, оставаться вѣрнымъ всему, что ты мнѣ предписываешь.

Медея. — Этого достаточно; а если ты измѣнишь клятвѣ, то чemu подвергнешься?

Эгей. — Всему, чemu боги подвергаютъ нечестивцевъ.

Медея. — Иди и будь счастливъ: все идетъ отлично. Я же не замедлю явиться въ твое царство, какъ только покончу то, что мнѣ остается сдѣлать, и когда мои желанія осуществляются.

Хоръ. — Да приведетъ тебя къ твоимъ очагамъ сынъ Майи, небесный путеводитель; пусть удастся тебѣ получить и выполнить то, о чёмъ мечтаетъ твое сердце! ибо, я узнала въ тебѣ, Эгей, великодушнаго смертнаго.

Медея. — О Зевсъ! о Справедливость, дочь Зевса! о свѣтѣ Геліоса! Теперь, друзья мои, я со славою восторжествую надъ моими врагами: путь, на который я вступила, ведетъ къ побѣдѣ; теперь я надѣюсь, что мои враги будутъ наказаны. Въ ту минуту какъ буря едва не поглотила всѣ мои планы, явился передо мною этотъ человѣкъ, какъ гавань, въ которой я привяжу канатъ моего корабля, какъ только прибуду въ городъ и крѣпость Паллады. Я сообщу тебѣ теперь всѣ мои планы: слушай, я говорю серьезно. Я пошлю одну изъ моихъ женщинъ къ Язону, чтобы попросить его прийти ко мнѣ; я его приму сладкими рѣчами; я скажу ему, что одоб-

ряю его гименей съ царевной, для которой измѣнникъ покинулъ меня; что этотъ бракъ полезенъ и мудро задуманъ; я попрошу позволить моимъ сыновьямъ здѣсь остаться: вовсе не потому, что я ихъ хочу оставить въ непріятельской землѣ, на посмѣянье всѣмъ, меня ненавидящимъ, но они мнѣ послужатъ для устройства западни царской дочери, въ которой она и погибнетъ. Съ полными руками подарковъ пойдутъ они отъ моего имени къ новой супругѣ и попросятъ ее не выгонять ихъ изъ этой страны. Они снесутъ ей покрывало изъ тонкой ткани и вѣнецъ, украшенный золотомъ; какъ только несчастная надѣнть эти украшения, она умретъ страшною смертью, а съ нею и всякий, кто къ ней прикоснется: такъ велика сила яда, которымъ будутъ пропитаны эти подарки.—Но довольно говорить о моей соперницѣ. Я вся дрожу, думая о томъ, что мнѣ потомъ предстоитъ совершить; ибо я убью своихъ дѣтей; никому не удастся укрыть ихъ отъ моей ярости. Уничтоживъ весь домъ Язона, я покину эту землю, спасаясь отъ убийства моихъ дѣтей и обремененная самыми гнусными злодѣяніемъ. Нѣтъ, я не могу рѣшиться сдѣлаться посмѣшищемъ моихъ враговъ. Да и зачѣмъ мнѣ жить? У меня нѣтъ ни родины, ни семьи, ни убѣжища въ моемъ несчастіи. О, какъ глупа я была въ тотъ день, когда оставляла родительскій кровъ, обольщенная рѣчами этого Эллина, котораго я покараю, если боги мнѣ помогутъ. Онъ уже не увидитъ живыми своихъ сыновей, его новая супруга никогда не сдѣлаетъ его отцомъ; эта несчастная осуждена на жалкую смерть жертвою моихъ ядовъ. Пусть никто не считаетъ меня ничтожной, слабой, трусливой,—мой характеръ совсѣмъ иной: ужасная для враговъ, я добра къ друзьямъ: слава здѣсь, на землѣ, получается этой цѣною.

Хоръ.—Такъ какъ ты сообщила намъ свои планы, то позволь-же намъ, ради твоего блага и изъуваженія къ человѣческимъ законамъ, убѣдить тебя не приводить ихъ въ исполненіе.

Медея.—Будеть такъ, какъ я сказала. Я извиняю

твои слова; ты не испытала того, что пришлось испытать мнъ.

Хоръ. — Какъ! ты найдешь мужество убить своихъ дѣтей?

Медея. — Это самый страшный ударъ, какой я могу нанести моему супругу.

Хоръ. — Да, но ты будешь несчастнѣйшею изъ женщинъ.

Медея — Все кончено; теперь всѣ слова излиши. — А ты, ¹⁾ иди и приведи Язона; къ тебѣ я обращаюсь съ порученіями, требующими довѣрія. Сохраняй полнѣйшее молчаніе насчетъ моихъ рѣшений, если хочешь добра своей госпожѣ и если ты сама женщина.

Хоръ — Съ самыхъ древнихъ временъ счастливы Эрехтеиды, сыновья благословленныхъ боговъ, происшедшіе отъ священной и неодолимой земли; они питаются славными плодами мудрости и съ наслажденіемъ хдѣть среди блестящаго эѳира. Такъ-то, говорить, блокура Гармонія дала жизнь девяти Музамъ, цѣломудреннымъ Піеридамъ, на берегахъ прекраснаго Кефиза, гдѣ Киприда почерпнула пріятную свѣжесть, которую она бросаетъ на землю; съ вѣнкомъ изъ душистыхъ розъ на лбу, она разсыпаетъ амуроў, этихъ товарищѣй мудрости, этихъ помощниковъ всякихъ добродѣтелей. Какимъ-же образомъ этотъ городъ съ священными рѣками, эта земля, гостепримная для тѣхъ, кто ее любить, можетъ принять матеръ, убившую своихъ дѣтей, мать безбожную и отвергнутую всѣми смертными? Представь себѣ своихъ сыновей умерицленными, подумай о злодѣяніи, которымъ ты обременяешь себя? О! мы обнимаемъ твои колѣни, мы всячески умоляемъ тебя, не убивай своихъ дѣтей. Гдѣ найдешь ты мужество поразить ихъ? Неужели твое сердце и рука не содрогнутся, выполняя это страшное намѣреніе? Какъ, смотря на своихъ сыновей, сможешь ты удержать слезы, вызванныя ихъ несчастіемъ? Нѣть,

¹⁾ Она обращается, конечно, къ кормилицѣ.

когда твои дѣти умоляя падуть къ твоимъ ногамъ, у тебя не хватить такого мужества окунуть свои руки въ ихъ крови.

Язонъ.—Ты за мной прислала и я пришелъ. Хотя ты и враждебна мнѣ, но я не отказываю тебѣ въ этой просьбѣ и хочу знать, о чёмъ еще ты хочешь меня просить.

Медея.—Язонъ, прошу тебя забыть то, что я говорила: тебе следуетъ простить мою вспыльчивость, послѣ тѣхъ доказательствъ расположения, которыхъ мы давали другъ другу: «Несчастная!» сказала я: къ чему эти вспышки гнѣва и ненависти противъ тѣхъ, кто желаетъ тебе добра? Къ чему мнѣ отвращать отъ себя царей этой страны и моего супруга, такъ хорошо служащаго нашимъ интересамъ, женясь на царевнѣ и желая дать братьевъ моимъ сыновьямъ? Не отказаться ли мнѣ отъ мести? Должна ли я жаловаться, когда боги такъ хорошо со мною обращаются? Не имѣю ли я дѣтей и не знаю ли, что мы изгнаны изъ нашей земли¹⁾ и лишены друзей?» Эти размышленія показали мнѣ всю глубину моей глупости и всю несправедливость моей досады. Теперь я одобряю твое поведеніе; я нахожу, что ты правъ, заключивъ этотъ новый союзъ. Какая я безумная! Я бы должна была принять участіе въ твоихъ планахъ, содѣйствовать твоему союзу и находить удовольствіе въ заботѣ о твоей молодой супругѣ. Но мы, женщины,—я не хочу нась злословить,—но мы такъ созданы. Не подражай же этому слабому полу и не отвѣчай безумiemъ на безуміе. Да, я сознаюсь и каюсь, что была тогда неправа; но теперь приняла болѣе благоразумное рѣшеніе.—О мои дѣти, дорогія дѣти! придите, выйдите изъ дворца, чтобы обнять вашего отца и поговорить съ нимъ; вмѣстѣ съ матерью отрекитесь отъ ненависти, питаемой ею прежде къ другу. Мы примирились и наша вражда утихла. Возьмите мою руку. О, я дрожу при мысли о страданіяхъ, скрытыхъ въ будущемъ. Дорогія дѣтки, долго-ли вы еще проживете, чтобы такъ протягивать ко

¹⁾ Медея предразумѣваетъ Оракулъ.

мнѣ ваши рученки? О, несчастная, какъ у меня легки слезы и какъ я легко тревожусь! Помирясь съ вашимъ отцемъ, послѣ долгихъ разговоровъ, я оросила свое лицо слезами.

Хоръ.—И я тоже проливала обильныя слезы. Да не сопровождаются настоящія страданія еще большими!

Язонъ.—Я хвалю твои настоящія чувства, Медея, и не сержусь за прошлое. Совершенно естественно, что жена сердится на мужа, когда онъ заключаетъ новый гименей. Но сердце твое вернулось къ лучшимъ мыслямъ и ты, наконецъ, приняла наиболѣе мудрое рѣшеніе: я узнаю въ этомъ благоразумную женщину. Что касается до васъ, сыновья мои, — если угодно богамъ, то вы получите плоды моихъ заботъ и моей предусмотрительности. Я думаю, что настанетъ день, когда вы будете въ Коринѣ сидѣть въ первомъ ряду вмѣстѣ съ вашими братьями. Подростайте-же, а вашъ отецъ и какое-нибудь благопріятное божество позаботятся о всемъ остальномъ. Да позволено мнѣ будеть увидѣть васъ, полными здоровья, во цвѣтѣ лѣтъ и побѣдителями моихъ враговъ! А ты, Медея, отчего эти слезы, омывающія твои щеки? Отчего ты такъ поблѣдѣла и отвернула отъ насъ лицо твое? Развѣ ты не довольна, слушая мои рѣчи?

Медея.—Ничего; я думала объ этихъ дѣтяхъ.

Язонъ.—Будь покойна, я о нихъ позабочусь.

Медея.—Я хочу тебѣ повиноваться и вѣрить искренности твоихъ словъ, но женщина существо слабое и ея слезы легко льются.

Ясонъ.—Зачѣмъ-же ты, несчастная, оплакиваешь судьбу этихъ малютокъ?

Медея.—Я мать ихъ; и когда ты желалъ имъ долгой жизни, я спросила себя съ сердцемъ, полнымъ жалости, исполнится ли твое желаніе.—Но я сказала только одну часть того, о чѣмъ хотѣла съ тобою поговорить: приступлю къ другой. Такъ какъ царю этой страны угодно изгнать меня (и это самое мудрое рѣшеніе, я охотно признаю это, такъ какъ мое присутствіе здѣсь было-бы стѣсненіемъ для тебя и для властителей Коринея: вѣдь

меня здѣсь не любять), то я покину эту землю и отправлюсь въ изгнаніе. Но чтобы мои сыновья не лишились твоихъ заботъ, попроси Креона не изгонять ихъ вмѣстѣ съ матерью.

Язонъ.—Не знаю, удастся-ли мнѣ умолить его; во всякомъ случаѣ, попробую.

Медея.—Попроси твою новую супругу умолить обѣ этомъ отца.

Язонъ.—Я такъ сдѣлаю и надѣюсь убѣдить ее, если она похожа на другихъ женщинъ.

Медея.—Я хочу помочь тебѣ въ этомъ предпріятіи. Я пошлю ей подарки, которые, я увѣрена, значительно превзойдутъ все, чѣмъ владѣютъ смертные въ настоящее время: покрывало тончайшей ткани и вѣнецъ, украшенный золотомъ: мои дѣти ихъ поднесутъ ей. Надо, чтобы одинъ изъ слугъ поскорѣе принесъ сюда эти украшенія. Молодая супруга будетъ счастлива, тысячу разъ счастлива, найдя въ супругѣ человѣка, столь замѣчательного и обладая уборомъ, который Геліось, отецъ моего отца, подарилъ его потомству. Дѣти, возьмите эти свадебные подарки и отнесите ихъ молодой и счастливой царевнѣ; подобными подарками нельзя пренебрегать.

Язонъ.—Къ чему, безумная, лишаешь ты себя подобныхъ богатствъ? Полагаешь ты, что въ царскомъ дворцѣ покрывала и золото въ рѣдкость? Оставь ихъ себѣ, а не отдавай. Если я что-нибудь значу для царевны, то увѣренъ, что буду имѣть для нея болѣе вѣсу, чѣмъ всѣ сокровища.

Медея.—Не говори этого; подарки смягчаютъ даже боговъ; а золото имѣеть надъ смертными болѣе власти, чѣмъ какія-бы то ни было рѣчи. Счастье улыбается царевнѣ, боги увеличиваютъ ея благополучіе, молодая супруга царствуетъ! а чтобы спасти моихъ сыновей отъ изгнанія, я готова дать не только золото, но и жизнь. Идите, дѣти, входите въ эти пышные чертоги, просите, умоляйте новую супругу вашего отца, мою владычицу; предложивъ ей эту уборъ, добейтесь отъ нея не быть изгнанными изъ этой страны. Самое важное, чтобы она

сама приняла эти подарки. Торопитесь: да пошлютъ вамъ боги удачу, вашей матери желанный отвѣтъ!

Хоръ.—Я потеряла всякую надежду на спасеніе этихъ малютокъ; воть они вступили на путь смерти. Молодая супруга приметъ, несчастная! эту золотую діадему, орудіе своей смерти; она возьметъ въ руки и надѣнеть на голову роковое украшеніе, сдѣланное Гадесомъ. Прелестъ и божественный блескъ этого покрывала и вѣнца, украшенаго золотомъ, заставятъ ее нарядиться въ нихъ; и молодая супруга окончить свой нарядъ среди мертвыхъ. Такова ловушка, въ которую она попадется; такова смерть, ее ожидающая; несчастная не избѣжитъ этой роковой судьбы. А ты, несчастный супругъ, соединившійся съ семьей нашихъ царей, ты готовишь, самъ того не подозрѣвая, гибель своихъ дѣтей, печальную кончину своей супруги. Несчастный! какъ ты слѣпъ насчетъ судьбы, тебя ожидающей! Я оплакиваю также и твое несчастіе, о несчастная мать, готовящаяся умертвить своихъ дѣтей, чтобы отомстить за брачную клятву, нарушенную твоимъ коварнымъ супругомъ, для занятія ложа другой супруги.

Воспитатель.—Госпожа, приговоръ о ссылкѣ твоихъ сыновей уничтоженъ: царская дочь съ удовольствіемъ приняла ихъ подарки: теперь, твои дѣти могутъ жить покойно.

Медея.—Увы!

Воспитатель.—Что значитъ твое смущеніе, когда все идетъ согласно твоему желанію! Отчего отварачиваешь ты лицо свое и не принимаешь моихъ словъ съ радостью?

Медея.—О, боги!

Воспитатель.—Вотъ что плохо согласуется съ тебѣмъ, что я тебѣ объявилъ.

Медея.—Увы! еще разъ увы!

Воспитатель.—Быть можетъ, нечаянно, самъ того не зная, я объяснилъ тебѣ что-нибудь непріятное? Я вѣрно ошибся, думая принести тебѣ счастливое извѣстіе?

Медея.—Ты сказалъ, что имѣль сказать: я не упрекаю тебя.

Воспитатель.—Отчего-же ты опускаешь глаза и льешь слезы?

Медея.—Я къ тому вынуждена, стариkъ, послѣ рѣшенія, которое заставили принять меня боги и злое внушеніе.

Воспитатель.—Мужайся: настанетъ день, когда ты снова вступишь въ эту страну, благодаря своимъ дѣтямъ.

Медея.—Но прежде я заставлю другихъ спуститься подъ нее.

Воспитатель.—Ты не единственная мать, разлученная съ своими дѣтьми. Смертная, ты должна съ покорностью переносить несчастье.

Медея.—Постараюсь. Но иди во дворецъ и приготовь дѣтямъ все для нихъ необходимое.—О, дѣти, дѣти! вамъ остается отчество, домъ¹⁾, въ которомъ вы всегда будете жить, покинувъ меня, несчастную, будете жить безъ меня, безъ матери! А я иду въ изгнаніе, въ другую землю, не насладившись вами, не знавъ васъ счастливыми; я не буду устраивать вашъ гименей, не буду одѣвать невѣсту, убирать брачное ложе; я не буду нести священный свѣточъ,²⁾ несчастная, вотъ къ чему привели мои порывы. Милыя дѣти, я, стало быть, напрасно воспитала васъ, пережила для васъ столько тревогъ и трудовъ, напрасно перенесла жестокія муки рожденія! А сколько надеждъ возлагала я на васъ! Я надѣялась, что вы будете питать меня въ старости и своими руками похороните меня послѣ моей смерти, ожидала этихъ нѣжныхъ заботъ, которыхъ такъ дороги смертнымъ. Эти сладкія надежды разбиты теперь. Лишенная своихъ дѣтей, ваша мать должна влачить печальное, жалкое

¹⁾ Слова двусмысленные: Чтобы вполнѣ оцѣнить этотъ монологъ Медеи, необходимо имѣть въ виду, что, говоря дѣтямъ о разлуки и о прощаніи, Медея разумѣетъ не свое изгнаніе и оставленіе дѣтей въ Коринѳѣ, а смерть, которую она имъ готовить и свое вѣчное одиночество.

²⁾ Мать несла свѣтильникъ при бракѣ своего сына.

существование; вамъ самимъ не суждено уже видѣть, вашу мать, вамъ предстоить перейти въ иную жизнь... О, горе! горе! О, мои дѣти! Зачѣмъ этотъ ласковый взглядъ? Зачѣмъ эта улыбка, послѣдняя улыбка? О, горе! что дѣлать мнѣ, несчастной? Бодрость оставляетъ меня, о, женщины, когда я встрѣчу ясный взоръ моихъ дѣтей. Нѣть не могу, прочь отъ меня злодѣйскій замыселъ. Я увезу ихъ отсюда. Если мнѣ нужно наказать ихъ отца, то зачѣмъ карать его несчастіемъ дѣтей и моимъ собственнымъ двойнымъ несчастіемъ? Нѣть, нѣть, прочь отъ меня мои замыслы. Что же, однако, я дѣлаю? Ужели я буду посмѣшищемъ всѣхъ и оставлю моихъ враговъ безъ наказанія? Возвратись моя смѣлость и пусть совершится задуманное мною дѣло: постыдно разслаблять себя чувствительными мыслями. Идите, дѣти, къ себѣ. Пусть отвернется, кто хочетъ, отъ кровавой жертвы¹⁾; моя рука теперь уже не дрогнетъ. Остановись, мой гнѣвъ, воздержись отъ этого дѣла: несчастная, пощади твоихъ дѣтей; они послѣдуютъ за тобой отсюда, они будутъ радовать тебя въ твоемъ изгнаніи... Нѣть, клянусь подземными богами, клянусь духами мести, клянусь, что этого не будетъ. Я не потерплю, чтобы мои дѣти подвергались оскорблѣніямъ и насилиямъ; ихъ гибель, все равно, неизбѣжна; я, давшая имъ жизнь, лучше убью ихъ сама. Ихъ судьба решена: ничто не можетъ избавить ихъ. Да и вѣнецъ теперь на головѣ паревны; она, я знаю, умираетъ въ эту минуту, окутанная роковой одеждой. Пора вступить на кровавый путь, лежацій передо мною, открыть моимъ дѣтямъ путь еще болѣе печальный. Поговорю съ ними въ послѣдній разъ. Дайте мнѣ, дайте ваши ручки, дорогія дѣти; дайте матери поцѣловать ихъ. О, милыя ручки, прелестныя губки, ласковый видъ, благородныя черты моихъ дѣтей! Будьте счастливы, только не здѣсь: отецъ отнялъ у васъ счастье на землѣ... О, блаженныя объятія! И эти свѣженѣкія

¹⁾ Надо, конечно, подразумѣвать Геліоса.

нѣжныя щечки, это сладкое дыханіе... Идите, идите, дорогія! я не въ силахъ выдержать больше ваше присутствіе, меня давить страданіе. Онъ понятенъ мнѣ, весь ужасъ этого дѣла, которое я исполню сейчасъ, но страсть, толкающая человѣка на величайшія преступленія, сильнѣе внушеній разсудка.

Хоръ.—Часто мнѣ приходилось обсуждать вопросы болѣе щекотливые и задачи болѣе широкія, чѣмъ тѣ, которыя слѣдуетъ решать женщинамъ. Дѣло въ томъ, что и у насъ есть тоже Муза, отъ которой мы научаемся мудрости: не все, правда: иногда, быть можетъ, найдется одна изъ тысячи, но иногда нашъ полъ не чуждъ Музамъ. Я полагаю, что смертные, не заключившіе гименей и не имѣющіе дѣтей, счастливѣе тѣхъ, которые сдѣлались отцами. Если дѣтей нѣть, то и остается неизвѣстнымъ, пріятно или нѣть для смертныхъ родительское чувство, и, кромѣ того, избавляешься отъ тысячи страданій. Но люди, видящіе растущими въ своихъ домахъ нѣжные отпрыски, обременены постоянными заботами. Удастся ли имъ, во-первыхъ, ихъ хорошо воспитать? Оставятъ ли они имъ средства къ существованію? Наконецъ, они не знаютъ, трудятся ли для людей порочныхъ или добродѣтельныхъ. Наконецъ, есть третіе несчастье, угрожающее всѣмъ смертнымъ. Предположимъ, что они скопили порядочное состояніе, что дѣти достигли до отрочества и вышли добродѣтельными, и при этой удачѣ, смерть ихъ уноситъ и бросаетъ Гадесу. Какая же выгода быть отцомъ, если ко всѣмъ другимъ печалиться, причиняемымъ дѣствомъ, боги присоединяютъ еще самое страшное. горе?

Медея.—Друзья мои, я уже давно жду приговора судьбы и съ нетерпѣніемъ хочу знать, что тамъ случилось. Но вотъ приближается сюда одинъ изъ слугъ Креона, его прерывающее дыханіе показываетъ, что онъ хочетъ объявить о какомъ-то новомъ несчастьи.

Вѣстникъ.—Послѣ твоего страшного злодѣянія, Медея, бѣги, бѣги, пусть корабль или колесница увозятъ тебя изъ этихъ мѣстъ.

Медея.—Что такое случилось, за что я заслужила изгнаніе?

Вѣстникъ.—Царская дочь сейчасъ погибла, а также и Креонъ, отецъ ея, жертвою твоихъ ядовъ.

Медея.—О! счастливое извѣстіе! теперь я буду тебя причислять къ своимъ благодѣтелямъ и своимъ друзьямъ.

Вѣстникъ.—Что ты говоришь? потеряла ты развѣ всякой смыслъ и разсудокъ, женщина, что радуешься, узнавъ о гибели царскаго дома, вмѣсто того, чтобы дрожать при этомъ извѣстіи?

Медея.—Я-бы могла отвѣтить на твои слова, но не сердись, другъ; скажи мнѣ лучше, какъ они погибли; повѣрь, что мое удовольствіе удвоится, если смерть ихъ была ужасна.

Вѣстникъ.—Когда дѣти въ сопровожденіи ихъ отца вошли въ комнату царевны, мы этому порадовались, мы, слуги, скорбѣвшіе о твоихъ несчастіяхъ; и мы говорили другъ другу на ухо, что твой супругъ и ты забыли свою ссору. Одинъ цѣлуя руки твоимъ сыновьямъ, другой ласкаетъ ихъ блокурыя головки; я самъ вѣдь себя отъ радости, я послѣдовалъ за ними до женскихъ покоеvъ. Госпожа, тебя замѣнившая и которую мы теперь чтимъ, еще не замѣчая твоихъ малютокъ, бросила нѣжный взглядъ Язону, но потомъ она закрыла лицо своимъ покрываломъ и отвернула свои прекрасные глаза, не будучи въ состояніи выносить присутствіе твоихъ дѣтей. Твой супругъ старался успокоить волненіе и гнѣвъ молодой женщины. «Перестань ненавидѣть тѣхъ, говорилъ онъ, которая тебя любятъ; успокойся и поверни сюда голову; пусть друзья твоего супруга будуть и твоими друзьями: прими эти подарки и упроси твоего отца для меня избавить этихъ дѣтей отъ изгнанія». Она-же, какъ только увидала уборь, не устояла и все обѣщала своему супругу; твои дѣти и отецъ ихъ были еще не далеко, какъ она береть прекрасное покрывало и набрасываетъ на себя, и надѣвъ золотой вѣнецъ на голову, оправляетъ волосы передъ гладкимъ зеркаломъ, улыбаясь своему изображенію. Затѣмъ она сходитъ съ трона и идетъ по комнатѣ, гра-

щюзно ступая по залу своей ногой, бѣлой какъ але-
бастръ; восхищенная подарками, она выпрямляется и нѣ-
сколько разъ смотрить на свои ноги Но вскорѣ, о, ужас-
ное зрѣлище! она мѣняется въ лицѣ, отступаетъ, дро-
житъ всѣми членами и, едва не упавъ на землю, валится
на тронъ. Тогда, одна старая невольница, думая, ко-
нечно, что ею овладѣло неистовство Пана или какого-ни-
будь другаго божества, начала визжать, пока не увидала
бѣлой пѣны у рта царевны и иока ея глаза не закати-
лись и кровь не полила изъ ея тѣла. Тогда, вмѣсто воя
она начала испускать печальные вопли. Сейчасъ-же одна
бѣжитъ въ помѣщеніе отца, другая за новымъ супругомъ
царевны, чтобы объявить ему о несчастіи: во всемъ
дворцѣ раздавались шаги невольниковъ, бѣгающихъ во
всѣ стороны. Искусный скороходъ два раза обѣжалъ бы
ристалище и достигъ-бы до столба, пока къ несчастной
вернулся языкъ и зрѣніе и она пришла въ себя послѣ
глубокаго стона: она въ одно время терпѣла двѣ муки:
золотой вѣнецъ, надѣтый на ея голову, бросалъ изъ себя
необыкновенный лучъ пожирающаго пламени, а тонкая
ткань, подарокъ дѣтей твоихъ, жгла нѣжное тѣло не-
счастной. Вся въ огнѣ, она встаетъ и бѣжитъ, тряся го-
ловою и волосами: ей-бы хотѣлось сбросить вѣнецъ, но
золотое украшеніе было хорошо прикрѣплено, а сила огня
увеличивалась по мѣрѣ того, какъ она встрихивала во-
лосы. Наконецъ, она падаетъ на землю, сраженная болью
и неузнаваемая для всякаго другаго, кромѣ资料 своего отца.
Уже нельзя было разобрать ни ея глазъ, ни чертъ пре-
краснаго лица; ручи крови и пламени текли изъ ея го-
ловы, а мясо, растерзанное невидимыми зубами яда, от-
валивалось отъ костей и падало какъ сосновая хвоя:
ужасное зрѣлище! Всѣ боялись прикоснуться къ ея ту-
ловищу: ея судьба служила намъ урокомъ. Между тѣмъ,
несчастный отецъ, ничего не зная о случившемся, вдругъ
входить въ комнату: онъ съ крикомъ бросается на трупъ
своей дочери, сжимаетъ ее въ объятіяхъ и осыпаетъ по-
цѣлуями: «О несчастная дочь! восклицаетъ онъ, какой
богъ поразилъ тебя этой незаслуженной смертью? кто

отнимаетъ тебя отъ нѣжности отца, близкаго къ могилѣ? О, отчего не могу я умереть съ тобою, дитя мое!» Переставъ стонать и плакать, онъ хотѣлъ поднять свое слабое тулowiще, но онъ уже прицѣпился къ легкому покрывалу царевны, какъ плющъ прильпается къ вѣткамъ лавра. Тогда началась страшная борьба: хотѣлъ онъ поднять колѣна, какъ вдругъ опрокидывался навзничъ; прибѣгалъ-ли онъ къ силѣ? мясо старика отваливалось и обнажало его кости. Наконецъ, несчастный затихъ и испустилъ духъ: онъ уже не могъ долѣе сопротивляться страданію. Они лежать оба бездыханными, отецъ возлѣ дочери, пара несчастная и достойная слезъ. Что касается тебя, то я ничего не хочу говорить: ты сама узнаешь, что зло падаетъ на своего виновника. Еще не съ сегодняшняго дня смертные мнѣ кажутся одной тѣнью, и я не боюсь сказать, что люди, считающіе себя мудрыми и глубокомысленными, поражены самыми великими безуміемъ. Счастіе не есть удѣль людской; блага фортуны могутъ сдѣлать только то, что у одного болѣе удачи, чѣмъ у другаго; но онъ все-таки несчастливъ.

Хоръ. — Повидимому, рокъ поражаетъ сегодня Язона кучею заслуженныхъ золь. О несчастная дочь Креона, какъ я жалѣю твое несчастье, тебя, которую гименей съ Язономъ бросаетъ въ адъ.

Медея. — Друзья, я рѣшилась: я немедля убью своихъ дѣтей, до бѣгства изъ этой земли; упустивъ время, я могу подвергнуть ихъ смерти отъ другой руки, болѣе жестокой. Имъ необходимо умереть, смерти они не избѣжать, и уже лучше убить ихъ мнѣ, ихъ родившей. Ну-же, мое сердце, вооружись мужествомъ! Зачѣмъ я медлила совершить это злодѣяніе ужасное, но необходимое? Иди, и пусть твоя рука, твоя несчастная рука, возьметъ ножъ; вступай на эту путь горя, передъ тобой открывающійся. Не слабѣй, забудь дѣтей своихъ; забудь что они тебѣ дороги, что ты дала имъ жизнь. Откажись отъ дѣтей своихъ на этотъ короткій день, а послѣ сокрушайся о себѣ. Вѣдь, хотя ты ихъ убѣшь, но ты ихъ все-таки любишь, и ты самая несчастная изъ женщинъ!

Хоръ.—О земля! о Гелюсь! все освѣщающій своими лучами! Смотрите, взгляните на эту жестокую женщину прежде, чѣмъ она поразить своихъ дѣтей и прольеть свою собственную кровь; вѣдь отъ тебя произошли они и можетъ случиться, что потомки бога погибнуть отъ руки смертнаго. Остановись-же, блестящее и божественное свѣтило, укроти, выгони изъ дворца эту отвратительную и кровожадную Фурію, подталкиваемую злыми Геніями. Ты напрасно вынесла муки родовъ, ты напрасно произвела на свѣтъ любимыя существа, жестокая, переплывшая негостепріимный проливъ голубоватыхъ Симплегадъ! Несчастная! зачѣмъ эта безбожная ярость овладѣла твоимъ сердцемъ? За убийствомъ слѣдуетъ убийство и мстить за него. Ужасное возмездіе получаютъ люди, орошающіе землю кровью своихъ близкихъ: боги поражаютъ домъ убийцы несчастіями равными преступленію.

Первое дитя.—Горе мнѣ! что дѣлать? Куда бѣжать отъ руки моей магери?

Второе дитя.—Самъ не знаю, возлюбленный братъ... Мы пропали.

Хоръ.—Слышишь, слышишь ты крики дѣтей? О несчастная женщина! Не войти-ли мнѣ въ домъ? Я хочу избавить этихъ дѣтей отъ смерти.

Дѣти.—Помогите намъ ради боговъ; еще есть время; желѣзо еще не виситъ надъ нашими головами.

Хоръ.—Несчастная! твое сердце было, значитъ, изъ желѣза и камня, если ты подняла твою смертоносную руку на своихъ дѣтей, плодъ твоей утробы! Одна только женщина, говорять, только одна до тебя подняла руку на своихъ дѣтей, Ино, и боги поразили ее безумiemъ, послѣ того, когда супруга Зевса выгнала ее изъ дома и осудила на скитальческую жизнь. Но несчастная бросилась съ высокаго морскаго берега въ волны, въ наказаніе за нечестивое убийство и смерть соедѣнила мать и обоихъ дѣтей. Можно-ли вообразить что-либо ужаснѣе? Гименей, плачевный гименей! сколько золь ты уже причинилъ смертнымъ!

Язонъ.—Женщины, стоящія у этого дворца, скажите

мнъ, не здѣсь-ли еще находится Медея, виновница столькихъ злодѣяній, или она бѣгствомъ ускользнула отъ наказанія? Ей надо или спрятаться въ нѣдрахъ земли или взлетѣть въ обширныя равнины воздуха, если, она желаетъ избавиться отъ справедливой мести царскаго дома. Не хвастала-ли она, что, убивъ владыкъ этой страны, она безнаказанно убѣжитъ отсюда? Но я менѣе беспокоюсь о ней, чѣмъ о моихъ дѣтяхъ; тѣ, кого она поразила, поразятъ въ свою очередь и ее; я-же пришелъ сюда, чтобы спасти жизнь моимъ сыновьямъ; я боюсь, чтобы родственники царя не захотѣли искупить на нихъ безбожное убийство ихъ матери.

Хоръ.— Несчастный Язонъ, ты еще не знаешь всей глубины твоего злополучія, въ противномъ случаѣ ты-бы не говорилъ такъ.

Язонъ.— Что такое? Ужь не думаетъ-ли она убить и меня?

Хоръ.— Твои сыновья умерли отъ руки матери.

Язонъ.— Что ты хочешь сказать? ты меня терзаешь, женщина.

Хоръ.— Твоихъ дѣтей нѣтъ болѣе, подумай объ этомъ.

Язонъ.— Гдѣ-же она ихъ убила? во дворцѣ или въ его?

Хоръ.— Открой двери и ты увидишь ихъ бездыханные трупы.

Язонъ.— Рабыни, отворите скорѣе замки и выньте засовы, чтобы мнѣ увидать мое двойное горе, моихъ сыновей, лишенныхъ жизни, и наказать виновницу ихъ смерти.

Медея.— Зачѣмъ потрясать и приподнимать эти двери? Ты ищешь своихъ мертвыхъ сыновей и ту, которая погубила ихъ? Избавь себя отъ этого труда. Если я нужна тебѣ, говори сколько хочешь, но твоей рукѣ не достичь до меня. Геліость, отецъ мой, даль мнѣ эту колесницу, чтобы спастись отъ нападеній моихъ враговъ.

Язонъ.— О чудовище, о гнусная женщина, ненавистная богамъ, мнѣ и всему роду людскому, осмѣлившаяся погрузить желѣзо въ сердце своихъ дѣтей, ты, мать ихъ!

и оставившая въ скорби несчастнаго отца, какъ смѣешь ты, послѣ такого злодѣянія, смотрѣть въ лицо солнцу и землѣ? Пусть смерть твоя послужить искупленіемъ за этотъ отвратительный поступокъ! Теперь я все ясно вижу, я былъ слѣпъ когда взялъ тебя изъ варварской страны и варварскаго дома и привелъ въ Элладу, коварная Фурія, предавшая资料 of his own father and mother, тебя вскормившую. Злой Геній своихъ родныхъ, ты роковымъ образомъ напала на меня. Прежде чѣмъ вступить на прекрасный корабль Аргонавтовъ, ты зарѣзала своего брата у порога алтарей. Вотъ съ чего ты начала; сдѣлавшись моей супругой, ты дала мнѣ дѣтей, и этихъ-то дѣтей ты сама убила съ досады на мой новый гименей! Нѣть, ни одна греческая женщина никогда-бы на это не дерзнула, и это ты, которую я всѣмъ предпочель, которую соединилъ съ своей судбою! Союзъ роковой и причинившій мою гибель, ибо ты не женщина, но лъвица, чудовище болѣе дикое, чѣмъ Тирреніенская Сцила. И такъ, умри (вѣдь ты такъ безстыдна, что самая кровавыя оскорблѣнія тебя не трогаютъ), умри, покрытая позоромъ и обрызганная кровью моихъ дѣтей. Мнѣ осталось только оплакивать свою судьбу и этотъ новый гименей, радости котораго отъ меня отняты, и этихъ дѣтей, рожденныхъ мною и которыхъ я не увижу живыми: увы! ихъ уже нѣть.

Медея.—Я-бы многое могла отвѣтить на твои упреки, еслибы Зевсъ не зналъ, что я для тебѣ сдѣлала и какъ ты меня вознаградилъ. Опозоривъ мое ложе, ты уже не долженъ былъ жить въ радости и оскорблять мое несчастіе, равно какъ и царевна; а виновникъ этого союза, Креонъ не могъ безнаказанно гнать меня отсюда. Теперь, называй меня лъвицей, если хочешь, или Сциллой, бичемъ полей Тирреніенскихъ: я отдала твоему сердцу рану, которую оно мнѣ сдѣлало, и это было справедливо.

Язонъ.—Конечно, ты страдаешь, какъ и я; и ты дѣлишь мои муки.

Медея.—Да, повѣрь мнѣ, но я выигрываю страданіемъ если ты не смѣешься надъ моимъ горемъ.

Язонъ.—О, мои дѣти, какую дурную мать послало вамъ небо!

Медея.—О, сыновья мои, вы гибнете жертвою отцовскаго коварства!

Язонъ.—Не моя рука, по крайней мѣрѣ, нанесла имъ ударъ.

Медея.—Но твои оскорблениа и твой новый гименей.

Язонъ.—Какъ? ты рѣшилась убить ихъ въ отмщеніе за твои права, права супруги?

Медея.—Не воображаешь ли ты, что это легкая потеря для женщины?

Язонъ.—Да, если она благоразумна, но тебя все дѣлаетъ несчастной.

Медея.—Ихъ уже нѣть: вотъ что будетъ раздирать твое сердце.

Язонъ.—Въ нихъ ты пріобрѣла жестокихъ демоновъ, которые падутъ на твою голову.

Медея.—Боги знаютъ первого виновника ихъ золь.

Язонъ.—Они знаютъ, по крайней мѣрѣ, твою низкую и подлую душу.

Медея.—Можешь меня ненавидѣть: я презираю твои гнусныя рѣчи.

Язонъ.—А я презираю твои, но намъ легко прекратить разговоръ.

Медея.—Какимъ образомъ? Что надо сдѣлать? У меня самой нѣть большаго желанія.

Язонъ.—Позволь мнѣ похоронить моихъ дѣтей и оплакать ихъ.

Медея.—Нѣть. Я хочу похоронить ихъ своими руками отнеся ихъ въ священные лѣса Геры-Акреанской¹⁾, чтобы ни одинъ врагъ не осквернилъ ихъ могилы. Въ странѣ, гдѣ царствовалъ Сизифъ, я устрою величественный праздникъ и торжественные жертвы, для искупленія этого безбожнаго убийства. Я отправлюсь въ землю Эрехтея²⁾

¹⁾ У Геры былъ храмъ на мысѣ (*σχορα*), находящемся въ некоторомъ разстояніи отъ Коринфа.

²⁾ Аѳины.

и поселиюсь подлѣ Эгея, сына Пандиона. Ты-же, по всей справедливости, долженъ плачевно погибнуть, голова твоя будетъ раздавлена обломками корабля Арго и ты получишь горькие плоды твоего новаго гименея.

Ясонъ.—А ты, пусть Фурія дѣтей твоихъ, пусть справедливость, воздающая за убийство, погубятъ тебя!

Медея.—Какое божество, какой Гений можетъ внять тебѣ, когда ты преступилъ свои клятвы и нарушилъ права гостепріимства?

Язонъ.—Горе тебѣ, отвратительное чудовище, палачъ дѣтей своихъ!

Медея.—Ступай во дворецъ, хорони свою молодую супругу!

Ясонъ.—Иду, но лишенный своихъ обоихъ дѣтей.

Медея.—Ты еще не чувствуешь ихъ гибели; подожди когда придеть старость.

Язонъ.—О мои дорогія дѣти!

Медея.—Дорогіе своей матери, а не тебѣ.

Ясонъ.—И однако ты убила ихъ.

Медея.—Чтобъ довести тебя до отчаянія.

Язонъ.—Увы! какъ-бы я хотѣль въ свое мѣсто несчастій, прижать мои губы къ ихъ дорогимъ устамъ!

Медея.—Теперь у тебя для нихъ только ласковыя слова; а прежде ты ихъ отталкивалъ.

Ясонъ.—Позволь мнѣ, во имя боговъ, прикоснуться къ тѣлу моихъ дѣтей.

Медея.—Это невозможно, и ты молишь напрасно.

Ясонъ.—Зевсь, ты слышишь какъ отказываютъ мнѣ въ моей просьбѣ и какъ обращается со мною это отвратительное чудовище, эта мать, обрызганныя кровью дѣтей своихъ? Но я, по крайней мѣрѣ, дѣлаю все, что отъ меня зависитъ; я оплакиваю своихъ сыновей, и мой умоляющій голосъ призываетъ боговъ въ свидѣтели, что убивъ дѣтей моихъ, ты мѣшаешь мнѣ прикоснуться къ нимъ, похоронить ихъ бездыханныя тѣла. Видить небо, что я далъ имъ жизнь не для того, чтобы ихъ видѣть умерщвленными твою рукою!

Хоръ.—Зевсь, съ высоты Олимпа, направляетъ теченіе

событій. Много вещей совершаются по волѣ боговъ, противно нашему ожиданію; что, казалось, должно было случиться, не случилось, и богъ прокладываетъ дорогу для непредвидѣнныхъ событій. Таковъ былъ конецъ драмы, на которой мы присутствовали.

Г. Б. Ч. Г.

ОРЕСТЬ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Электра.

Елена.

Хоръ.

Орестъ.

Менелай.

Тиндаръ.

Пиладъ.

Фригійскій рабъ.

Эрміона.

Вѣстникъ.

Аполлонъ.

Сцена происходит въ Аргосѣ, передъ дворцомъ Атридѣ.

Электра.—Нѣть такого ужаснаго лишенія, нѣть такого страданія, нѣть такого несчастія, которыя бы не пришлось вынести человѣческой природѣ по волѣ боговъ. Такъ, счастливый Танталъ (я это говорю, не желая смѣяться надъ его участью), Танталь, родившійся, какъ говорять, отъ Зевса, теперь висить среди облаковъ, съ ужасомъ смотря на скалу, готовую упасть ему на голову; выносить онъ это наказаніе изъ-за того, что, удостоившись, онъ, простой смертный, сѣсть за одинъ столъ съ богами (по крайней мѣрѣ, такъ говорить молва), онъ не съумѣлъ сдержать своего языка, а это самый постыдный недостатокъ. Отъ него родился Пелопсъ, у которого былъ сынъ Атрей; Парка,

прявшая нить его жизни, предназначила ему жить въ постоянной ссорѣ съ Ѹбестомъ, его роднымъ братомъ. Но къ чему мнѣ останавливаться на преступленияхъ, о которыхъ я должна умолчать? Атрей зарѣзаль дѣтей Ѹбеста и подалъ ихъ во время пира. Изъ крови Аtreя (я пропускаю промежуточные события) вышли: знаменитый Агамемнонъ, если онъ только былъ знаменить, и Менелай, мать котораго была критянка Эропа ¹⁾. Онъ женился на Еленѣ, столь ненавистной богамъ; царь Агамемнонъ вступилъ въ союзъ съ Клитемнестрой, и молва о немъ идетъ по всей Элладѣ. Отъ этого союза родились три дочери: Хризоема, Ифигенія и я, Электра, а также и сынъ, Орестъ; всѣ дѣти самой безбожной изъ матерей, убившей своего супруга, опутавъ его безвыходно тканью: за что? Дѣвственницѣ не-прилично отвѣтить на это и я предоставлю другимъ объяснить эту тайну. Слѣдуетъ ли обвинять Аполлона въ несправедливости? Не онъ-ли убѣдилъ Ореста убить свою мать, носившую его въ своей утробѣ, что вовсе не похвально въ глазахъ свѣта. Однако онъ ее убилъ, чтобы не послушаться бога, а я приняла участіе въ убийствѣ, насколько способна это сдѣлать женщина. Пиладъ далъ намъ въ помощь свою руку. Съ тѣхъ порь несчастный Орестъ сдѣлался жертвою страшной болѣзни, его подтачивающей; встѣ онъ лежитъ на своемъ ложѣ, гдѣ кровь матери наводитъ на него мрачную ярость: ибо я боюсь назвать богинь Эвменидѣ, заставляющихъ его испытывать муки ужаса. Вотъ уже шесть дней, какъ моя мать зарѣзана и какъ тѣло ея очищено огнемъ; во все это время Орестъ не принималъ никакой пищи и не обмывалъ своего тѣла. Когда боль несолько утихаетъ и когда онъ приходитъ въ себя, то плачетъ, укрывшись своей одеждой; иногда онъ однимъ прыжкомъ вскакиваетъ съ постели, точно молодой конь, избавившійся отъ сбруи. Аргейцамъ запрещено принимать насть подъ ихъ кровлею, удѣлять намъ

¹⁾ Эропа, супруга Аtreя, была дочерью Катрея, царя Критскаго.

огонь, говорить съ нами, ибо мы матереубійцы; и сего-
дня городъ Аргосъ произнесеть приговоръ: слѣдуетъ-ли
намъ погибнуть отъ побитія камнями или погрузить
себѣ въ горло острый кинжалъ. Однако мы имѣемъ нѣко-
торую надежду избѣжать смерти: Менелай возвращается
изъ Трои на свою родину послѣ долгаго блужданія по морямъ и корабль его, войдя въ Навплійскую гавань, стоитъ
у берега. Что же касается до Елены, — причины столь-
кихъ слезъ, — то Менелай рѣшилъ послать ее въ нашъ
дворецъ ночью, боясь, чтобы дѣти погибшихъ при Иліонѣ,
увидя ее не побили ее камнями. Она тамъ (указывая
на дворецъ) оплакиваетъ свою сестру и несчастія сво-
его дома. Но она не безъ утѣшенія въ своемъ горѣ: мол-
одая Эрміона, которую Менелай оставилъ дома, отправ-
ляясь въ Трою, и которую онъ увезъ изъ Спарты и пору-
чила заботамъ моей матери, — Эрміона составляетъ радость
Елены и помогаетъ ей забыть ея несчастія. Я смотрю во
всѣ стороны, не увижу-ли гдѣ Менелая. Если онъ не
сдѣлается нашимъ спасителемъ, то весьма слаба опора,
на которую мы надѣемся. Грустная вещь домъ, осужден-
ный на несчастіе!

Елена. — О, Электра, дочь Клитемнестры и Агамемнона
столько времени остающаяся дѣственницей¹⁾, какъ могли
вы, твой братъ, несчастный Орестъ, и ты, сдѣлаться убій-
цами своей собственной матери? Говоря съ тобою, я не
считаю себя оскверненной, такъ какъ сваливаю вину на
Аполлона. Но я, все-таки, оплакиваю судьбу Клитем-
нестры, сестры моей, которую не видала съ того дня,
какъ уѣхала въ Иліонъ, куда уѣхала по предопредѣле-
нию боговъ; оплакиваю одиночество, въ которое меня по-
вергла ея смерть.

Электра. — Что сказать мнѣ тебѣ, Елена? Посмотри и
ты увидишь потомство Агамемнона поверженнымъ въ не-

²⁾ Мы думаемъ, говоритъ Вейль, что поэтъ не безъ хитрости вла-
гаетъ такихъ слова въ уста женщины, отдавшейся Денфобію, послѣ
потери Париса, и для которой, казалось, оставаться безъ супруга,
было самымъ ужаснымъ несчастіемъ.

счастіе. Я, не закрывая глазъ, сижу надъ этимъ несчастнымъ трупомъ: ибо едва слабый вздохъ оживляетъ это безжизненное тѣло; я не хочу дѣлать видъ, что насыхаюсь надъ его страданіями; а ты, счастливая Елена и твой, счастливый супругъ, вы нашли два равно несчастныхъ существа.

Елена.—Съ какихъ поръ онъ лежитъ на этомъ ложѣ?

Электра.—Съ тѣхъ поръ, какъ пролилъ кровь матери.

Елена.—О несчастный! Несчастна также и его мать, что такимъ образомъ погибла!

Электра.—Наше несчастіе таково, что я потеряла всякую надежду.

Елена.—Во имя боговъ, хочешь сдѣлать мнѣ одолженіе?

Электра.—Насколько смогу, ибо я занята уходомъ за братомъ.

Елена.—Хочешь пойти на могилу моей сестры?

Электра.—Моей матери? Зачѣмъ?

Елена.—Чтобы снести туда мои первые волосы и совершиТЬ возліяніе.

Электра.—Развѣ тебѣ запрещено идти на могилу близкой родственницы?

Елена.—Мнѣ стыдно показаться аргейцамъ.

Электра.—Ты мудро судишь, хотя нѣсколько поздно, а когда-то ты не смущалась покинуть свой очагъ.

Елена.—Слова твои справедливы, но жестки для меня.

Электра.—И отчего этотъ стыдъ передъ жителями Микенъ?

Елена.—Я боюсь отцовъ, убитыхъ предъ Иlionомъ.

Электра.—Дѣйствительно, ты очень нелюбима аргейцами.

Елена.—Освободи меня отъ страха и окажи мнѣ эту услугу.

Электра.—Я не въ состояніи остановить свой взоръ на могилѣ матери.

Елена.—Но вѣдь постыдно поручать жертвы рабамъ.

Электра.—Отчего ты не пошлешь свою дочь Эрміону?

Елена.—Молодымъ дѣвушкамъ не хорошо показываться публично.

Электра.—Но такимъ образомъ она вознаградить умершую за заботы, полученные ею въ дѣтствѣ.

Елена.—Ты права, я послѣду твоему совѣту и пошлю свою дочь, ибо ты говоришь дѣло. Эрміона, дочь моя, выйди и приди сюда; возьми въ руки эти погребальные жертвы и эти волосы, срѣзанные съ моей головы. Поди на могилу Клитемнестры и разлей на ней медъ, смѣшанный съ молокомъ и пѣнистымъ виномъ; потомъ, ты поднимешься на вершину памятника и скажешь: «Елена, твоя сестра, приноситъ тебѣ эти приношенія; она не смѣла подойти къ твоей могилѣ, потому что боится аргейцевъ». Попроси ее быть къ намъ милостивой, ко мнѣ, къ тебѣ, къ моему супругу и къ этимъ двумъ несчастнымъ, которыхъ погубилъ богъ; обѣщай ей отъ моего имени всякие дары, какіе приносять умершимъ и которыхъ вправѣ ожидать сестра. Иди, дитя мое, поспѣши, и когда окончишь возліянія на могилѣ, возвращайся скорѣе сюда.

Электра.—О, природа! какою роковою ты бываешь для смертныхъ и какъ ты имъ благопріятна, если они счастливо надѣлены! Видѣли вы, какъ она отрѣзала кончики своихъ волосъ, чтобы сохранить свою красоту? Она все та же. Что боги тебя ненавидятъ, это также вѣрно, какъ и то, что ты погубила меня, моего брата и всю Элладу. О! я несчастная!—Вотъ подруги снова идутъ раздѣлить мои скорби: онѣ, пожалуй, разбудятъ этого несчастнаго и заставятъ меня проливать слезы, когда я увижу брата въ бреду. О, дорогія подруги, ходите тихонько, не шумите, чтобы васъ не было слышно. Ваше усердіе идетъ отъ сердца, но разбудить его было-бы большимъ для меня горемъ.

Хоръ.—Тише! тише! ступайте легче, не шумите.

Электра.—Идите съ этой стороны, дальше, дальше отъ ложа.

Хоръ.—Я повинуюсь.

Электра.—Говори со мною, дорогая подруга, голосомъ столь тихимъ, сколь тихо дуновеніе легкаго тростника, качаемаго вѣтромъ.

Эвріпідъ

Хоръ.—Видишь какъ мой голосъ тихо раздается во дворцѣ.

Электра.—Правда; понизь, понизь голосъ; подойди тихо, тихо. Скажи мнѣ, что тебя привело сюда: онъ упалъ въ изнеможеніи на постель и уснулъ.

Хоръ.—Какъ его здоровье? Отвѣтъ мнѣ, дорогая подруга.

Электра.—Что я тебѣ скажу объ его судьбѣ, объ его несчастії? Онъ еще, конечно, дышетъ, но слабо стонеть.

Хоръ.—Что говоришь ты? О несчастная!

Электра.—Ты его убѣшь, если разбудишь, и лишишь столь сладкаго благодѣянія сна.

Хоръ.—Несчастный Орестъ, что по волѣ боговъ совершилъ такое гнусное преступленіе! Какъ я жалѣю твои страданія!

Электра.—Несправедливъ былъ Аполлонъ, несправедливъ былъ произнесенный имъ оракулъ, когда, сидя на треножникѣ Фемиса, онъ предсказалъ ужасное убийство моей матери.

Хоръ.—Видишь? онъ только-что шевельнулся подъ покрывающей его одеждой.

Электра.—Это ты, несчастная, разбудила его своими криками.

Хоръ.—Я думала, что онъ спить.

Электра.—Оставь насъ и безъ шума выходи изъ дворца.

Хоръ.—Онъ дремлетъ.

Электра.—Ты говоришь правду. Величественная богиня, величественная ночь, ниспосылающая сонъ смертнымъ, удрученнымъ трудами,—выйди изъ Эреба; приди, приди, быстрокрылая, въ домъ Агамемнона; въ горѣ и страданіи мы гибнемъ, мы гибнемъ!—Вы нашумѣли. Тише! тише! пусть уста твои будутъ нѣмы, другъ мой; отойди отъ постели, чтобы дать ему покойно насладиться сномъ.

Хоръ.—Скажи, чѣмъ кончатся его муки?

Электра.—Смертью; можетъ-ли быть иначе? Онъ отказывается отъ всякой пищи.

Хоръ.—Значитъ, онъ непремѣнно погибнетъ.

Электра.—Аполлонъ пожертвовалъ нами, предавъ намъ

въ руки несчастную, которую-бы намъ не слѣдовало трогать, мать, убившую нашего отца.

Хоръ.—Ея смерть была справедлива, но нечестива.

Электра.—Ты убила и ты была убита, о ты, давшая мнѣ жизнь! О мать моя, ты погубила отца и этихъ дѣтей, происшедшихъ отъ твоей крови; а мы, словно мертвые, мы перестали существовать. Ты, братъ мой, уже не считаешься среди живыхъ; а что касается меня, то большая часть моей жизни проходитъ въ вопляхъ, стонахъ, ночныхъ слезахъ. Несчастная! я влачу жалкую жизнь, на-всегда лишенная супруга и дѣтей.

Хоръ.—Подойди, Электра, и посмотри; боюсь, чтобы братъ твой не умеръ безъ твоего вѣдома! ибо это продолжительное забытье меня беспокоитъ.

Орестъ.—О восхитительная прелесть сна, приносящая облегченіе страданію, какъ кстати дала ты мнѣ испытать всю твою сладость! О почтенное забвеніе страданій, какое ты божество мудрое и достойное призваній несчастныхъ! Но гдѣ я былъ и какъ я попалъ сюда? Умъ мой потерялъ свою ясность и я ничего не помню.

Электра.—Дорогой Орестъ, съ какой радостью я смотрѣла на твой сонъ! Хочешь, чтобы я къ тебѣ прикоснулась и приподняла тебя?

Орестъ.—Да, возьми, возьми меня и оботри пѣну, прилипшую къ моимъ губамъ и глазамъ.

Электра.—Сдѣлано: услугу пріятно оказывать, и сестра не откажеть больному брату въ нужномъ за нимъ уходѣ.

Орестъ.—Приблизь меня къ твоей груди; отбрось со лба мои засохшіе волосы: ибо глаза мои едва видять.

Электра.—О бѣдная голова, грязная и непричесаная, уже давно не освѣжаемая водою,—какъ ты сдѣлалась ужасна!

Орестъ.—Положи меня опять на постель; когда утихаетъ бѣшенство, которымъ я страдаю, я чувствую свои члены разбитыми и безсильными.

Электра.—Вотъ и положила. Постель дорога больному; оставаться на ней хотя и скучно, но необходимо.

Орестъ.—Посади меня, расправь мое туловище: боль-

нымъ трудно угодить, такъ какъ они не знаютъ что дѣлать.

Электра.—Если-бы ты опустилъ ноги на землю и попробовалъ ходить? Всякая перемѣна нравится.

Орестъ.—Да, но это лишь внѣшность здоровья, а всякая внѣшность хороша тамъ, гдѣ нѣть реальности.

Электра.—Теперь, братъ, когда Фуріи оставили тебѣ разсудокъ, послушай меня.

Орестъ.—У тебя есть что-то сказать мнѣ? Если новость хороша, то я порадуюсь; если она поведеть къ горю, то у меня уже и такъ довольно несчастій.

Электра.—Менелай, братъ твоего отца, прїѣхалъ: его корабли вступили въ Навплійскую гавань.

Орестъ.—Что ты говоришь? Принесетъ-ли онъ спасеніе двумъ несчастнымъ,—онъ, одной съ нами крови и такъ много обязанній нашему отцу?

Электра.—Онъ идетъ, не сомнѣвайся; а въ доказательство узнай, что онъ привезъ Елену изъ стѣнь Трои.

Орестъ.—Если-бы онъ спасся одинъ, то судьба его была-бы болѣе достойна зависти; возвращаясь съ Еленой, онъ возвращается въ сопровожденіи большаго бича.

Электра.—Тиндаръ народилъ дочерей, прославившихся навлеченою ими на себя хулою и пріобрѣтшихъ дурную славу во всей Элладѣ.

Орестъ.—Не походи на этихъ злыхъ женщинъ; ты это можешь. Пусть твои чувства будутъ соотвѣтствовать твоему языку.

Электра.—Увы! братъ мой, твои глаза становятся мутными; только-что полный разума, ты быстро переходишь къ бѣшенству.

Орестъ.—О, мать моя, умоляю тебя, не бросай въ меня этихъ бичей дѣвъ¹⁾ съ кровяными глазами, съ змѣиными волосами. Вотъ онѣ, вотъ онѣ скакутъ вокругъ меня.

Электра.—Лежи спокойно на своемъ мѣстѣ, несчастный. Вѣдь ты не видишь ничего изъ того, что тебѣ представляется.

¹⁾ Эвмениды.

Орестъ.—О, Аполлонъ, онѣ убьютъ меня, эти чудо-вища съ песьими головами, съ свирѣпыми взорами, эти жрицы мертвыхъ, эти страшныя богини.

Электра.—Я тебя не выпущу, я хочу обвить тебя своими руками и не допустить тебя до этихъ бѣшеныхъ скачковъ.

Орестъ.—Оставь меня: ты одна изъ моихъ Фурій и ты держишь меня за середину туловища, чтобы бросить въ Тартаръ.

Электра.—О я, несчастная! Какой ждать помощи, когда боги противъ насъ?

Орестъ.—Дай мнѣ этотъ роговой лукъ, подарокъ Аполлона, которымъ этотъ богъ приказалъ мнѣ отгонять богинь, если онѣ станутъ ужасать меня своей безумной яростью.

Электра.—Развѣ рука смертнаго можетъ ранить бога?

Орестъ.—Да, если онъ не исчезнетъ съ глазъ моихъ. Развѣ вы не слышите? Развѣ вы не видите, какъ крылатыя стрѣлы летятъ изъ моего мѣткаго лука? А! а! чего вы ждете? Летите въ эфирное пространство; идите обвинять оракулъ Аполлона. О! отчего это я истощенъ и такъ тяжело дышу? Куда, куда бросился я съ своего ложа? Ибо я вижу, что снова тишина послѣдовала за бурей. Сестра, отчего ты плачешь, уткнувъ голову въ покрывало? Мнѣ стыдно, что я заставляю тебя дѣлить свои страданія и надобдаю молодой дѣвушкѣ своею скучною болѣзнью. Не мучься такъ изъ-за моихъ мученій. Хотя ты и дала свое согласіе, но не ты, а я совершилъ убійство. Феба обвиняю я, Феба, который, толкнувъ меня на самое безбожное дѣло, вмѣсто всякой дѣйствительной помощи, вздумалъ утѣшать меня одними словами. Я полагаю, что, если-бы я могъ увидѣть и спросить своего отца: «слѣдуетъ-ли убить мать?» онъ протянулъ-бы ко мнѣ умоляющія руки и началъ-бы просить меня не погружать меча въ грудь, меня породившую, такъ какъ это не можетъ возвратить ему свѣта, а только доведетъ мои страданія до крайности. А теперь, дорогая сестра, открой лицо свое и осуши слезы, хотя наше положеніе и очень пе-

чально. Видя меня предающимся отчаянію, успокоивай и утѣшай ужасъ и разстройство моихъ чувствъ; когда-же ты плачешь, я долженъ быть тутъ, чтобы нѣжно тебя успокоивать: друзья обязаны другъ другу этимъ обмѣномъ добрыхъ услугъ. Иди-же, несчастная, войди во дворецъ: дай отдыхъ твоимъ вѣкамъ, утомленнымъ долгою безсонницею; прими какую-нибудь пищу и освѣжи свое тѣло омовеніемъ. Вѣдь если я тебя лишусь, или если ты заболѣешь вслѣдствіе утомленія, то мы пропали: ты одна только можешь помочь мнѣ: остальные, ты видишь, ногинули меня.

Электра.—Нѣть, нѣть: съ тобою я рѣшилась умереть какъ и жить; это одно и тоже. Если ты умрешь, что стану дѣлать я, слабая женщина? Какъ позабочусь я о своемъ имѣніи одна, безъ брата, безъ отца, безъ друга? Но если ты этого хочешь, то надо повиноваться. И такъ, ложись на свое ложе и не придавай такой вѣры пугаламъ, изгоняющимъ тебя съ него. Даже когда нѣть болѣзни, то стоитъ только вообразить, что имѣешь ее, чтобы почувствовать утомленіе и беспокойство. (*Они входятъ во дворецъ.*)

Хоръ.—Увы! увы! о богини иступленія, съ полетомъ быстрымъ, шумнымъ, которыхъ беспорядочная толпа, далеко отличающаяся отъ вакханокъ, знаетъ только слезы и стенанія, вы, черныя Эвмениды, распускающія свои широкія крылья, мстищія за пролитую кровь и человѣкоубийство: внемлите, внемлите моему умоляющему голосу: дайте сыну Агамемнона забыть охватывающее его бѣшенство и ярость. Страшныя страданія получилъ ты, несчастный, изъ-за того, что послушался оракула, произнесеннаго Фебомъ съ высоты его треножника въ святилищѣ, находящемся, какъ говорять, внутри земли. О, Зевсъ! Какую жалкую и кровавую борьбу ведешь ты, несчастный Орестъ, ты, которому зловредный Геній посыпаетъ вѣчно новыя слезы, показывая тебѣ даже въ этомъ дворцѣ кровь твоей матери, возбуждающую твое безуміе! О, горе! о, отчаяніе! высокая судьба не имѣть прочности среди смертныхъ: богъ колеблетъ ее, какъ парусъ быстрого

корабля и погружаетъ ее въ страшныя бѣствія, подобныя жаднымъ и роковымъ волнамъ моря. И въ самомъ дѣлѣ, чей домъ должна я чтить болѣе, чѣмъ домъ Пелопса, плодъ божественнаго гименея ¹⁾.—Но вотъ приближается царь Менелай: по блеску его одежды сейчасъ видно, что онъ сродни Танталу. О, ты, бросившій въ Азію войско, тысячи кораблей, привѣтъ тебѣ! Счастливая судьба содѣйствуетъ тебѣ, такъ какъ, съ помощью боговъ, ты достигъ цѣли, къ которой стремился.

Менелай.—О, дворецъ! если я чувствую радость, увидя тебя при своемъ возвращеніи изъ Трои, то не могу все-таки смотрѣть на тебя безъ стенаій: ибо я не знаю никакого другаго дома, который-бы подвергся большими несчастіямъ. Я знаю участъ Агамемнона и какъ погибъ онъ отъ руки своей супруги; въ то время, какъ я прикачивалъ къ мысу Малескому, то сынъ Нерея, возвѣщающій оракулы мореходамъ, пророкъ Главкъ, богъ правдолюбивый, приподнялся изъ волнъ и объявилъ мнѣ слѣдующую новость: «Менелай, сказалъ онъ, подходя ко мнѣ въ видимой оболочкѣ,—твой братъ лежитъ зарѣзаннымъ: онъ упалъ въ смертельный бассейнъ, приготовленный для него его супругой». При этихъ словахъ, мои матросы и я залились слезами. Между тѣмъ, я прикалилъ къ берегамъ Навпли, а моя супруга собираласьѣхать сюда; я надѣялся нѣжно сжать въ своихъ объятіяхъ сына Агамемнона и его мать, которыхъ разсчитывалъ застать счастливыми и цвѣтующими, когда отъ одного рыбака узналъ о безбожномъ убийствѣ дочери Тиндара. Теперь молодая Аргеянка скажетъ мнѣ, гдѣ находится сынъ Агамемнона, виновникъ страшного преступленія. Онъ былъ ребенкомъ и еще на рукахъ своей матери, когда я отправился въ Трою; такъ что, увидя его, я его не узнаю.

Орестъ.—Ты видишь, Менелай, Ореста, котораго ищешь: я охотно опишу тебѣ свои несчастія. Прежде,

¹⁾ Пелопсъ былъ плодомъ супружества Пелопса съ Діоніей dochерью Атласа.

однако, позволь мнѣ, умоляя, обнять твои колѣна и, хотя я не ношу священной вѣтви, выслушай мольбу мою: спаси меня; ты пріѣхалъ во время, чтобы положить предѣль моимъ мученіямъ.

Менелай.—О боги! что я вижу? Какая безжизненная тѣнь представляется моимъ взорамъ?

Орестъ.—Ты правъ; если я еще вижу свѣтъ, то пересталъ жить, благодаря чрезмѣрности моихъ страданій.

Менелай.—Какой свирѣпый видъ придаютъ тебѣ твои грязные и запущенные волосы, несчастный!

Орестъ.—Не внѣшность, но сама дѣйствительность составляетъ мое мученіе.

Менелай.—Какие страшные взгляды бросаютъ твои засохшіе глаза!

Орестъ.—Тѣло мое пропало; но мое прозвище ¹⁾ мнѣ осталось.

Менелай.—О, я никакъ не ожидалъ найти Ореста такимъ обезображенныемъ.

Орестъ.—Это я, убійца моей несчастной матери.

Менелай.—Мнѣ это говорили: будь умѣренъ въ подробностяхъ этого рокового событія.

Орестъ.—Я буду умѣренъ; но судьба щедро надѣлила меня несчастіями.

Менелай.—Что ты чувствуешь? Какая болѣзнь тебя снѣдастъ?

Орестъ.—Совѣсть, потому что я сознаю то, что сдѣлалъ.

Менелай.—Что ты хочешь сказать? Я называю мудрымъ то, что ясно, а не то, что темно.

Орестъ.—Болѣе всего меня пожираетъ скорбь...

Менелай.—Страшная богиня! Но все-таки ее можно умилостивить.

Орестъ.—И мстительныя Фуріи моей матери.

Менелай.—И когда началась эта ярость? въ какой день?

Орестъ.—Въ тотъ день, когда я положилъ въ гробницу мою несчастную мать.

¹⁾ Прозвище отцеубійцы.

Менелай.—Было это во дворцѣ или у костра?

Орестъ.—Ночью, когда я выжидалъ удобнаго времени собрать ея останки.

Менелай.—Былъ кто-нибудь съ тобою, чтобы поддержать твое ослабѣвшее тѣло?

Орестъ.—Пиладъ былъ тамъ, Пиладъ, принимавшій участіе въ убійствѣ и въ крови моей матери.

Менелай.—Что это за тѣни, которыя осаждаютъ тебя?

Орестъ.—Мнѣ кажется, что я вижу трехъ женщинъ, подобныхъ ночи.

Менелай.—Я знаю, о комъ ты говоришъ, но я воздержусь назвать ихъ.

Орестъ.—Онѣ ужасны; ты поступаешь мудро, что не произносишь ихъ имени.

Менелай.—Это онѣ беспокоятъ тебя въ наказаніе за убійство!

Орестъ.—О! я жертва ихъ жестокихъ преслѣдованій.

Менелай.—Что удивительного въ томъ, что ты чувствуешь зло, совершивъ его?

Орестъ.—Но у меня есть извиненіе для своего проступка...

Менелай.—Не говори о смерти своего отца: извиненіе не достаточное.

Орестъ.—Фебъ приказалъ мнѣ пролить кровь моей матери.

Менелай.—Дѣлая это, онъ не различалъ, что прекрасно и справедливо.

Орестъ.—Я повинуюсь богамъ, каковы бы они ни были.

Менелай.—И послѣ этого Фебъ не облегчаетъ твоихъ страданій?

Орестъ.—Онъ медлитъ помочь мнѣ: такъ всегда поступаютъ боги.

Менелай.—Сколько времени, какъ мать твоя испустила духъ?

Орестъ.—Тому три дня: пепель костра ея еще тепель.

Менелай.—Богини слишкомъ поторопились требовать у тебя крови твоей матери!

Орестъ.—Для дорогихъ мнѣ людей я былъ другомъ, если не мудрымъ, то искреннимъ.

Менелай.—Какой плодъ принесла тебѣ месть за твоего отца?

Орестъ.—До сихъ порь никакого; а медлить для меня все равно, что ничего не дѣлать.

Менелай.—Какъ относится къ тебѣ городъ послѣ подобнаго поступка?

Орестъ.—Меня ненавидятъ до такой степени, что никто не говорить со мною.

Менелай.—Не очистиль-ли ты, по закону, крови, оскверняющей твои руки?

Орестъ.—Нѣть: меня выгоняютъ изъ всѣхъ домовъ, куда я являюсь ^{1).}

Менелай.—Какие граждане требуютъ твоего изгнанія?

Орестъ.—Эаксъ ²⁾, обрушившій на моего отца ненависть за все то, что произошло подъ Троей.

Менелай.—Понимаю: онъ мстить тебѣ за смерть Паламеда.

Орестъ.—Я не повиненъ въ ней и погибаю за трехъ виновныхъ ^{3).}

Менелай.—Кто еще тебя преслѣдуетъ? не одинъ-ли изъ друзей Эгиста?

Орестъ.—Тѣ, которымъ городъ теперь повинуется, осыпаютъ меня оскорблѣніями.

Менелай.—Оставляетъ за тобою городъ скипетръ твоего отца?

Орестъ.—Могу-ли я царствовать, когда они не хотятъ оставить мнѣ жизнь!

Менелай.—Что они хотятъ сдѣлать, о чемъ-бы ты могъ сообщить мнѣ съ увѣренностью?

Орестъ.—Сегодня-же будуть собирать голоса противъ меня.

¹⁾ Для очищенія надобно было подойти въ умоляющей позѣ къ очагу другаго дома.

²⁾ Эаксъ былъ братъ Паламеда.

³⁾ Одиссея, Діомеда и Агамемнона.

Менелай.—Чтобы изгнать тебя или рѣшить, долженъ-ли ты жить или умереть!

Орестъ.—Долженъ-ли я быть побитъ каменьями моихъ согражданъ.

Менелай.—И ты не бѣжишь за предѣлы этой страны?

Орестъ.—Люди, вооруженные и въ свинцовыхъ броняхъ, окружаютъ насъ со всѣхъ сторонъ.

Менелай.—Это враги твои, дѣйствующіе отъ своего имени или общественная сила Аргоса?

Орестъ.—Это все граждане; однимъ словомъ, они хотятъ моей смерти.

Менелай.—О! несчастный! ты дошелъ до послѣдней степени несчастія.

Орестъ.—Я надѣюсь найти въ тебѣ убѣжище отъ несчастія. Ты, съ которымъ счастье неразлучно, подѣлись своимъ благополучиемъ съ друзьями, отягченными горемъ; вместо того, чтобы беречь для одного себя преимущества, которыми ты пользуешься, присоединись, въ свою очередь, къ нашему горю и заплати кому слѣдуетъ дань благодарности, которую ты обязанъ моему отцу. Оставлять своихъ друзей въ несчастіи значитъ быть другомъ только по имени.

Хоръ.—Вижу спартанца Тиндара, идущаго такъ быстро, какъ то позволяетъ ему старость: его черная одежда, его бритая голова свидѣтельствуютъ о траурѣ, въ который его погружаетъ смерть дочери.

Орестъ.—Я пропалъ, Менелай: Тиндаръ идетъ, тотъ самый Тиндаръ, присутствія которого я болѣе всего боюсь послѣ того, что я сдѣлалъ. Онъ вѣдь заботился обо мнѣ въ дѣствѣ и постоянно ласкалъ сына Агамемнона, котораго носилъ на рукахъ. Леда дѣлала тоже самое, и оба нѣжили меня наравнѣ съ Диоскурами. О! я несчастный! съ извращеннымъ сердцемъ! какъ постыдно отплатить я имъ за ихъ заботы! Нѣть-ли гдѣ мрака, куда-бы я могъ скрыть свое лицо? Чѣмъ покрыться мнѣ, чтобы избѣжать взглядовъ этого старика?

Тиндаръ.—Гдѣ-же, гдѣ найду я супруга своей дочери, Менелая? Я былъ на могилѣ Клитемнестры съ возліяніями,

когда узналъ, что ты, цѣль и невредимъ, пріѣхалъ въ Навплю съ своей супругой послѣ столькихъ лѣтъ отсутствія. Ведите меня къ нему: я хочу стать направо отъ него и привѣтствовать друга, котораго не видѣлъ такъ давно.

Менелай.—Привѣтъ тебѣ, стариkъ, ложе котораго раздѣлялъ Зевсъ!

Тиндарь.—Привѣтъ тебѣ, Менелай, зять мой!.. Небо! какъ ужасно не имѣть возможности предвидѣть события! Этотъ убийца свой матери, эта змѣя, наполняющая меня ужасомъ, бросаешь, при входѣ во дворецъ, нечистый огонь своихъ взоровъ! Менелай, неужели ты осмѣливаешься говорить съ этимъ безбожнымъ чудовищемъ?

Менелай.—Отчего-же нѣть? это сынъ брата, котораго я любилъ.

Тиндарь.—Онъ, его сынъ? Онъ, убийца?

Менелай.—Да, его сынъ; если онъ несчастенъ, то надо жалѣть его.

Тиндарь.—Ты сдѣлался варваромъ, благодаря жизни среди варваровъ.

Менелай.—Эллинамъ свойственно почитать тѣхъ, съ кѣмъ связываютъ ихъ узы крови.

Тиндарь.—Точно также, какъ не желать возвышаться надъ законами.

Менелай.—Въ глазахъ мудрыхъ все, что дѣлается по принужденію—раболѣпно.

Тиндарь.—Пусть это будетъ твоимъ правиломъ, но не моимъ.

Менелай.—Гнѣвъ, тебя воодушевляющій, вмѣстѣ со страстью, лишаетъ тебя всякой мудрости.

Тиндарь.—При чемъ можетъ быть мудрость въ разговорѣ съ этимъ несчастнымъ? Если всѣ ясно отличаютъ, что прекрасно и что нѣть, то не былъ-ли онъ самымъ глупымъ изъ людей, если не разобралъ того, что справедливо, и не сообразовался съ закономъ, общимъ для всѣхъ Эллиновъ? Когда Агамемнонъ лишенъ былъ жизни, пораженный въ голову моей дочерью (поступокъ гнусный, котораго я никоуда не одобрю), онъ долженъ былъ пре-

слѣдоватъ преступленіе, требовать справедливаго возмездія и изгнать мать изъ дома; горе помогло-бы ему прослыть мудрымъ; онъ-бы подчинился закону и явилъ-бы благочестивымъ, между тѣмъ, какъ теперь онъ впалъ въ ту же крайность, что и его мать: ибо, справедливо называя ее злой, онъ самъ сдѣлался еще злѣе, убивъ ту, которая дала ему жизнь. Позволь, Менелай, предложить тебѣ одинъ вопросъ: если женщина, соединенная съ этимъ человѣкомъ, погубить его, а сынъ его, въ свою очередь погубить мать и затѣмъ наслѣдникъ отцеубийцы отомстить смертью за смерть, то когда кончатся эти злодѣянія? Отцы наши установили мудрые законы по этому поводу: всякому, чьи руки замараны кровью, они не позволяли показываться никому на глаза; они хотѣли, чтобы онъ очистился изгнаніемъ, а не убиваль въ свою очередь: такъ какъ всегда найдется человѣкъ, обреченный на желѣзо убийцы, чтобы послѣднему омыть руки въ крови. Что касается до меня, то я ненавижу нечестивыхъ женщинъ и первую мою дочь за то, что она убила своего супруга; не похвалю я также и Елену, твою супругу, не обращусь къ ней съ рѣчью и не одобрю тебя, что ты былъ въ Троѣ изъ-за такой злой женщины; но я защищаю законъ и желаю прекратить этотъ грубый кровожадный обычай, который губить и города, и государства. О! что ты чувствовалъ, несчастный, когда твоя мать, умоляя тебя, обнажила свою грудь? Я, не бывшій свидѣтелемъ преступленія, я чувствую, бѣдный старикъ, какъ слезы орошаютъ мои глаза. Одинъ фактъ можетъ подтвердить мои слова! Ты ненавидимъ богами; твое бѣшенство и ужасы, тебя преслѣдующіе, не болѣе какъ удовлетвореніе, данное твоей матери. Знай-же, Менелай, что ты поступаешь противъ воли боговъ, желая помочь этому несчастному. Пусть онъ погибнетъ, побитый каменьями своихъ согражданъ, или не вступаетъ болѣе на почву Спарты ¹⁾. Дочь моя, погибая, получила то, что заслужила; но не отъ руки сына должна она была по-

¹⁾ Спарта была приданымъ Елены.

гибнуть. За исключениемъ своихъ дочерей, я счастливый смертный; но въ этомъ отношеніи судьба ко мнѣ не была милостива.

Хоръ.—Тотъ достоинъ зависти, кто счастливъ въ своихъ дѣтяхъ и не переносить изъ-за нихъ большихъ несчастій.

Орестъ.—О старецъ! я страшусь говорить при тебѣ, такъ какъ принужденъ огорчить твое сердце. Пусть удалится твоя старость, леденящая мой языкъ, и оставить свободное поле моей рѣчи: тогда я буду продолжать; но я боюсь твоихъ сѣдыхъ волосъ. Да, я нечестивъ, что убилъ свою мать; но, съ другой стороны, я богообоязнь, такъ какъ отомстилъ за отца. Что мнѣ было дѣлать? Поставь ихъ обоихъ другъ противъ друга: отецъ мой зародилъ меня, твоя дочь произвела меня на свѣтъ; поле зацѣвается посторонней рукой, но безъ отца дитя никогда бы не существовало. Изъ этого я заключилъ, что долженъ быть скорѣе помочь первому виновнику моего бытія, чѣмъ той, которая вскорила меня. Дочь твоя (которую я остерегусь называть своей матерью), повинуясь одному только своему разуму, вступила въ преступную связь и вошла въ чужое ложе: я позорю себя, ее обвиняя, однако буду продолжать. Эгистъ былъ супругъ, скрываемый ею во дворцѣ; я его убилъ, а съ нимъ и мать свою: поступокъ нечестивый, правда, но мстяще за отца. Выслушай теперь, какую услугу окказалъ я этимъ всей Элладѣ, для которой я долженъ быть побить каменьями, какъ ты мнѣ угрожаешь. Если женщины должны быть настолько дерзки, чтобы убивать своихъ мужей и потомъ искать убѣжища у дѣтей, возбуждая ихъ сочувствіе видомъ материнской груди, то имъ ничего не будетъ значить убить мужа изъ-за малѣйшаго неудовольствія противъ него. Этимъ отвратительнымъ поступкомъ, какъ ты его снисходительно называешь, я положилъ сразу конецъ подобному злоупотребленію. Я убилъ свою мать, которую справедливо не-навидѣлъ, ее, измѣнившую супругу, уѣхавшему далеко отъ своего дома для защиты дѣла всей Эллады и осквернившую супружеское ложе. Чувствуя себя виновной, она сама себя не наказала и, чтобы избавиться отъ мести

своего мужа, она погубила моего отца. Во имя боговъ! (я не правъ, что призываю боговъ, защищаясь въ убийствѣ) если-бы я своимъ молчаниемъ одобрилъ поведеніе своей матери, то что-бы сдѣлала жертва? Не внушиль-ли бы я ей къ себѣ ужаса? Не направила-ли бы она на меня всѣхъ Фурій? или неужели эти богини должны были прийти на помощь моей матери и покинуть того, который потерпѣлъ гораздо больше? Это ты, старикъ, давъ жизнь испорченной дочери причинилъ мою погибель: изъ-за ея дерзости я лишился отца и сдѣлался матереубійцей. Посмотри: Телемахъ не убилъ супругу своего отца, потому что она не взяла пріемника своему супругу и осталась върна супружеской клятвѣ. Смотри! Аполлонъ, въ своемъ храмѣ, въ центрѣ земли, даетъ смертнымъ свои непреложные оракулы; что бы онъ ни приказалъ, мы ему повинуемся. И вотъ, изъ повиновенія ему, я и убилъ свою мать. Считайте-же его нечестивымъ и убивайте его: онъ виноватъ, а не я. Что я долженъ быть дѣлать? Неужели Богъ, на которого я могу сослаться, не можетъ омыть меня отъ пятна? Есть-ли возможность спастись, если приказавшій не избавить меня отъ смерти? Не говори-же, что этотъ поступокъ былъ несправедливъ; скажи лучше, что результатъ его былъ печаленъ для его виновника. Смертные, счастливые въ выборѣ своихъ супругъ, могутъ разсчитывать на благополучное существование; сдѣлавшіе дурной выборъ несчастны какъ въ своемъ домѣ, такъ и внѣ его.

Хоръ.—Женщины всегда запутываютъ судьбу мужчинъ и препятствуютъ ихъ счастью.

Тиндаръ.—Такъ какъ дерзость твоя дошла до того, что, вмѣсто того, чтобы понизить свой голосъ, ты даешь мнѣ отвѣтъ, раздирающій мое сердце, то этимъ только заставляешь меня ускорить казнь: это будетъ прекрасное дополненіе къ дѣлу, призвавшему меня сюда для украшенія могилы моей дочери. Я пойду къ собравшимся аргейцамъ, возбужу весь городъ противъ твоей сестры и тебя, и уговорю предать тебя на побитіе камнями. Электра болѣе тебя заслуживаетъ смерти; она вооружила тебя противъ матери.

безпрестанно нашептывая тебѣ рѣчи, способная раздражить тебя, рассказывая тебѣ сны, посылаемые Агамемномъ и напоминая о тайной связи съ Эгистомъ (которую пусть ненавидятъ боги преисподней, также какъ она была гнусна на землѣ), пока не воспламенила этотъ домъ пламенемъ, не зажженнымъ Гефойстомъ. Ты-же, Менелай, выслушай, что я скажу тебѣ и что я непремѣнно сдѣлаю: если ты во что нибудь ставишь мою непріязнь и дорожишь узами, насть связывающими, то не старайся противъ воли боговъ избавить его отъ смерти: пусть онъ будетъ побить своими согражданами или болѣе не вступаетъ на Спартанскую почву. Выслушай и запомни мои слова, не отказывайся отъ друзей благочестивыхъ для людей нечестныхъ. Вы, рабы, уведите меня отъ этого дворца.

Орестъ.—Уходи, чтобы, избавившись отъ твоей старости, я покойно могъ продолжать свой разговоръ съ нимъ.—Менелай, зачѣмъ ходить тебѣ во всѣ стороны съ озабоченнымъ видомъ, предаваясь двумъ противоположнымъ чувствамъ?

Менелай.—Оставь меня; я раздумываю и не знаю, на чёмъ мнѣ остановиться.

Орестъ.—Ничего еще не рѣшай; прежде выслушай меня, потомъ ты разсудишь.

Менелай.—Говори: ты правъ: есть случай, когда безмолвіе лучше словъ; въ другихъ случаяхъ слова лучше безмолвія.

Орестъ.—Я буду говорить: длинная рѣчь предпочитительнѣе слишкомъ короткой и придаетъ уму болѣе ясности. Не давай мнѣ, Менелай, ничего, что должно принадлежать тебѣ; отдай мнѣ лишь то, что ты получилъ и что имѣешь отъ моего отца. Я не говорю о богатствахъ, если ты спасешь мою жизнь, то спасешь сокровище, которымъ я дорожу всего болѣе. Если я не правъ, то чтобы загладить зло, ожидающее меня, я хочу, чтобы ты защищалъ меня даже противъ справедливости. Вѣдь отецъ мой Агамемонъ несправедливо вооружилъ всю Элладу противъ Трои, только для того, чтобы искать удовлетворенія

за преступлениe твоей супруги. Отплати же мнъ за преданность, выказанную имъ тебѣ, и для моего спасенія употреби, я не говорю десять лѣтъ, но только одинъ день. Что касается до жертвы моей сестры, кровь которой была разлита въ Авлидѣ *), то я тебѣ прощаю ее и не требую, чтобы ты убивалъ Эрміону. Въ положеніи, въ которое меня повергла судьба, я долженъ быть снисходителенъ и отдать тебѣ лучшую часть; подари моему несчастному отцу мою жизнь и жизнь моей сестры, старѣющей въ безбрачіи. Вспомни, что если я умру, то оставлю родительскій домъ безъ потомства. Моя просьба невозможна, скажешь ты? Оттого-то въ подобныхъ случаяхъ друзья и должны помогать другъ другу. Когда судьба намъ благопріятна, то какая намъ нужда въ друзьяхъ? Намъ достаточно одной милости боговъ. Ты слышишь между всѣми эллинами за мужа, любящаго свою жену; я говорю тебѣ это не для того, чтобы подкупить тебя лестью: но умоляю тебя ея именемъ. О! я несчастный! до чего я дошелъ! Но за что я долженъ подвергнуться этому ужасу? я молю для всего своего рода. О, мой дядя, о братъ моего отца, подумай, что мертвый Агамемнонъ слышитъ меня изъ нѣдра земли и что тѣнь его, летающая надъ творю головою, говорить моими устами. Среди слезъ, стенаній, несчастій, я обратился къ тебѣ съ мольбою о своемъ избавленіи, добиваясь того, чего, какъ и я, ищутъ всѣ люди.

Хоръ.—И я, хотя и женщина, тоже умоляю тебя помочь находящимся въ бѣдѣ, такъ какъ ты это можешь сдѣлать.

Менелай.—Орестъ, я чту тебя и сочувствую твоему горю: ибо нашъ долгъ принимать участіе въ страданіяхъ нашихъ родныхъ, если небо даетъ намъ власть, и умирать за нихъ или убивать ихъ враговъ; но надо, чтобы боги дали мнѣ эту власть. Я только что пріѣхалъ, имѣя только одно свое копье, лишенный вспомогательныхъ коней и въ сопровожденіи небольшаго количества друзей, избѣжавшихъ смерти. Намъ не восторжествовать оружiemъ

¹⁾ Ифигеніи.

Эврипидъ.

надъ Аргосомъ, древнимъ городомъ Пелазговъ: у нась осталась одна надежда склонить его кроткими рѣчами. Какъ возможно съ небольшими средствами побѣдить могущественную силу? безуміе — желать этого. Когда гнѣвъ народа въ полномъ разгарѣ, онъ подобенъ огню слишкомъ сильному, чтобы быть потушеннымъ; но если, выжиданъ удобной минуты, уступить его требованіямъ, то онъ можетъ и утихнуть; и, когда дуновеніе его гнѣва падетъ, то легко можно получить все, чего желаемъ. Я пойду постараться убѣдить Тиндара и гражданъ этого города умѣрить свой гнѣвъ относительно тебя. Корабль, парусъ котораго слишкомъ натянутъ, исчезаетъ въ волнахъ; онъ поднимется, если отпустятъ веревки. Богъ не терпитъ чрезмѣрного усердія, оно противно и гражданамъ. И такъ, мнѣ необходимо (я говорю серьезно) спасти тебя осторожностью, а не открытымъ сопротивленіемъ тѣмъ, кто сильнѣе меня. Не силою оружія, какъ ты, быть можетъ, воображаешь, я спасу тебя; такъ какъ съ однимъ копьемъ не легко восторжествовать надъ окружающими тебя несчастіями. Иначе я не сталъ-бы стараться побѣдить городъ Аргосъ кротостью; но необходимость требуетъ, чтобы мы были послушными рабами судьбы. (Уходитъ).

Орестъ.—Иди, ты годишься только на то, чтобы вести войско на битву изъ-за женщины! О, самый подлый изъ людей, когда приходится мстить за друзей! Ты бѣжишь и отворачиваешься отъ меня! Благодѣянія Агамемнона забыты. О, отецъ мой! у тебя, значитъ, нѣть друзей, среди несчастія. Увы! Я преданъ и потерялъ всякую надежду избѣжать казни, которую мнѣ готовятъ Аргейцы: вѣдь этотъ человѣкъ былъ моимъ единственнымъ якоремъ спасенія. Но я вижу лучшаго изъ смертныхъ, Пилада, поспѣшно идущаго изъ страны Фокейцевъ. Какъ его присутствіе мнѣ пріятно! Видъ друга, вѣрнаго въ несчастіи, имѣеть для нась болѣе прелести, чѣмъ тихая и ясная погода для моряковъ.

Пиладъ.—Я пробѣжалъ городъ съ большею поспѣшностью, чѣмъ то слѣдовало, при извѣстіи, подтвержденномъ вскорѣ свидѣтельствомъ моихъ глазъ, что граждане

собираются, съ цѣлью погубить твою сестру и тебя. Что это значитъ? Каково твое положеніе, твое несчастье, самый дорогой изъ моихъ сверстниковъ, моихъ друзей, моихъ родныхъ! Въ тебѣ одномъ заключается для меня все это.

Орестъ.—Мы пропали: эти немногія слова откроютъ тебѣ мои несчастія.

Пиладъ.—Твоя гибель будетъ и моею: вѣдь между нами все общее.

Орестъ.—Менелай былъ для меня и моей сестры самымъ подлымъ изъ людей.

Пиладъ.—Ничего не можетъ быть естественнѣе; злой женщина—злой мужъ.

Орестъ.—Его присутствіе здѣсь пригодилось мнѣ также мало, какъ еслибы онъ совсѣмъ не пріѣзжалъ сюда.

Пиладъ.—Онъ дѣйствительно пріѣхалъ сюда?

Орестъ.—Онъ медлилъ съ возвращеніемъ, но одной минуты было достаточно, чтобы показать его измѣнникомъ своимъ друзьямъ.

Пиладъ.—Пріѣхалъ онъ съ своей коварной супругой?

Орестъ.—Не онъ привезъ ее, а она привезла супруга.

Пиладъ.—Гдѣ она, гдѣ эта женщина, одна, погубившая столько Эллиновъ?

Орестъ.—Въ моемъ дворцѣ, если я могу называть его своимъ.

Пиладъ.—А что сказалъ ты брату своего отца?

Орестъ.—Просилъ не допустить насы погибнуть, мою сестру и меня, отъ руки нашихъ согражданъ.

Пиладъ.—Во имя боговъ, что онъ отвѣчалъ? Я желаю знать это.

Орестъ.—Онъ выказалъ осторожность, какъ то обыкновенно дѣлаютъ всѣ ложные друзья.

Пиладъ.—На что онъ сослался? Только-бы мнѣ это узнать и я все пойму.

Орестъ.—Отецъ этихъ добродѣтельныхъ дочерей пришелъ къ намъ.

Пиладъ.—Тиндаръ, говоришь ты? разсерженный, конечно, противъ убийцы своей дочери?

Орестъ.—Ты угадалъ; а Менелай изъ двухъ родственниковъ предпочтель моему отцу Тиндара.

Пиладъ.—И, будучи свидѣтелемъ твоего несчастія, онъ не осмѣлился защитить тебя?

Орестъ.—Нѣтъ; вѣдь онъ не воинственъ и у него хватаетъ мужества только для женщинъ.

Пиладъ.—И такъ, твое несчастье дошло до крайности и ничто не можетъ спасти тебя отъ смерти?

Орестъ.—Граждане должны произнести приговоръ на счетъ убийства, въ которомъ меня обвиняютъ.

Пиладъ.—Каковъ будетъ приговоръ? скажи мнѣ: ибо я дрожу отъ страха.

Орестъ.—Жизнь или смерть: мало словъ, но говорять они много.

Пиладъ.—Бѣги-же и покинь съ сестрой этотъ дворецъ.

Орестъ.—Развѣ ты не видишь? Стража охраняетъ насъ со всѣхъ сторонъ.

Пиладъ.—Я замѣтилъ на городскихъ улицахъ вооруженныхъ людей.

Орестъ.—Мы осаждены, какъ городъ, окруженный непріятелемъ.

Пиладъ.—Хочешь ты знать, что со мною случилось? И я тоже погибъ.

Орестъ.—Какъ? Еще новое несчастіе присоединяется къ моимъ горестямъ?

Пиладъ.—Мой отецъ Строфій, въ гнѣвѣ выгналъ меня изъ дома.

Орестъ.—Имѣеть онъ противъ тебя что-нибудь особенное или обвиняетъ въ преступленіи, касающемся всего города?

Пиладъ.—Онъ объявилъ меня нечестивцемъ за принятие участія въ убийствѣ твоей матери.

Орестъ.—Несчастный! Оказывается, что мои страданія еще падаютъ и на тебя.

Пиладъ.—Я не похожъ на Менелая: надо покориться.

Орестъ.—Не опасаешься ли ты, что городъ Аргосъ не погубить тебя вмѣстѣ со мною?

Пиладъ.—Не Аргейцы, а Фокійцы могутъ меня наказывать.

Орестъ.—Толпа страшна, когда повинуется извращеннымъ вождямъ.

Пиладъ.—Но когда она попадаетъ на честныхъ, то всегда береть сторону добродѣтели.

Орестъ.—Положимъ. Надо разсудить сообща.

Пиладъ.—О какомъ-либо полезному намѣреніи?

Орестъ.—Если-бы я объявилъ гражданамъ...

Пиладъ.—Что ты поступиль справедливо?

Орестъ.—Мстя за моего отца.

Пиладъ.—Можетъ случиться, что тутъ-же и схватятъ тебя.

Орестъ.—Но долженъ я, развѣ, поддаться страху и умереть молча?

Пиладъ.—Это было-бы подло.

Орестъ.—Что же дѣлать?

Пиладъ.—Есть у тебя какая-либо надежда на спасеніе, если ты останешься здѣсь?

Орестъ.—Никакой.

Пиладъ.—Надѣешься-ли ты, пойдя на собраніе, избавиться отъ мученій?

Орестъ.—Случай можетъ привести къ этому.

Пиладъ.—Въ такомъ случаѣ лучше идти, чѣмъ оставаться.

Орестъ.—И такъ, я пойду.

Пиладъ.—Если ты умрешь тамъ, смерть твоя будетъ почетнѣе.

Орестъ.—По крайней мѣрѣ, я буду защищать справедливое дѣло.

Пиладъ.—Желай только, чтобы оно такимъ показалось.

Орестъ.—Ты правъ: это поможетъ мнѣ избѣгнуть упрека въ подлости.

Пиладъ.—Скорѣе, чѣмъ оставаясь здѣсь.

Орестъ.—Быть можетъ, кто-нибудь будетъ растроганъ...

Пиладъ.—Твое происхожденіе много значить.

Орестъ.—Жалѣя участъ моего отца...

Г. Б. Ч. Г.

Пиладъ.—Все это бросается въ глаза.

Орестъ.—Пойдемъ: безславно умереть недостойно мужчины.

Пиладъ.—Я одобряю тебя.

Орестъ.—Извѣстимъ мы сестру о нашемъ намѣреніи?

Пиладъ.—Не дѣлай этого, во имя боговъ,

Орестъ.—Польются слезы.

Пиладъ.—Это предзнаменование, имѣющее свою важность.

Орестъ.—Дѣйствительно, лучше молчать.

Пиладъ.—Этимъ ты выиграешь время.

Орестъ.—Я боюсь только одного.

Пиладъ.—Какое новое препятствіе тебя останавливаетъ?

Орестъ.—Я боюсь, чтобы богини не наполнили меня ихъ бѣшенствомъ.

Пиладъ.—Я буду наблюдать за тобой.

Орестъ.—Тяжело прикасаться къ больному.

Пиладъ.—Не мнѣ, когда дѣло косается тебя.

Орестъ.—Страшись заразиться моимъ бѣшенствомъ.

Пиладъ.—Пусть будетъ, что будетъ.

Орестъ.—И такъ, ты не поколеблешься?

Пиладъ.—Колебаніе самый великий бичъ дружбы.

Орестъ.—Пойдемъ-же и будь кормчимъ, направляющимъ мои стопы.

Пиладъ.—Эта обязанность радуетъ мое сердце.

Орестъ.—Веди меня къ гробницѣ моего отца.

Пиладъ.—Что ты тамъ хочешь дѣлать?

Орестъ.—Просить его спасти меня.

Пиладъ.—Это долгъ.

Орестъ.—Только-бы мнѣ не увидать могилы моей матери!

Пиладъ.—Да, потому что она была твоимъ врагомъ. Но торопись идти, пока голоса Аргейцевъ не осудили тебя. Облокотись на меня своимъ тѣломъ, ослабленнымъ болѣзняю: я хочу нести тебя по городу, не обращая вниманія на толпу и не краснѣя за подобную ношу. Да и какъ-же мнѣ выказать тебѣ свою дружбу, если я не помогу тебѣ въ столь прискорбныхъ обстоятельствахъ?

Орестъ.—Справедливо говорятъ: имѣйте друзей, а не только однихъ родныхъ. Дружба человѣка, сердце котораго сливается съ нашимъ, будь онъ даже чужестранецъ, стоитъ дороже тысячи родственниковъ.

Хоръ.—Высокое счастье и слава, которыми сыны Атрея гордились въ Элладѣ и на берегахъ Симоса, были отвлечены отъ своего благополучнаго теченія и отброшены назадъ подъ вліяніемъ стариннаго несчастія, предыдущаго этотъ родъ съ того самаго дня, какъ золотой ягненокъ поссорилъ сыновей Тантала, когда начались отвратительные пиры и благородныя дѣти стали убиваемы; съ тѣхъ поръ убийство сменялось убийствомъ и безпрестанно кровь окрашивала родъ обоихъ Атридовъ. Безславное дѣло — убивать тѣло родственника рукой, вооруженной желѣзомъ, и представить взорамъ Геліоса мечь, обагренный кровью. Что я говорю! Это дѣло безбожное и преступное; безумный поступокъ бѣшенаго ума. Въ предсмертныхъ мученіяхъ дочь Тиндара воскликнула: «Сынъ мой, убивая мать, ты поступаешь нечестиво: изъ желанія угодить отцу, страшись навлечь на себя вѣчный позоръ». Есть-ли на землѣ большее несчастіе, болѣе справедливый поводъ для слезъ и состраданія, какъ кровь матери, проливаемая сыномъ? Виновникъ подобнаго злодѣянія, сынъ Агамемнона, страдаетъ припадками бѣшенства и бѣгає съ свирѣпыми глазами, предыдущемъ Фуріями, мстящими за преступленіе. Безумный! онъ видѣлъ материнскую грудь подъ золотой тканью и все-таки убилъ свою мать, чтобы отомстить за отца!

Электра.—Женщины, скажите мнѣ, не бросился-ли несчастный Орестъ изъ этого дворца въ одномъ изъ припадковъ ярости, въ которые ввергаютъ его боги.

Хоръ.—Нѣть, онъ отправился на народное аргоское собраніе, чтобы принять участіе въ преніяхъ, касающихся его жизни и которое рѣшилъ, должны-ли вы жить или умереть.

Электра.—Увы! что онъ сдѣлалъ? Кто далъ ему подобный совѣтъ?

Хоръ.—Пиладъ. Но вотъ вѣстникъ; отъ него ты узнаешьъ объ участіи твоего брата.

Вѣстникъ.—О несчастная! о злополучная дочь царя Агамемнона! Величественная Электра, узнай грустную новость, принесенную мною.

Электра.—Увы! мы пропали. Твои слова это ясно показываютъ: по всему видно, что ты пришель съятьить намъ несчастіе.

Вѣстникъ.—Постановленіе Аргейцевъ присудило вѣсть, тебя и брата, къ смерти.

Электра.—Небо! вотъ чего я уже давно боялась, вотъ чего я ждала, заливаясь слезами! Но скажи, какія пренія и какія рѣчи Аргейцевъ вызвали смертный приговоръ противъ насъ. Говори, стариkъ: побитая каменьями или желѣзомъ, должна я покончить свою жизнь, раздѣляя одну участь съ братомъ?

Вѣстникъ.—Я оставилъ поля и входилъ въ городъ, желая узнать обѣ Орестѣ и о тебѣ: я всегда былъ преданъ твоему отцу и твой родъ вскоришиль во мнѣ слугу бѣднаго, но всегда готоваго служить своимъ друзьямъ. Я увидѣлъ толпу направляющуюся къ холму, на который, по преданію, Данай, первый привлеченный къ дѣлу Египтомъ, созвалъ гражданъ на народное собраніе. При видѣ такого стеченія, я спросилъ одного гражданина: «Что такое происходитъ въ Аргосѣ? не известіе-ли какое отъ непріятеля взволновало весь городъ Даная?»—«Не видишь развѣ Ореста, идущаго на поддержаніе борьбы, въ которой задѣта его жизнь,—отвѣчалъ онъ?»—Тогда глазамъ моимъ представляется неожиданное зрѣлище и я молю боговъ никогда болѣе не видать его! Я увидѣлъ Пилада и твоего брата, приближающихся вмѣстѣ: одинъ убитый, истощенный болѣзнью; другой, словно братъ, огорченный не менѣе своего друга, ухаживающій за нимъ и ведущій его. Когда толпа Аргейцевъ была въ сборѣ, глашатай всталъ и сказалъ: «Кто хочетъ взять слово и рѣшить, долженъ-ли Орестъ жить или умереть послѣ убийства своей матери?»—Сейчасъ-же встаетъ Талеибій, сопровождавшій вашего отца въ Трою. Оставаясь на сторонѣ тѣхъ, у кого теперь въ рукахъ власть, онъ запутанно говорилъ, выхва-

ляя твоего отца, но не хваля брата—примѣшивая осуждения къ похвалѣ, онъ обвинялъ его въ установлениі пагубнаго примѣра для родителей; между тѣмъ, онъ не переставалъ бросать довольные взоры въ сторону друзей Эгиста. Такова ужь порода глашатаевъ: удача влечетъ ихъ къ себѣ; ихъ другъ—человѣкъ, могущественный въ государствѣ и облаченный общественными отличіями. Послѣ него говорилъ царь Діомедъ: онъ не хотѣлъ, чтобы васъ съ братомъ убивали и, для удовлетворенія религіознаго долга, предлагалъ наказать васъ изгнаніемъ. Громадное волненіе послѣдовало за этими словами, понравившимися однимъ, возмутившими другихъ. Затѣмъ всталъ необузданный болтунъ, сильный своею дерзостью, плохой Аргеецъ, силою вошедшій въ составъ города,—расчитывавшій на невоздержанность и беспорядочность своего языка и который непремѣнно ввергнетъ аргейцевъ въ какія-нибудь несчастія¹⁾. Ибо, когда убѣждаетъ толпу человѣкъ, рѣчь котораго пріятна, а умъ одушевленъ дурнымъ чувствомъ, то это большое несчастіе для государства. Но люди, дающіе честные совѣты, внущенные мудростью, если и не выслушиваются въ данную минуту, то впослѣдствіи всегда пригождаются государству. Вотъ съ этой-то точки слѣдуетъ всегда судить о вождѣ народа: такъ какъ ораторъ то-же, что врачъ. И такъ, нашъ Аргеецъ стоялъ за то, чтобы вы съ Орестомъ были побиты каменьями. Тиндаръ внушалъ подобная рѣчи всѣмъ, обрекавшимъ васъ на смерть. Поднялся другой гражданинъ, поддерживавшій противоположную сторону: обиженный природою, но одаренный мужественнымъ сердцемъ, посыщающій мало городъ и общественные собранія, это былъ одинъ изъ тѣхъ простолюдиновъ, которые одни спасаютъ государства, къ тому же, искусный въ ораторскомъ состязаніи, когда то ему бываетъ угодно, неподкупный и съ незапятнанной жизнью. Онъ предложилъ наградить Ореста, сына Агамемнона, за то, что онъ,

¹⁾ Полагаютъ, что это портрѣтъ нѣкогого Клеофона, въ то время весьма вліятельнаго въ Аѳинахъ. См. Аристофанъ, „Лягушки“.

отомстивъ за отца, убиль злую и нечестивую женщину, бывшую причиною того, что никто, пожалуй, не захочеть надѣть вооруженія и отправиться въ походъ далеко отъ своего очага, если остающіяся портять охранительницъ домовъ и оскверняютъ супружеское ложе. Люди порядочные одобрили эту рѣчь и затѣмъ никто уже болѣе не говорилъ. Твой братъ подошелъ и сказалъ: «Жители земли Инакской, прежде Пелазги, а теперь Данайцы! убивая свою мать, я защищалъ васъ также, какъ и своего отца. Ибо, если позволено будетъ женщинамъ убивать мужчинъ, то вскорѣ или вы будете убиты, или по неволѣ сдѣлаетесь рабами своихъ женъ. Вы сдѣлаете противоположное тому, что должны дѣлать. Женщина, измѣнившая вѣрности, въ которой поклялась моему отцу, погибла; но, если вы осудите меня на смерть, вы уничтожите примѣръ, мною введенныи, и не одинъ изъ васъ будетъ вскорѣ убитъ: ибо подобная покушенія перестанутъ быть рѣдкими». Казалось, онъ былъ правъ, но не убѣдилъ народа и побѣда осталась за злымъ закономъ, предложившимъ убить васъ обоихъ. Едва несчастному Оресту удалось вымолить не быть побитымъ каменьями: онъ обѣщалъ сегодня же убить себя и тебя. Пиладъ, весь въ слезахъ, ведѣть его изъ собранія: его друзья сопровождаютъ его, плача и сокрушаясь о немъ. Грустное зрѣлище, великое злополучіе сейчасъ представится тебѣ. Приготовь кинжалъ или роковой шнурокъ: тебѣ приходится покинуть свѣтъ: благородство твоего происхожденія тебѣ ни къ чему не послужило, точно также, какъ и Пиѳийскій Фебъ, возсѣдающій на своемъ треножникѣ; напротивъ, именно онъ и погубилъ тебя.

Хоръ.—О несчастная дѣственница! съ мрачнымъ видомъ, съ глазами, опущенными въ землю, ты стоишь безгласная, точно готовая разразиться рыданіями и воплями.

Электра.—Я начинаю свои стенанія, о земля Пелазговъ, оставляя на своихъ щекахъ кровавые слѣды моихъ ногтей, терзая свою голову, согласно обычаю, освященному молодой и прекрасной богиней, живущей подъ зем-

лей, въ подземномъ царствѣ. Пусть земля Циклоповъ стонеть и губить подъ ударами желѣза свою голову, оплакивая несчастія нашего дома. Подобныя доказательства состраданія должны быть даваемы тѣмъ, которые теперь умрутъ и которые царствовали въ Элладѣ. Ичезъ, навсегда исчезъ весь родъ дѣтей Пелопса; онъ исчезъ, этотъ родъ, которому завидывали самые счастливые: завись боговъ его уничтожила также, какъ и нечестный и кровожадный приговоръ гражданъ Аргоса. О! скоро преходящіе роды, осужденные на слезы и страданія, смотрите, какъ судьба смеется надъ нашими надеждами; время, въ своемъ вѣчномъ теченіи, за несчастіемъ ведеть несчастіе, вся жизнь смертныхъ не болѣе какъ превратность. Отчего не могу я подняться до этого камня, висящаго между небомъ и землею, до этой воздушной скалы, прикованной къ Олимпу золотой цѣпью и уносимой быстрымъ вихремъ! Мой жалобный голосъ обратился бы къ Танталу, этому величественному старцу, породившему творцевъ моего дома, свидѣтелю столькихъ бѣдъ, видѣвшему день, когда Пелопсъ, ускоривъ полетъ своихъ крылатыхъ возницъ, переплылъ море на своей колесницѣ и бросилъ въ волны бездыханное тѣло Миртила, подлѣ Гересты, на берегъ, бѣгѣющій пѣной, по которому онъ несся. Отсюда-то пало на долю намъ это прискорбное проклятие, этотъ ягненокъ съ золотымъ руномъ, роковое чудо, украденное сыномъ Майи изъ стадъ Атрея. Отсюда скора, измѣнившая направленіе крылатой колесницы солнца, отдавъ Аврорѣ, сидящей на своемъ единственномъ конѣ, часть неба, на которой оно прежде заходило отсюда на новый путь, по которому слѣдуютъ семь Плеядъ. Пиръ, получившій отъ Феиста свое имя, женитьба Эроны, этой коварной Критянки, связанной коварнымъ гименеемъ, повели убийства за убийствами. Наконецъ, судьба, роковая для нашего дома, погубила моего отца и меня.

Хоръ.—Вотъ идетъ братъ твой, пораженный смертнымъ приговоромъ. Пиладъ, самый вѣрный изъ людей, ведеть его, какъ бы то сдѣлалъ родной братъ; онъ на-

правляетъ его нетвердые шаги и идетъ подлѣ него съ нѣжнымъ участіемъ.

Электра. — Увы! я рыдаю, видя тебя, братъ, у дверей гроба, у подножія погребального костра. Еще разъ, увы! въ послѣдній разъ устремляя на тебя мои взоры, я чувствую, какъ мѣшается умъ мой.

Орестъ. — Предоставь женщинамъ эти вопли и молча покорись велѣніямъ рока; они жестоки, но все-таки слѣдуетъ переносить эти муки.

Электра. — Но какъ могу я молчать? намъ, несчастнымъ, уже не дано любоваться свѣтомъ солнца.

Орестъ. — Не убивай меня своими жалобами: достаточно умирать по приговору аргейцевъ; удовольствуйся настоящими бѣдствіями.

Электра. — О, какъ я жалѣю твою молодость, Орестъ, твою судьбу и эту преждевременную смерть! Ты умираешь въ то время, какъ долженъ былъ бы жить.

Орестъ. — Во имя боговъ, не заражай меня свою слабостью, не растрагивай меня картиною нашихъ несчастій.

Электра. — Мы умремъ,—какъ-же не оплакивать наше несчастье? Всѣ люди жалѣютъ о сладкомъ существованіи.

Орестъ. — Сегодня роковой день: мы должны надѣять нашею роковой шнурокъ, или навострить ножъ.

Электра. — Убей-же меня самъ, братъ мой, чтобы ни одинъ аргеецъ, убивъ меня, не дотронулся до рода Агамемнона.

Орестъ. — Съ меня довольно крови моей матери, я не убью тебя; умирай отъ своей собственной руки и тою смертью, которую сама выберешь.

Электра. — Моя смерть вскорѣ послѣдуетъ за твою. Но я хочу обнять тебя.

Орестъ. — Пользуйся этимъ пустымъ удовольствіемъ, если для готовящихся къ смерти объятія могутъ составлять удовольствіе.

Электра. — О дорогой Орестъ! о братъ мой, самое сладкое имя для сестры,—ты, составляющій съ ней одну душу!

Орестъ. — Ты разрываешь мнѣ сердце: я хочу возвра-

тить тебе твои нѣжныя ласки. И отчего мнѣ, несчастному, краснѣть за нихъ? О грудь сестры, сладкое обѣятіе! въ нашемъ несчастіи этотъ послѣдній разговоръ замѣняетъ намъ семью и гименей.

Электра.—О! если-бы возможно было, чтобы одно и тоже желѣзо убило насть обоихъ; чтобы одна и также могила изъ кедроваго дерева заключила насть!

Орестъ.—Ничто не могло бы быть слаще этого; но ты видишь, у насть слишкомъ мало друзей, чтобы надѣяться на общую могилу.

Электра.—И этотъ коварный Менелай не говорилъ за тебя, не старался избавить тебя отъ смерти, этотъ человѣкъ, измѣнившій отцу моему?

Орестъ.—Онъ даже тамъ и не появлялся; но, обративъ свои надежды къ скипетру, онъ боится спасти жизнь своимъ друзьямъ. Ну, что же! умремъ мужественно, какъ подобаетъ дѣтямъ Агамемнона. Я покажу своимъ согражданамъ благородство моего рода, пронзивъ свое сердце мечемъ, а ты постараися подражать моей твердости. Ты-же, Пиладъ, будь судьей этого кроваваго поединка, воздай нашимъ тѣламъ погребальныя почести и похорони ихъ вмѣстѣ, снеся въ могилу моего отца. Прощай, я иду, какъ видишь, исполнить свое намѣреніе.

Пиладъ.—Остановись. Прежде всего я долженъ упрекнуть тебя въ томъ, что ты думалъ, что я соглашусь пережить тебя.

Орестъ.—Зачѣмъ-же тебе умирать вмѣстѣ со мною?

Пиладъ.—И ты спрашивашь это? Зачѣмъ-же мнѣ жить безъ твоей дружбы?

Орестъ.—Ты не убилъ своей матери, какъ несчастный Орестъ.

Пиладъ.—Я принималъ участіе въ твоемъ убийствѣ. Значитъ, я долженъ раздѣлить твою участіе.

Орестъ.—Сбереги себя для отца, не умирай со мною. У тебя есть родина, а у меня ея нѣть болѣе, у тебя есть родительскій домъ и богатство, вѣрное убѣжище противъ несчастія. Такъ какъ ты обманулся въ союзѣ съ этой несчастной, которую я тебѣ обѣщалъ изъ ува-

женія къ нашей дружбѣ, то возьми другую супругу для обезпеченія своего потомства. Теперь, между нами болѣе не существуетъ никакой родственной связи. О ты, котораго я называю сладкимъ именемъ друга, будь счастливъ! Если для меня нѣтъ болѣе счастья, то оно есть для тебѣ: для мертвыхъ не существуетъ радости.

Пиладъ.—О! какъ ты далекъ отъ моихъ чувствъ! Пусть плодородная земля и блестящій эоиръ не примутъ моего тѣла ¹⁾, если я когда-либо измѣню тебѣ и покину тебя, устранись отъ опасности. Я принималъ участіе въ преступлѣніи, я этого отрицать не стану и посовѣтовалъ тебѣ все, за что тебя сегодня убиваютъ. Значить, я долженъ умереть съ тобою и съ нею. Такъ какъ я принялъ ея гименей, то смотрю на нее, какъ на законную супругу. Да, и что скажу я въ свою защиту, возвратясь въ Дельфы, въ столицу Фокійцевъ? Я былъ вашимъ другомъ до вашего несчастія и съ того дня, какъ счастье отвернулось отъ тебя, я вдругъ перестаю быть имъ! Нѣть, нѣть, я долженъ раздѣлить твою участіе. Но такъ какъ намъ надо умереть, то посовѣтуемся, какъ-бы намъ погубить съ собою Менелая.

Орестъ.—О самый дорогой изъ смертныхъ! какъ-бы увидать это прежде своей смерти.

Пиладъ.—Повѣрь-же мнѣ и не ускоряй минуты, когда тебѣ придется нанести смертельный ударъ.

Орестъ.—Я подожду, если мнѣ удастся отомстить своему врагу.

Пиладъ.—Молчи! я мало довѣряю женщинамъ.

Орестъ.—Ничего не бойся съ ихъ стороны: онѣ всѣ преданы намъ.

Пиладъ.—Убьемъ Елену и доставимъ этимъ глубокое горе Менелаю.

¹⁾ Пиладъ слѣдуетъ здѣсь учению, по которому различныя составные части человѣка должны послѣ его смерти соединиться съ элементами, изъ которыхъ онѣ произошли, землянныя части съ землею, а эфирныя съ эфиromъ.

Орестъ.—Но какъ? я готовъ это сдѣлать, если возможна удача.

Пиладъ.—Мы ее задушимъ. Она спрятана въ твоемъ дворцѣ.

Орестъ.—Да, и всюду уже приложены печати ¹⁾.

Пиладъ.—Но онѣ сломятся, когда ея супругомъ сдѣлается Гадесъ.

Орестъ.—Какъ мы это сдѣлаемъ? Она вѣдь окружена стражей варваровъ.

Пиладъ. Кто они? Какой-нибудь фригіецъ не заставить меня дрожать.

Орестъ.—Они то, чѣмъ могутъ быть люди, приставленные къ храненію зеркаль и духовъ.

Пиладъ.—Она, значитъ, привезла съ собой троянскую роскошь и изнѣженность?

Орестъ.—Эллада для нея только тѣсное и убогое жилище.

Пиладъ.—Рабъ ничто передъ человѣкомъ свободнымъ.

Орестъ.—Только-бы мнѣ удалось это дѣло и я соглашусь дважды умереть.

Пиладъ.—Такъ-же, какъ и я; только-бы мнѣ отомстить за тебя.

Орестъ.—Объясни твое предположеніе и кончай то, что началъ.

Пиладъ.—Мы войдемъ во дворецъ, какъ люди, готовящіеся къ смерти.

Орестъ.—До этихъ поръ я понимаю, но остальное ускользаетъ отъ меня.

Пиладъ.—Мы станемъ оплакивать при ней нашу несчастную участь.

Орестъ.—Чтобы вызвать у нея слезы, хотя она и будетъ радоваться въ глубинѣ сердца.

Пиладъ.—И наше горе будетъ столь-же искренно, какъ и ея.

Орестъ.—И затѣмъ, какъ-же начнемъ борьбу?

¹⁾ Печати, замѣнявшія замки, прикладывались къ комнатамъ, въ которыхъ хранились драгоценности.

Пиладъ.—Мы спрячемъ кинжалъ подъ одежду.

Орестъ.—Какъ-же мы убьемъ ее при стражѣ?

Пиладъ.—Мы удалимъ стражу, заперевъ различныя мѣста дворца.

Орестъ.—Если который-нибудь не захочетъ молчать, придется его убить.

Пиладъ.—Разъ приступивъ къ дѣлу, мы увидимъ, какъ надо дѣйствовать.

Орестъ.—Погибай, Елена! я понимаю то, что ты говоришь полусловами.

Пиладъ.—Ты понялъ меня. Выслушай теперь, какъ мое намѣреніе прекрасно. Конечно, если-бы мы направили свои удары на женщину болѣе скромную, то убийство было-бы гнусно; но ея смерть отомстить за всю Элладу, отомстить за тѣхъ, чьихъ она погубила отцевъ, кого она лишила дѣтей, и за молодыхъ женщинъ, у которыхъ она отняла мужей. Всѣ закричать отъ радости, бросятся къ алтарямъ боговъ, моля для нась обоихъ тысячу благодатей за то, что мы отплатили этой коварной женщинѣ долгъ крови. Послѣ ея убийства тебя уже не назовутъ болѣе матереубійцей; ты замѣнишь это имя другимъ, болѣе прекраснымъ—убійцы Елены, причинившей смерть столькимъ героямъ. Не надо, нѣть, не надо, чтобы Менелай жилъ счастливо, а чтобы твой отецъ, твой братъ и ты, вы умерли... а твоя мать... но я умолчу, такъ какъ не пристало о ней говорить. Не надо, чтобы Менелай владѣль твоимъ домомъ, когда онъ добылъ свою супругу, благодаря Агамемнону. Пусть я потеряю жизнь, если не выну кинжала, чтобы поразить ее. Но если намъ не удастся убить Елену, то передъ смертью подожжемъ этотъ дворецъ. Лишь-бы намъ удалось только то или другое предпріятіе, то наша слава обеспечена: мы съ честью погибнемъ или спасемся.

Хоръ.—Всѣ женщины естественно ненавидятъ дочь Тиндара, опозорившую свой поль.

Орестъ.—О! ничто не можетъ сравниться съ вѣрнымъ другомъ, ни богатство, ни царство; предпочтеть любовь народа великодушному другу значить сдѣлать

безумный обмѣнъ. Ты придумалъ средство захватить Эгиста и помогъ мнѣ въ минуту опасности; теперь опять ты предаешь моихъ враговъ моей мести и не покидаешь меня. Я болѣе не стану хвалить тебя, такъ какъ слишкомъ длинную похвалу тяжело слушать. Что касается до меня, то, готовый отдать послѣдній вздохъ, я не желаю умереть, не сдѣлавъ зла моимъ врагамъ, чтобы, въ свою очередь, погубить измѣнившихъ намъ и вызвать слезы у тѣхъ, которые были причиною моего несчастья. Я сынъ Агамемнона, признанного достойнымъ повелѣвать надъ всей Элладой, и который, не будучи неограниченнымъ царемъ, пользовался, однако, властью Бога. Я не заставлю его краснѣть, умирая смертью раба; я хочу умереть человѣкомъ свободнымъ, отмстивъ Менелаю. Какъ-бы мы были счастливы, если-бы намъ все это удалось и если-бы, противъ всякой надежды, спасеніе озарило глаза наши, давъ смерть, но не подвергаясь ей! Вотъ предметъ моихъ желаній. Пріятно высказывать свои желанія, хотя-бы только для того, чтобы позабавить свой умъ, такъ какъ крылатыя слова ничего не значатъ.

Электра.—Мнѣ кажется, что я имѣю то, чего ты такъ добиваешься, братъ мой! твое спасеніе, спасеніе Пилада, а также и мое.

Орестъ.—Небесное провидѣніе вдохновляетъ тебя. Но какой это способъ спасенія? Я знаю, что ты одарена осторожностью.

Электра.—Слушай-же; и ты, Пиладъ, отдай мнѣ все твое вниманіе.

Орестъ.—Говори! ожиданіе блага не лишено сладости.

Электра.—Ты знаешь дочь Елены? я тебя спрашиваю то, что ты знаешь.

Орестъ.—Я знаю Эрміону, воспитанную моей матерью.

Электра.—Она отправилась на могилу Клитемнестры.

Орестъ.—Зачѣмъ? Какую надежду внушаешь ты мнѣ?

Электра.—Для возліяній на гробницѣ моей матери.

Орестъ.— Ну, такъ что-же? что ты изъ этого видишь, что бы способствовало нашему спасенію?

Электра.— При ея возвращеніи удержите ее какъ заложницу.

Орестъ.— Какъ это можетъ пособить мученіямъ трехъ друзей?

Электра.— Когда Елена будетъ убита, если Менелай станетъ угрожать тебѣ или Пиладу, или мнѣ (такъ какъ эта цѣль друзей составляетъ одно), скажи ему, что ты убьешь Эрміону и ты долженъ будешь держать обнаженный кинжалъ у самой шеи молодой дѣвушки. Если Менелай, видя Елену, лежащую въ крови, оставить тебѣ жизнь для спасенія Эрміоны, оставь дочь отцу; но если, въ порывѣ гнѣва, онъ захочетъ убить тебя, погрузи желѣзо въ ея шею. Къ тому-же, я думаю, что если онъ явится расерженнымъ, то сердце его ко мнѣ смягчится: ибо природа не надѣлила его ни смѣлостью, ни мужествомъ. Вотъ на чёмъ я основовою наше спасеніе. Я все сказала.

Орестъ.— О ты, соединяющая мужское сердце съ прелестями, отличающими тебя отъ всѣхъ женщинъ, ты заслуживаешь болѣе жизни, нежели смерти. Вотъ супруга, тобою теряемая, злополучный Пиладъ, и обѣщающая счастливый союзъ, если ты останешься живъ.

Пиладъ.— Да будетъ такъ! пусть она войдетъ въ городъ Фокійцевъ, признанная достойной славнаго гименея!

Орестъ.— Когда Эрміона вернется во дворецъ? твой планъ великодушенъ, если намъ удастся овладѣть дочерью нечестиваго отца.

Электра.— Полагаю, что она теперь не далеко отъ дворца, продолжительность ея отсутствія заставляетъ такъ думать.

Орестъ.— Прекрасно. Ты, сестра, жди передъ домомъ ея прихода. Пока не будетъ совершено убийство, наблюдай, чтобы не вошелъ во дворецъ одинъ изъ друзей нашего врага, или братъ нашего отца, и дай намъ знать, или постучи въ дверь или громко закричи намъ. А ты, Пиладъ (такъ какъ ты хочешь раздѣлить мою судьбу), войдемъ и вооружимся кинжалами для поддержанія послѣдней борьбы. О, отецъ мой, находящійся въ обиталищѣ

мрачной ночи! Орестъ, сынъ твой умоляетъ помочь намъ въ нашемъ несчастії. Изъ за тебя я страдаю, несчастны й, не заслуживъ этого; мнѣ измѣнилъ братъ твой, хотя я поступилъ справедливо: я хочу завладѣть его супру- гою и убить ее; будь нашимъ помощникомъ въ этомъ предпріятіи.

Электра.—О, мой отецъ, приди къ намъ на помощь, если изъ нѣдръ земли ты слышишь дѣтей твоихъ, тебя призывающихъ и за тебя умирающихъ.

Пиладъ.—О ты, котораго родство связываетъ съ моимъ отцомъ¹⁾ Агамемнонъ, услыши тоже мои мольбы и спаси дѣтей твоихъ.

Орестъ. Я убилъ свою мать.

Пиладъ.—А я держалъ убийственное желѣзо.

Электра.—А я ихъ поддержала, я устранила ихъ со- мнѣнія.

Орестъ.—Я отомстилъ за тебя, отецъ мой.

Электра.—А я не измѣнила тебѣ.

Пиладъ.—Внемли-же этимъ мольбамъ и спаси дѣтей твоихъ.

Орестъ.—Я приношу тебѣ свои слезы, какъ возліяніе.

Электра.—А я мои мольбы.

Пиладъ.—Довольно; приступимъ къ дѣлу. Если мольбы живыхъ проникаютъ подъ землю, онъ слышитъ настъ. О Зевсъ, творецъ моего рода, и ты, Справедливость, величественная богиня, дайте счастливый успѣхъ Оресту, Электрѣ и мнѣ. Это три друга, вступающіе въ одинъ и тотъ же поединокъ, защищающіе одно дѣло и осужденные вмѣстѣ жить или умереть.

Электра.—Женщины Микенскія, о друзья мои, вы, занимающія первое мѣсто въ Аргосѣ, городѣ Пелазговъ...

Хоръ.—Что ты хочешь мнѣ сказать, благородная царевна? Этотъ титулъ все еще остается за тобою въ горо- дѣ Даная.

Электра.—Встаньте однѣ на эту дорогу, изборожден- ную колесницами; другія—на ту, чтобы стеречь дворецъ.

¹⁾ Отецъ Строфія (отца Пилада) былъ женатъ на дочери Агрея.

Хоръ.—Зачѣмъ ты это мнѣ приказываешь? скажи же, дорогая подруга.

Электра.—Я боюсь, чтобы какой нибудь чужестранецъ, стоящій подлѣ дворца, не открылъ кроваваго замысла и не увеличилъ еще нашихъ несчастій.

Полу-хоръ.—Пойдемъ, поспѣшимъ, я буду надзирать за троинкой, обращенной къ восходящему солнцу.

Полу-хоръ.—А я буду сторожить эту, обращенную къ закату.

Электра.—Искоса посматривай сюда, туда и, наконецъ, въ противоположную сторону.

Полу-хоръ.—Вотъ мы стоимъ, какъ ты приказала.

Электра.—Теперь, обводите глазами вокругъ себя и бросайте взоры сквозь локоны вашихъ волосъ.

Полу-хоръ.—Вотъ кто-то на дорогѣ. Вниманіе! Что это за простолюдинъ, бродящій вокругъ твоего дворца?

Электра.—Мы пропали, друзья: онъ откроетъ нашимъ врагамъ западню, въ которой ихъ ожидаетъ мечъ.

Полу-хоръ.—Успокойся: тропинка пустынна, другъ мой, противно твоему ожиданію.

Электра.—А съ твоей стороны, все-ли въ безопасности для меня? Дай мнѣ благопріятный отвѣтъ, если все пространство до дворца пустынно.

Полу-хоръ.—Съ моей стороны все идетъ хорошо; но смотри на твсю: ни одинъ Аргеецъ не приближается къ намъ.

Полу-хоръ.—И у насть тоже никого не видно.

Электра.—Ну, такъ я приставлю ухо къ двери... Отчего вы мѣшкаете убить жертву, когда ничто васъ не смущаетъ?.. Они меня не слышать. О, я несчастная! Уже не притупились-ли мечи передъ красотой? Скоро какой-нибудь вооруженный Аргеецъ проникнетъ во дворецъ и поможетъ ей... Наблюдайте еще лучше; теперь не время отдыхать. Повернитесь однѣ сюда, другія туда.

Хоръ.—Я обхватываю глазами всю дорогу и разматриваю ее на всемъ протяженіи.

Елена.—О, Аргосъ Пелазговъ! я измѣннически погибаю.

Полу-хоръ.—Слышите? Убийцы за дѣломъ.

Полу-хоръ.—Это вопль Елены, какъ мнѣ кажется.

Электра.—О, Зевсъ! о вѣчное могущество! Приди помочь нашимъ друзьямъ.

Елена.—Менелай! я умираю! ты здѣсь и не помогаешь мнѣ!

Электра.—Закалывайте, убивайте, рубите, прокалывайте вашими обьюдоострыми мечами ту, которая покинула своего отца и своего супруга и погубила Эллиновъ павшихъ подъ вражескимъ копьемъ, на берегахъ Скамандра гдѣ язвительные уколы острымъ желѣзомъ заставили литься столько слезъ.

Хоръ.—Тише! молчите! Я слышу шаги по дорогѣ, ведущей ко дворцу.

Электра.—О дорогіе друзья! вотъ Эрміона является въ самое побоище, перестанемъ кричать, такъ какъ она идетъ во время, чтобы попасть въ наши сѣти. То будетъ прекрасная добыча, если мы овладеемъ ею. Придите въ себя; примите спокойный видъ и чтобы ничто въ вашихъ чертахъ не обнаруживало того, что случилось. Я же придамъ своему лицу грустное выраженіе, будто ничего не знаю. (*Эрміонъ*) О, дѣственница, ты возвращаешься съ гробницы Клитемнестры, на которой ты дѣлала погребальные возліянія?

Эрміона.—Я выполнила искупительный обрядъ. Но страхъ охватилъ меня, когда я изѣдали услышала эти крики изъ дворца.

Электра.—О, то, что съ нами случилось, слишкомъ оправдываетъ эти крики.

Эрміона.—Прочь зловѣщія рѣчи! Что ты еще имѣешь новаго сообщить мнѣ?

Электра.—Этотъ городъ произнесъ смертный приговоръ Оресту и мнѣ.

Эрміона.—Нѣть, это невозможно: умереть вамъ, связаннымъ со мною узами крови!

Электра.—Приговоръ произнесень. На насъ тяготитъ иго необходимости.

Эрміона.—Это-то и есть причина криковъ во дворцѣ?

Электра.—Да, упавъ къ ногамъ Елены, онъ кричитъ.

Эрмиона.—Кто? вѣдь я не могу знать, если ты мнѣ не объясишь.

Электра.—Несчастный Орестъ молить о жизни для себя и для меня.

Эрмиона.—Значитъ, праведное дѣло наполняетъ домъ зловѣщими криками.

Электра.—Да кто-же можетъ имѣть болѣе справедливый поводъ къ поднятію голоса! Войди-же и присоедини свои мольбы къ мольбамъ друзей твоихъ; пади на колѣни передъ твоей счастливой матерью и добейся отъ нея, чтобы Менелай воспротивился нашей смерти. Сжался надъ нами ты, воспитанная на рукахъ нашей матери и помоги нашему несчастію. Поди принять участіе въ борьбѣ; я сама укажу тебѣ путь: въ тебѣ наша послѣдняя, наша единственная надежда на спасеніе.

Эрмиона.—Я поспѣшу войти во дворецъ. Если ваше спасеніе зависитъ отъ меня, то оно обеспечено.

Электра.—О вы, держащіе въ рукахъ мечъ, внутри этого дворца, захватите вашу добычу.

Эрмиона.—(*Входя во дворецъ*). Небо! кто эти люди?

Орестъ.—Молчи! ты пришла сюда для нашего спасенія, а не для своего.

Электра.—Захватите ее, захватите. Приставьте мечъ къ ея горлу и стойте спокойно, чтобы Менелай зналъ, что, если съ нимъ поступили такъ, какъ поступаютъ съ подлымъ человѣкомъ, то значитъ, онъ попалъ на людей, а не на подлыхъ Фригійцевъ. Ну, друзья мои, пусть шумъ вашихъ мѣрныхъ шаговъ и раскаты вашего голоса раздаются передъ дворцомъ, чтобы Аргейцы, узнавъ о только-что совершенномъ убийствѣ, не прибѣжали во дворецъ подать помощь нашимъ врагамъ прежде, чѣмъ я не увижу на полу окровавленного трупа Елены, и пока слуги не расскажутъ мнѣ подробностей, такъ какъ если я знаю отчасти то, что случилось, то не знаю во всѣхъ подробностяхъ.

Хоръ.—Месть боговъ справедливо обрушилась на Елену. Она всю Элладу наполнила слезами изъ-за рокового и проклятаго пастуха Иды, этого Париса, приведшаго Элли-

новъ подъ стѣны Иліона. Но двери дворца скрипнули: молчите, я вижу выходящаго Фригійца, который разскажетъ намъ, что тамъ происходитъ.

Фригіецъ.— Я избавился оть смертельныхъ ударовъ аргосскаго желѣза: въ моей фригійской обуви я пробрался по комнатамъ съ украшениями изъ кедра съ дорическими триглифами и убѣжалъ далеко, далеко (о земля, земля!) съ ловкостью варвара. Увы! увы! гдѣ найти убѣжище, чужестранки? взлетѣть-ли въ эаирные пространства или броситься въ море, которое охватываетъ океанъ своими руками, это рѣка съ бычачьей головой, окружающая всю землю?

Хоръ.— Что такое, рабъ Елены, уроженецъ Иды?

Фригіецъ.— Иліонъ! Иліонъ! увы! увы! столица Фригіи съ плодородной землей! священный холмъ Иды, какъ я оплакиваю твою потерю! Я воспѣваю варварскимъ голосомъ и на азіатскій манеръ несчастія, причиненные блестящей красотой Елены, дочери Леды и бѣлокрылого Лебедя, разгромъ Пергамы, этихъ стѣнъ, воздвигнутыхъ Аполлономъ. Увы! увы! несчастная Дарданія! ты поплатилась за похищеніе Ганимеда, любимца Зевса.

Хоръ.— Объясни намъ подробно, что произошло во дворцѣ: хотя я не хорошо знаю предшествующія события, но могу составить себѣ о нихъ понятіе.

Фригіецъ.— Варвары на азіатскомъ языке поютъ погребальный гимнъ смерти: Увы! увы! когда кровь царей льется по землѣ человѣкоубійственнымъ желѣзомъ, орудіемъ Гадеса. Во дворецъ вошли (если уже хочешь, чтобы я рассказалъ тебѣ все подробно) два греческихъ льва, два близнеца: отецъ одного былъ человѣкъ, называвшійся вождемъ войскъ; другой—сынъ Строфія, лукавый, какъ Одиссей, молча замышляющій свои хитрости, но вѣрный друзьямъ, смѣлый въ дѣйствіи, испытанный въ войнѣ и похожій на кровожаднаго дракона. Да погибнетъ онъ, разбойникъ, за свою холодную осторожность! Они подошли къ высокому сѣдалищу, на которомъ сидѣла супруга Париса; съ полными слезъ глазами, съ смиреннымъ видомъ сѣли они, одинъ по ея правую сторону, другой

по лѣвую; затѣмъ, оба обняли колѣни Елены своими умоляющими руками. Фригійские рабы поспѣшно сѣѣжались; въ страхѣ они говорили между собою и опасались какой нибудь хитрости. Одни ничего не подозрѣвали, другіе говорили, что отцеубійственная змѣя захватила въ свои сѣти дочь Тиндара.

Хоръ.—Гдѣ ты былъ тогда? Не страхъ ли заставилъ тебя бѣжать?

Фригіецъ.—По фригійскому обычаю я опахивалъ Елену, помахивая близъ ея лица, щеки и среди локоновъ ея во-лось связкою перьевъ, расположенной въ кружокъ: таковъ варварскій обычай. Она вертѣла въ своихъ пальцахъ ленъ съ своего веретена и опускала нитку до самой земли; она намѣревалась спивать пурпурныя ткани, взятые изъ тро-янской добычи, чтобы положить ихъ, въ видѣ приношенія, на гробницу Клитемнестры. Орестъ слѣдующими словами обратился къ Спартанской царицѣ: «О дочь Зевса, встань съ своего сѣдалища и, ступивъ ногою на землю, подойди къ очагу твоего предка, чтобы выслушать мои рѣчи». Сказавъ это, онъ повелъ ее, а она слѣдовала за нимъ, не предвидя то, что онъ хотѣлъ сдѣлать. Его со-умышленникъ, коварный Фокіецъ, занимался другимъ: «Прочь отсюда, подлые, вѣчно подлые Фригійцы!» и онъ заперъ всѣхъ отдельно, однихъ въ конюшнѣ, другихъ въ пиршественные залы и разогналъ остальныхъ такъ, чтобы совсѣмъ уединить Елену.

Хоръ.—И что послѣ случилось?

Фригіецъ.—Богиня Иды! могущественная мать! могущественная мать! увы! увы! какую сцену убийствъ, какія безобразныя злодѣянія я видѣлъ въ этомъ царскомъ дворцѣ! Они вытащили мечи изъ подъ своей пурпурной одежды, куда ихъ скрыли, и бросили взоры въ различные стороны, чтобы убѣдиться, что нѣть свидѣтелей; потомъ, точно горные кабаны, они встали противъ Елены и сказали ей: «Ты умрешь! ты умрешь! Это твой коварный супругъ убиваетъ тебя, подло дозволяя погибать въ Ар-госѣ сыну его брата». Тогда она воскликнула: «Увы! горе мнѣ!» и, ударивъ себя своей бѣлой рукою, она по-

крыла свою грудь и голову многочисленными ударами и убѣжала, сколъя по землѣ своей золотой обувью; но Орестъ, въ своей крѣпкой миленской обуви послѣдовалъ за нею, схватилъ ее за волосы и, наклонивъ ея голову на лѣво, хотѣль погрузить черный мечъ въ ея горло.

Хоръ.—А что сдѣлали для ея защиты Фригійцы, разсѣянные во дворцѣ?

Фригіецъ.—Услыша ея крики, мы выломали двери и перегородки комнатъ, въ которыхъ были заперты, и со всѣхъ сторонъ дворца устремились къ ней на помощь, держа въ рукахъ, кто камни, кто копья, кто обнаженный мечъ. Къ намъ на встрѣчу вышелъ Пиладъ, непобѣдимый и подобный Фригійцу Гектору или Аяксу, въ его каскѣ съ тремя перьями, котораго я когда-то видѣлъ у дверей Пріама, и мы скрестили оружіе. Тогда ясно обнаружилось, насколько Фригійцы въ сраженіяхъ ниже эллинскихъ воиновъ: одинъ убѣгалъ, другой безжизненно падалъ, этотъ былъ раненъ, тотъ умоляль о пощадѣ. Благодаря сумеркамъ мы пустились въ бѣгство: одни падали замертво, другие умирали, треты валялись на землѣ. Между тѣмъ несчастная Эрміона вошла во дворецъ, чтобы присутствовать при смерти своей злосчастной матери: тогда, точно вакханки, лишенныя тирса, оба Эллина бросились и схватили ее на руки, какъ горнаго оленя, и поспѣшили нанести смертельный ударъ дочери Зевса; но ихъ жертва исчезла изъ комнатъ дворца, о Зевсъ! о земля! о свѣты! о ночь! какой-либо напитокъ или слова, заимствованныя отъ волхвовъ, или рука божія освободила ее отъ убійцъ. Что произошло потомъ, я не знаю. Оказывается, что напрасно Менелай, послѣ тысячи мученій, привезъ изъ Трои свою супругу.

Хоръ.—Но вотъ послѣ столькихъ событий готовится еще новое. Я вижу Ореста, съ желѣзомъ въ рукѣ, выходящаго изъ дворца, съ растеряннымъ видомъ.

Орестъ.—Гдѣ тотъ, который убѣжалъ изъ дворца отъ моего меча?

Фригіецъ.—Падаю передъ тобою на колѣни, царевичъ, и поклоняюсь тебѣ по варварскому обычаяу.

Орестъ.—Мы здѣсь не въ Иліонѣ, а на землѣ Ар-
гоской.

Фригіецъ.—Во всѣхъ земляхъ здравомыслящіе люди
предпочитаютъ жизнь смерти.

Орестъ.—Ужь не кричалъ-ли ты, чтобы шли на по-
мощь Менелаю?

Фригіецъ.—Нѣтъ, но чтобы шли на помощь тебѣ;
такъ какъ ты ея болѣе заслуживаешь.

Орестъ.—Значить, дочь Тиндара погибла по справедли-
вости?

Фригіецъ.—Совершенно; если бы даже ей перерѣзали
три горла.

Орестъ.—Ты льстишь мнѣ изъ страха; но на самомъ
дѣлѣ ты этого не думаешь.

Фригіецъ.—Не она-ли погубила Эладу, а также и
Фригійцевъ?

Орестъ.—Клянись, что ты такъ говоришь не изъ же-
ланія мнѣ угодить, не то я убью тебя.

Фригіецъ.—Клянусь своею жизнью: подобную клятву
я сдережу.

Орестъ.—Такъ-же-ли, какъ въ Троѣ, гдѣ желѣзо было
пугаломъ всѣхъ Фригійцевъ?

Фригіецъ.—Отними мечъ, вблизи онъ бросаетъ страш-
ный блескъ смерти.

Орестъ.—Ты, быть можетъ, боишься окаменѣть, какъ
при взглядѣ на Горгону?

Фригіецъ.—Я боюсь умереть, но не знаю головы Гор-
гоны.

Орестъ.—Ты рабъ и боишься Гадеса который освобо-
дить тебя отъ мученій?

Фригіецъ.—Всякий человѣкъ, хотя бы и рабъ, счаст-
ливъ, видя свѣтъ.

Орестъ.—Ты правъ, твой здравый смыслъ спасаетъ
тебя; но вернись во дворецъ.

Фригіецъ.—И такъ, ты не убѣшь меня?

Орестъ.—Я тебя прощаю.

Фригіецъ.—Хорошо сказано.

Орестъ.—Но мы измѣнимъ свои намѣренія...

Фригіецъ.— Вотъ что не хорошо сказано.

Орестъ.— Ты безумень, думая, что я рѣшусь пролить твою кровь: ты не родился женщиной и не считаешься между мужчинами. Если я вышелъ изъ дворца, то для того, чтобы помѣшать тебѣ кричать: потому что Аргосъ, услыша твои крики, сейчасъ поднимется на ноги. Что-же касается Менелая, то я не боюсь встрѣтить его на разстояніи моего меча: пусть приходитъ онъ гордый своими блокурыми волосами, развѣвающимися по плечамъ; если же онъ явится въ сопровожденіи Аргейцевъ, для мщенія за убийство Елены, и откажется спасти меня, мою сестру и Пилада, все дѣлавшаго со мною, то увидитъ два трупа: трупъ жены и дочери.

Хоръ.— О Фортуна! готовится новое нобоище, побоище страшное для дома Атридовъ!

Полу-хоръ.— Что дѣлать? извѣстить ли городъ объ этихъ событияхъ или молчать?

Полу хоръ.— Молчать гораздо безопаснѣе.

Полу хоръ.— Этотъ дымъ, поднимающійся въ воздухъ, передъ дворцомъ, говорить о томъ, что происходитъ.

Полу-хоръ.— Они зажигаютъ факелы, точно для того, чтобы поджечь дворецъ Тантала, и не отказываются отъ убийства.

Хоръ.— Богъ, по своему усмотрѣнію, задерживаетъ или ускоряетъ кончину смертныхъ: высшая власть, злой гений слетѣлъ на этотъ домъ и наполнилъ его убийствами за то, что Мириль былъ низвергнутъ съ колесницы Пеплопса.— Но я вижу Менелая, направляющагося быстрыми шагами ко дворцу: конечно, его извѣстили о происшедшемъ. Атриды, находящіеся во дворцѣ, торопитесь загородить двери. Человѣкъ въ счастіи страшенъ для такихъ несчастныхъ, какъ ты, Орестъ, котораго судьба преслѣдуетъ.

Менелай.— Я бѣгу, узнавъ о жестокихъ и насильственныхъ поступкахъ двухъ львовъ: я не могу назвать ихъ людьми. Я узналъ, что супруга моя, если не погибла, то исчезла: такова странная басня, разсказанная мнѣ рабомъ, дрожащимъ отъ страха; но это одна уловка, одна

безумная выдумка матеребийцы. Пусть отопрутъ дворецъ! Рабы, приказываю вамъ выломать двери, чтобы я могъ, покрайней мѣрѣ, вырвать свою дочь изъ рукъ этихъ безбожныхъ убійцъ и унести тѣло несчастной супруги, съ которой должны умереть отъ моей руки тѣ, которые ее зарѣзали.

Орестъ. ¹⁾ — Эй! берегись прикасаться къ этимъ дверямъ. Обращаюсь къ тебѣ, Менелай, къ тебѣ, выказывающему такую рѣдкую храбрость. Остановись, или я сломаю эти стариные навѣсы, сдѣланные искусствомъ рабочникомъ, и этимъ зубцомъ размозжу тебѣ голову. Двери приперты рычагами, которые устоятъ, несмотря на все усердіе, и помѣшаютъ тебѣ проникнуть во дворецъ.

Менелай. — Небо! что я вижу? зажженные факелы, мои враги на крыши дворца съ мечемъ, устремленнымъ на голову моей дочери!

Орестъ. — Желаешь ты меня спрашивать?

Менелай. — Не хочу ни того, ни другого; но кажется, я принужденъ тебя выслушать.

Орестъ. — Знай-же, что я убью твою дочь.

Менелай. — Убійца Елены, ты замышляешь еще новое убійство!

Орестъ. — О! если-бы я могъ совершить убійство Елены и если-бы боги не отняли у меня моей жертвы!

Менелай. — Ты отрицаешь, что убилъ ее, и говоришь это, чтобы оскорбить меня.

Орестъ. — Мнѣ дорого стоить отрицать это: отчего не могъ я...

Менелай. — Что сдѣлать? Ты наполняешь меня ужасомъ.

Орестъ. — Низвергнуть къ Гадесу ту, которая была бичемъ Элады!

Менелай. — Отдай мнѣ тѣло моей супруги, чтобы я могъ похоронить ее.

¹⁾ Орестъ, въ сопровожденіи Пилада, находится на крыше дворца. Онъ держитъ обнаженный мечъ надъ головою Эрміоны, его пленницы.

Орестъ.—Проси ее у боговъ; но я убью твою дочь.

Менелай.—Отцеубійца замышляетъ убійство на убійствѣ.

Орестъ.—Скажи лучше! мститель за отца, котораго ты предалъ и обрекъ на смерть.

Менелай.—Ты не удовольствовался, значитъ, кровью, которою осквернилъ себя, кровью твоей матери?

Орестъ.—Я никогда не перестану убивать коварныхъ женщинъ.

Менелай.—А ты, Пиладъ, тоже участвовалъ въ этомъ убійствѣ?

Орестъ.—Его молчаніе есть признаніе: достаточно, если я одинъ буду говорить за него.

Менелай.—Но ты раскаешься, если только не найдешь крыльевъ, чтобы бѣжать.

Орестъ.—Мы не убѣжимъ; мы предадимъ этотъ дворецъ пламени.

Менелай.—Какъ! ты уничтожишь жилище твоихъ отцовъ?

Орестъ.—Чтобы оно тебѣ не досталось; и твоя дочь будетъ зарѣзана во время пожара.

Менелай.—Убивай: по крайней мѣрѣ, твоя смерть отомстить за всѣ твои преступленія.

Орестъ.—Хорошо.

Менелай.—О! сжался! остановись!

Орестъ.—Молчи и умѣй покаряться заслуженному несчастію.

Менелай.—Развѣ справедливо, чтобы ты жилъ?

Орестъ. И чтобы царствовалъ надъ этой страной.

Менелай.—Гдѣ?

Орестъ.—Въ Аргосѣ, городѣ Пелазговъ.

Менелай.—Конечно, ты будешь имѣть право прикасаться къ сосудамъ съ очистительной водой!

Орестъ.—Отчего-же нѣтъ?

Менелай.—И ты будешь закалывать жертвы передъ сраженiemъ.

Орестъ.—А ты могъ это дѣлать?

Менелай.—Да, потому, что мои руки чисты.

Орестъ.—Но не твое сердце.

Менелай.—И кто будетъ говоритьъ съ тобою?

Орестъ.—Всякій, любящій своего отца.

Менелай.—А почитающій свою мать?

Орестъ.—Тотъ счастливъ.

Менелай.—Но не ты.

Орестъ.—Потому, что я не люблю коварныхъ женщина.

Менелай.—Отстрани отъ моей дочери это угрожающее желѣзо.

Овестъ.—Ты ошибаешься.

Менелай.—Какъ! ты убьешь мою дочь?

Орестъ.—Ты не ошибаешься.

Менелай.—Увы! что я буду дѣлать?

Орестъ.—Поди къ Аргейцамъ и убѣди ихъ...

Менелай.—Въ чемъ мнѣ ихъ убѣдить?

Орестъ.—Не губить насъ.

Менелай.—А не то вы убьете мою дочь?

Орестъ.—Это дѣло рѣшенное.

Менелай.—О несчастная Елена!

Орестъ.—А я, развѣ я тоже не несчастливъ?

Менелай.—Я привезъ тебѣ жертву изъ Фригіи.

Орестъ.—Такъ угодно богамъ!

Менелай.—Послѣ тысячи трудовъ.

Орестъ.—Не для меня.

Менелай.—Со мною жестоко поступили.

Орестъ.—Потому что ты отказалъ мнѣ въ своей помощи.

Менелай.—Ты меня держишь.

Орестъ.—Ты самъ попался, благодаря своей низости. Ну же, Электра, подложи огонь внизу дворца, а ты самый вѣрный изъ друзей, Пиладъ, зажги верхъ этихъ стѣнъ.

Менелай.—О земля Даная! о, основатели коннаго Аргоса! не придетe-ли въ вооруженіи мнѣ на помощь? Этотъ человѣкъ хочетъ заставить гражданъ оставить ему жизнь, несмотря на его отвратительное матерубійство.

Аполлонъ.—Менелай, умѣрь пыль своего гнѣва. Апол-

лонъ, сынъ Латоны, явился къ тебѣ и тебѣ повелѣваетъ. А ты, Орестъ, грозящій мечемъ этой молодой дѣвушкѣ, Орестъ, выслушай, что я скажу тебѣ. Елена, которую ты такъ желалъ убить, изъ мщенія Менелаю, не ускользнула отъ тебя; это ее вы видите въ глубинѣ неба, здравую и невредимую, избавившуюся отъ твоихъ ударовъ. Я сохранилъ ея жизнь и спасъ отъ твоего меча, по приказанию моего отца: дочь Зевса, она имѣеть право на бессмертіе; она будетъ находиться на небѣ, подлѣ Кастора и Поллукса, и сдѣлается богиней, покровительницей моряковъ. Выбери и приведи въ свой домъ другую женщину, потому что боги воспользовались красотою Елены для ссоры Эллиновъ съ Фригійцами и произвели побоища, которые облегчили землю отъ слишкомъ тяжелаго бремени дерзкихъ смертныхъ. Вотъ все, что касается Елены; ты, Орестъ, долженъ будешь перейти за границы этой страны и жить на землѣ Парразиской въ теченіи года, въ воспоминаніе о твоей ссылкѣ Азаніянцы *) и вся остальная Аркадія назоветъ эту землю Орестіей. Оттуда ты пойдешь въ городъ Аєннянъ, гдѣ ты будешь вызванъ на судъ тремя Эвменидами за матеребуйство; судъ боговъ, засѣдающій на горѣ Марса, произнесетъ самый справедливый приговоръ и ты выйдешь побѣдителемъ изъ этого испытанія. Эрміону, чьей головѣ угрожаетъ твой мечъ, судьба предназначаетъ тебѣ въ супруги. Неоптолемъ, льстящій себя надеждою на ней жениться, никогда этого не добьется; ему суждено погибнуть отъ желѣза Дельфовъ, требуя у меня отчета въ смерти Ахиллеса, отца его. Что-же касается Пилада, то отдай ему въ жены сестру свою, согласно твоему обѣщанію: они оба будутъ съ этого времени вести счастливую жизнь. А ты, Менелай, предоставь Оресту царствовать въ Аргосѣ и иди повелѣвать въ Спарту, гдѣ ты получишь приданое супруги, которая до сегодня не переставала навлекать на тебя тысячи несчастій. Что-же касается до ссоры Аргоса съ Орестомъ,

*) Азаніянцы были однимъ изъ племенъ Аркадіи.

то я съумѣю ее уладить, я, заставившій его убить свою мать.

Орестъ.—О Аполлонъ, богъ-пророкъ! теперь я вижу, что оракулы твои были не лживы, а правдивы; а между тѣмъ, услыша твой голосъ, я боялся, что слышу злого Генія. Но все счастливо оканчивается и я исполню твои приказанія. Видишь, я отказываюсь убить Эрміону и соглашусь на этотъ бракъ, въ тотъ день, когда отецъ ея отдастъ мнѣ ее въ супруги.

Менелай.—Елена, дочь Зевса, привѣтъ тебѣ. Я поздравляю тебя съ переселеніемъ въ счастливое обиталище боговъ. Орестъ, я обѣщаю тебѣ дочь мою, согласно приказанію Аполлона: пусть этотъ гименей, въ которомъ супруга не менѣе благороднаго происхожденія, чѣмъ супругъ, обратится во благо для тебя и для меня, тебѣ ее дающаго.

Аполлонъ.—Идите-же каждый, куда посылаютъ васъ мои приказанія, и кончайте ваши распри.

Менелай.—Приходится повиноваться.

Орестъ.—Я тоже думаю: я мирюсь съ нашею судбою, Менелай, и съ твоими оракулами, Аполлонъ.

Аполлонъ.—Отправляйтесь-же въ путь и чтите Миръ, самую прекрасную изъ богинь. Я-же перенесу Елену во дворецъ Зевса, перелетѣвъ черезъ небо, усѣянное блестящими свѣтилами: тамъ, сидя подлѣ Геры и Гебы, супруги Гераклѣ, она сдѣлается богиней, во всѣ времена почитаемой возліяніями смертныхъ, и вмѣстѣ съ Тиндариадами, сыновьями Зевса, будетъ заботиться на охотѣ о спасеніи моряковъ.

Хоръ.—О величественная Побѣда, пекись непрестанно о моей жизни и не переставай вѣнчать ее!

23250

BIBLIOTEKA TURGENEVA

LIBER

101079